

РК 82.3(4)-433.06

Усп

П 64

Просматривается при выдаче и приеме.

82.3(4)-433.06 + 82.3(44ср)-433.06 2277

уф

1988

П64

- 1 МАРТ 88

А. А. ПОТЕБНЯ.

1888 г.

П64

ОБЪЯСНЕНИЯ

МАЛОРУССКИХ И СРОДНЫХ

НАРОДНЫХ ПѢСЕНЬ.

894

Отдельный оттиск из „Русского Филологического Вѣстника“.

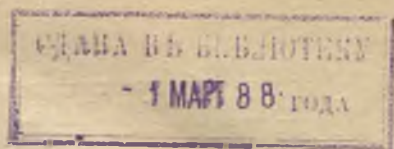
ВАРШАВА.

Въ типографіи М. Земкевича и В. Ноаковского.

Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).

1883.

Прим. Предисловіем к этой книгѣ может служить часть статьи того же автора: Рецензія „Нар. п. Галицкой и Угор. Руси, собр. Я. О. Головацкаго“, Зап. Имп. Ак. Н. XXXVII, II (Отчет о 21 присужд. наград. Гр. Уварова), 103—52, Отд. отд. 40 сл.

I.

Малорусскія пльсенныя выраженія мысли „что к чему идет“, „что к чему пристало“, „ровня“.

(Ср. „Хто бы мнѣ зналъ жену да супротивную:

„Да и станом мнѣ ровнѣ и умом сверстну,

Кир. П. III, 61 et pass.).

Эта и слѣдующія замѣтки вызваны сочиненіемъ Н. Ф. Сумцова „О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ“, Харьков 1881, V+206, уже обратившим на себя вниманіе нѣсколькихъ ученых.

Упомянувъ об умыканьи невѣст „у воды“, авторъ говоритъ (I. с. 104—5): В Люциевск. у. Вит. г. раскольники, похитивъ дѣвушку, объѣзжаютъ с нею три раза вокругъ одного большого мѣстнаго озера (Терещ. Б. Р. н. II, 28). В слѣдующей мр. пѣснѣ проглядываетъ древній обычай совершать бракосочетаніе при водѣ и посредствомъ воды:

Ой у (v. на) полі та озеречко,

Там плавало відеречко,

Сосновое відеречко, дубовое денечко!

Ходім повинчаймось, мое сердечко,

Костом. в Бесѣдѣ 1872, V, 102; Метл. 27“.

К такому пониманію этой пѣсни привело автора то, что онъ упустилъ изъ виду обычный поэтический приѣмъ, состоящій, говоря вообще, в томъ, что традиціонному поэтиче-

скому образу предпосылаются такія черты, немѣющія с ним внутренней связи, которыя придаютъ этому образу вид непосредственнаго воспріятія дѣйствительности. В частности этотъ пріемъ состоитъ въ изображеніи „того пути“, первоначально дѣйствительнаго, „которымъ пѣвецъ приходитъ къ возможности.. вспомнить“ традиціонный образъ. Сюда относятся между прочимъ запѣвы, какъ: „ой піду я...“, „ой зійду я...“, „ой стану я...“, „ой сяду я...“ и подобныя этимъ начала заговоровъ, о чемъ см. мою ст. „Малорусс. п. пѣсня по списку XVI в.“ Воронеж 1877, 18—20, 24—6, гдѣ (24—5) указана ошибка Аѳанасьева, привявшаго упомянутыя начала заговоровъ за описаніе обряда, сходная с ошибкою г. Сумцова. Къ приведеннымъ въ моей статьѣ мр. и вр. примѣрамъ прибавлю еще болгарскій. Дѣло идетъ объ общеславянскомъ древнемъ образѣ умирающаго воина, лишь затроутомъ въ моихъ замѣткахъ „Къ ист. зв.“ II, 3 (Соколъ и конь), III, 123 сл. Къ этому образу пѣсня подходитъ такъ:

Се качи'ме ¹⁾ тамо горе,
Тамо горе на планинѣ,
Тамо има ²⁾ бела чешма ³⁾,
Чешма има, води нема,
Сал' ⁴⁾ ми ⁵⁾ има студенъ каменъ,

На камену боланъ юнакъ... (Верковичъ, Нар. п. Макед. Буг. 332); юнакъ проситъ орловъ неклевать ему очей, пока не напишетъ письма къ матери.

Весьма вѣроятно, что въ вышеприведенной мр. п. первые два стиха вписаны лицомъ, которое видѣло передъ собою или вспоминало только что видѣнное озерцо съ плавающимъ на немъ вѣдромъ. Этотъ обыкновенный образъ удержанъ и закрѣпленъ пѣснейю лишь потому, что онъ приводитъ на мысль содержаніе третьяго стиха, въ символическомъ значе-

¹⁾ Серб. по песмѣ со, мы взошли.

²⁾ = мр. ажъ там...

³⁾ Фонтанъ.

⁴⁾ Только, лишь.

⁵⁾ Dat. ethicus.

ній коего дапо основаніє присоединенія к нему 4-го ст. („ходим повінчаймось“).

Символическое значеніє 3-го ст. („мы пристали друг другу, как дубовое дно к сосновому вѣдру“) сходно со слѣдующим: „нить пристаєт к чему, свивается с чѣм“ или „паутина повилась по тыщу“, лоза (виноградная) вьется по дереву=дѣвица любит такого-то (ровню). К примѣрам, собранным в моем соч. „О нѣкоторых символах в слав. и. позз.“ X. 1860, 116—22, прибавлю еще слѣдующее:

Сходство значеній пяти, паутины, хмелины, дерева склоняющагося на другое ведет или к переходу одного образа в другой, к варьированью дающему неясные образы, или к тому, что по поводу одного вспоминается другой, к сравненію прибавляется еще сравненіе. На пр. вполне ясен образ:

Ой білая паутина на тпн повплася; (=)

(=) Молодая дівчинонька в козака вдалася;

по в слѣдующем:

Ой тонкая хмелінонька на яр повплася;

Молодая дівчинонька в козака вдалася:

Які руки, такі ноги, така й головонька;

(по этому)

Як зійшлися, обнялися—люба й розмовонька

(Укр. п. вид. Баллиної, 23—4; Чуб. V, 309)

„на яр“ (вмѣсто „на тыщ“, которое дало бы ясный образ), негармонпрующее с „повилася“, взято из другого образа: дерево клонится на яр, к другому дереву=дѣвка к парубку, к ровнѣ. Ср. ,

Зеленая ялиночка на яр подалася;

(вар. Зелѣная дубровонька на гай...)

Молодая дівчинонька в козака вдалася,

Чуб. V, 122—3; Сб. пам. нар. тв. Свз. кр., 133.

Этот случай принадлежит к семейству представленій *склонности* (в переносном значеніи, т. е. любви, и отсюда соотвѣтствія, равенства) *наклоненіем* в яр, в долину, по вѣтру вниз:

- а) Похилився дуб на дуба, гільєм на долину;
 Ліпше тебе, любцю любью, як мати дитину,
 Гол. II, 346, 766; I, 263; Метл. 60; Явор, Гол. II, 757; вер-
 ба, II, 742;
 Похилився дуб на дуба, гільєм на долинку;
 (т. е. я ее люблю, но...)
 Ой прийдеся з села пійти через чорнобривку,
 Гол. IV, 458.
- б) Рубай дерево, куда хилиться;
 Віддай, мати, дочку, куда при(й)меться,
 Чуб. V, 565; Шейн, Р. н. п., 99;
 Рубаю я яворину,
 Она паде (наст. вр.) на долину,
 Из долини на мураву;
 (т. е. люблю тебя и пр.)
 Приклонь, мила, свою главу... Гол. II, 552.
- в) Туда лози хилилися, куда им похило;
 Туда очи дивилися, куда серцю мило,
 Гол. II, 340.
 Туди лози хилітєся, куди вітер віє;
 Туди очка дивітєся, отки любко їде,
 Гол. II, 408 (764—6); ср. Метл. 38; Чуб. V, 324.
- г) Тече річка по каміню, годі ю сперети (нєльзє... оста-
 [новить];
 Міні рибку полюбити, хоть бы умерети,
 Гол. II, 742.
 Ой виїду я за ворітєчка, да ринє вода, ринє;
 Несилуйтє мєнє за нєлюбє, да нєхай жє він згинє,
 Метл. 243.
- д) Топилися сніги з гори, на долині стали;
 Любилися сиві очи, тепер перестали,
 Гол. II, 340, 828.
- е) Котилися вози з гори, на долині стали;
 Кохалися, любилися, тепер перестали,
 Гол. I, 258; II, 344, 401 (727—8); препят-
 ствіє в любви: Гол. II, 311, 363, 401; „и не
 скреба туди, куди людє“: Гол. II, 426 (550).

ж) Ой у гору та неможу, у долину рушу;
За челлені чоботятя любити я мушу,
Гол. IV, 513.

Неторопливая любовь:

Ой из гори на долину помаленьку зійду;
„Звари, душко, пироженьків: в вечір до тя прийду,
Гол. II, 283, 363.

Слѣдующая пѣсня Хорватов угорских (Kurelac, Jaske ili n. pѣsme... puka Hrvatskoga... na Ugrih, Zagreb 1871. 3), служит примѣром перехода к другим, синонимичным сравненіям, их собиранія и развитія:

„Ој ти вишна, вишница!

„Камо ти се нагнула?

—А ја сам се нагнула
К бору ¹⁾ зеленому.

„А ти млада дѣвојка,

„К кому си се привила?

—А ја сам се привила
К младому јунаку,

Кот ²⁾ ми се привија

И свила к бумбаку ³⁾.—

Лѣпа ти ⁴⁾ је та свила,

Још је лѣпша та мила.

Лѣп ти ли је тај бумбак,

Још је лѣпши млад јунак.

Лѣпо ти је свилу ткат,

Још је лѣпше с милом спат,

Лѣпо ти је с свилом шит,

Још је лѣпше с милом бит.

Для достиженія правильнаго параллелизма, при котором эта пѣсня могла бы состоять только из двух четверостишій,

¹⁾ К соснѣ.

²⁾ Как.

³⁾ Шелк к бумагѣ, на пр. при вѣтѣ шнурка.

⁴⁾ dat. eth. = вѣдь.

нужно бы в 6-м ст. этой п. употребить выражение из круга человеческой жизни, как на пр.

Песвивайся (bis) трава с повиликой;

Несвыкайся (bis) ¹⁾ молодец с дѣвицей:

Хорошо было свыкаться, тошно разставаться

(Якушкин, Р. п., 181).

Введеніе новаго сравненія („се приви́ла“) в 6-й ст. влечет за собою прибавку стихов 9—10, объясняющих намеков. Ст. 10—14 есть величанье, показывающее, что с любовью, представляемою свиваньемъ двухъ различныхъ питей, связывается мысль о соотвѣтствіи, согласіи: точка зрѣнія, противоположная той, с которой соединеніе в ткани двухъ различныхъ веществъ есть брак, дающій противоестественную помѣсь (Второзаконіе, XXII, 11; Ген, Культ. растенія и домашн. животн., 256). Ст. 15—8, обобщая величанье, уже не обращаясь прямо к величаемому, вносят два новые синонимичные образа: ткать и шить=любить. В варіантѣ той же хорв. п. собиратель отмѣтил два ст.

„Одви́жаш се од рода

Кот китица од бора“,

указывающіе на то, что пѣсня — свадебная (ср. серб. свадеб. Кар. I, 34: Одви се Маре од рода...) и вносящіе еще один образ, составленный из черт данных в серб.

„Па се ви́је ружа око бора,

Као свила око ките смила,

Кар. I, 240.

Вышеупомянутый ряд представленій (шелковина—дѣвица, свиванье — любовь, ср. вр. Шейн, Р. п. п., 455, 509) объясняет слѣдующее противоположеніе:

Ай Боже мій милосердний, ти шовкова питко!

Гей все (всі?) рибки сюда ходят, моєї невидко,

Гол. II, 406.

Возвращаясь к п., послужившей поводом к отступленію, мы видим, что между „сосновое відеречко, дубовое денечко“ с его значеніем и „ходім повипчаймось“ — отно-

¹⁾ *Свыка*, любовь. См. мое Сл. о П. Иг. 49.

шеніе основанія и заключенія. В слѣдующем дѣйствительность противорѣчит подобному выводу, и он удерживается в мыслп, как основа высказываемаго желанія:

Я по саду ходила,
Цвіт—калину ламала,
Цвіт—калину ламала, до серденька пхала,
Бо-м тяжкий жаль мала.

(Калиновый цвіт утoляет сердечную скорбь, Костомар. Об ист. зн. р. и. п. 46; а какая это была скорбь, видно из слѣд.:)

Ой сосновое ушко,
А дубовое денще
(чего, казалось, недостает для любви и счастья? а между тѣм...);

Чом неговориш, чого загнівався
Мое любое сердце? Гол. III, 297.

... Ой підуж бо я, підуж
Де з милим сиділа;
(Ой) там була травка, була зелененька,
А тепера почорвіла.

(остались одни воспоминанія, неоправдывающія дѣйствительности; ибо)

Ой у полі озерце,
Там плавало відерце:
(Ой) соснові клепки, а дубове денще;
Нецураймося сердце!

(Чуб. V, 81; Ср. ib. 256 и 129; всѣ три, особенно послѣдняя представляют болѣе-менѣе неумѣлыя сшивки, с рѣзкими парусеніями даже внѣшняго единства размѣра).

Дльвица, невѣста = сосуд (чаша, бочка).

а) *Невѣста*=чаша [плавающая по меду, Гол. II, 101 (4)]. Вслѣдствіе большой общности этого образа, он стал запѣвом многих свадебных пѣсень, неимѣющим непосредственнаго отношенія к их содержанію, по представляющим

лишь формальное их определение; „у тій чашейці солодок медок“, Гол. II ,117—127; ср. 531—2; вр. „Чарочка медяная гостей упоила...“ Сах, Сказ. р. н., кн. 3, 128—9. Эту чару упускает из рук мать, подхватывает свекровь (Zienkiewicz, Piosenki gm. ludu Pińsk. 50). Один из случаев глубоко-древняго сходства мотивов свадебных мр. и вр. пѣсень: (сваты)

Мімо сад ехали...

Сад поломілі,

Голубы поговілі,

Золотого кубочка

Коньмі розбілі...

(дѣвица плачет, сваты утѣшают:)

Молодая Ганночка!

Колі будеш наша,

То мы сад посадім,

Голубы принадім,

Золотого кубочка

Медью наладім, Zienk. l. c. 118—20, с чѣм ср. в вр. свадебной: сваты „подломили сѣни новые“, „раздавили чару золотую“, „выпугали соловья из саду“. Жених утѣшает: „Я солью тебѣ чару золотую... Я у тебя соловей во саду“, Сахар. Сказ. кн. 3, 142—3, 163—4; Шейн, Р. н. п. 454, 461; Колосов, Замѣтки о яз. и нар. п. 50.

б) *Невѣста—бочка меду:*

Мід солодейкий,

Чуп (=чоп, zapfen) коротейкій;

Бочку разрубати,

Меду скоштовати,

Голов. II, 119; IV, 389; Чуб. IV, 422, 442 (NB. воронка, с чѣм ср. Шейн, Р. н. п. 554).

Бр. свадеб.:

Мавіла бочечка

У півниці стаючи:

„Калі мяне невыпьеце,

„Сама выкачусь,

„Па дваре разліюсе,
 „() крыніцей,
 „Скюдзёщей водзіцы (ей?).

Мавіла Агатка

У таткі сядзючы:

„Калі мяпе невыдасі,
 „Так я сама пайду ¹⁾,
 „Па дваре памалсньку іду,
 „За варота у грунь пабягу,

Этн. Сб. III 240 ²⁾.

Отсюда „зробити на коновку денце“ — полюбить дѣвицу, при чем, как в слѣдующей п., символизм принимает на себя облик дѣйствительности (ср. выше стр. 210 и мой Разбор Пѣс. Г. п Уг. Руси Головац., 67, 85—6):

Як я взяла коновочку, пішла по водочку,
 А там Федор чорнобривий рубит колодочку.
 „Зроби мипі, Федорику, на коновки денця,
 „Сшию я ти ново платье з мого полотеньця.
 „Платье буде роскошное, ошпийник вишию,
 „Лише ти ся непотвори на тоту бестию.

(Гол. II, 426—7, гдѣ 3 двустипія приняты за три коломыйки), т. е. лишь бы ты неполюбил (извѣстной) соперницы.

¹⁾ Ср. серб. *добјелица*, Кар. Рјечн. в. в.

²⁾ Мр. бранное названіе женщины „халява“ („Бахус... Венерю лаяти почав... „Невірна, пакосна халява“, Котл. Эн.), хотя могло бы возникнуть и само по себѣ, находится однако в связи с представленіем женщины бочкою, ибо бочка с вином загадывается так: „стоит голенище, а в голенищѣ суслое масло...“ (Сак. Ск. Р. н., кн. 2, 97; Худяков, Заг. 16), а в мр. „як неспиться, заглянь у бочку (т. е. в ближайшем и в дальнѣйшем переносном значеніи, так как бочка — женщина, а затѣм, как предразсудок, и в буквальном смыслѣ) або в халлу“. Ср. чеш. предразсудок: „чтоб спалось хорошо — переверни (poklop) два горшка на стол“, *Houska Půvěry* 534. Б. м. в связи с этим: „если кто из малолѣтних крѣпко спящій испускает урину на постелю, то того съкут голенищем, вѣря что оное к прекращенію того великую имѣет силу“, (Чулков) Абевега 156—7.

Что приєм в развитіи образа здѣсь дан традиціей, видно из того, что таким же способом из выше рассмотрѣннаго круга представленій „вить (сучить) — любить“ выводится: „зсучи волокн“ — полюби:

Ой вівчарю сипетарю (?), ссучи ми волокн!

Будеме ся любовати за чотирі рокп.

Ей ссучи їх, ей ссучи їх, лем оби тошенькі;

Будеме ся туловати, хоть їсьме маленькі.

Ей ссучи ми, ей ссучи ми, оби ¹⁾ ся нервали;

Будеме ся туловати, вби ¹⁾ люде незнали,

Гол. III, 240—1.

Т. о. в предыдущей п. (Г. II, 426) любовник — бондарь, как он и назван в слѣдующей, чисто символической:

... Ой бондаре, бондаре, чого в тебе попрошу:

Набий мені коновочку, що я мед—вино ношу,

А я тобі заплачу—сорочку пошию...

Чуб. V, 905.

На ту же тему есть нѣмец. простонародная п., помнится, слишком прозрачная.

Если женщина—вѣдро или бочка, а содержимое—любовь, то течь — невѣрность — от того, что дно неплотно входит в уторы (общеслав. *ж.торъ, поль. wątor, нарѣзка для дна в ладах или клепках):

Богині в гніві—также баби,

И так же на утори слаби, Котл. Эп.

С „вѣдро и дно“ сходны по значенію слѣдующіе образы:

а) *Koła i rozwora* (drzewo u spodu wozu, rozszczipione z końca; ср. мр. підтоки, Чуб. VII, 402):

Jaworowe kołka, dębowa rozworka

(Это пара; таким же образом:)

Spodobała mi się Wołasowej córka,

Kolberg, Lud I, 84.

¹⁾ = Оби, чтобы.

б) *Сопілка и денце:*

Вийди, Грицю, на улицю і ти, коваленку,
Заграй мені в сопілочку зтиха помаленьку.

Сопілочка з калипочки, ясенове денце,
(т. е. как же тебѣ молодцу меня нелюбитъ, такую хоро-
шую? а впрочем...)

Ой хтож мене неполубить, рожен ёму в серце,
Чуб. V, 10 (уличная).

Знати мого миленького, що вулицею йде;
Сопілочка, як бджілочка у рученьках гуде ¹⁾.
Сопілочка—як бджілочка, дубовое денце,
(= между нами гармонія, по этому)

Як заграє—заспіває, втишить мое серце
(Ромен. у. уличная).

...Та уже ж мені надокучило та миленького ждучи,
(и потому „мыслоньки заносять“, ей видится уже, что он
„вертається з дороги“:)

Гей із-за гори із-за кручі скриплять вози йдучи,
Вози скриплять, ярма риплять, воли ремпикають,
По переду мой миленький в сопілочку грає.

(Тут переход к символизму:)

Сопілочка з барвіночка, калинове денце:

(она „грає—вимовляє“:)

„Вийди-ж, мила чорнобрива, потіш мое серце!“

Ук. п. вид. Балл. 77 (ср. Кар. Пјес. I, N 352).

Сопілка — милая, барвінок — дѣвственное зелье, калина —
любовь, играет—вспоминает, любит. Менѣ послѣдователь-
ный символизм (*оріхове д.*=з ліщини) у Чуб. V, 271:

Що сопілочка з барвіночка, оріхове денце,

Як заграє, як сам знає, болить мое серце.—

Неможет от людей укриться не только любовь (Серб.
п. Кар. Пјес. I, 324 (N 444) и сходная новогреческая),
но даже простая привѣтливость дѣвицы:

Їхав козак дорогою: помагай—біг женце!

Вона стала, отказала: „бувай здоров, серце!“

¹⁾ Какое сравненіе!

Та вже тая слава по всім світі стала,
Що дівчина козака серденьком назвала.

Можно думать, что в слѣдующем „калина“ и „ліщина“ есть именно „сопілочка з калиночки, оріхове денце“, так что, значит, сама любовь „наробила слави“:

Ой калина говорила, ліщина співала,
Що дівчина за миленьким три рази вмлівала,
Гол. II, 775.

в) *Скрипка и струны.*

Есть прямые доказательства, что скрипка (и гусли, бандура)—дѣвица, женщина, играть—любить. На этом теперь останавливаться небуду. Замѣчу только, что сюда—стих извѣстной п. „Ой за гаєм, гаєм“: „Та наняла козаченька у скрипочку грати“. Точно так „скрипочка з василечка (барвіночка) а струни із рути (мъяти)“ очевидно может имѣть лишь символическое значеніе (василек—барвинок—козак; рута—мъята=дівка), как выше *дно* и *сопілка*. Игра на такой скрипкѣ—„людская слава“ (поговор) ¹⁾:

А скрипочки из липочки, а струнви з ліщини ²⁾:

Як заграє—защебече, чути до дівчини.

А скрипочки из липочки, а струнви з бервінку:

Як заграє защебече, чути на Вкраїнку,

Гол. II, 397;

Ой скрипочки из липочки, а струни з барвінку:

Як заграю заспіваю, чути на зарінку ³⁾, ів. 252.

Такую игру „далеко чути“; а так как в этом самом или другом сродном кругу представленій сложилась ассоціація „далеко чути — неможна забути“ [Гол. II, 770; ср. ів. 765 (21—4), 767 (33—4)], то игра на скрипкѣ и примѣ-

¹⁾ „Ой неїйде дівка заміж без людської слави“.

²⁾ М. б. взято из другого образа: Сопілка, а денце з ліщини.

³⁾ *Рінь* („Перуна рінь“, Лаврент. и Ипат. л. под 988 г.) нанесенный водою пѣсок, мѣль; нынѣшнее галиц. *рінь*, откуда *за-рінок*.

³⁾ См. выше.

няється к случаям, незабвенным по причинам, весьма далеким от любви и ее мирных символов:

...„Ви, молоді повобранці, верніться до дому!“

— — ..Ради би сьми ся вернути, цісарь не пускає,

...Сидит собі на креселку, на скрипочках грає,

А скрипочки з василечка, а струни из руті:

Як заграє в Тернополі, на всю Польщу чути,

Гол. III, 99, с чѣм ср. Чуб. V, 969, 1000 (воловий смичок). Он стал незабвенным именно тѣм, что

Сидит цісарь на стільчику, вибранчики пише,

Гол. I, 142.

Кровавая дороженька до самого Відня,

А ктож її покровавив?—рекрутоньки бідні.

...Не так цісарь, не так цісарь, як цісарска мати:

Хтіла нами сиротами Польщу (=Турка) звоівати.

Ой скрипочки из липочки, а кілочки з руті:

Як заграют а во Львові, на всю Польщу чути.

А скрипочки из липочки, а струни з барвінку:

Як заграют а во Львові, чути на Українку,

Гол. III, 111; Чуб. V, 970.

К разъясненію взгляда народа на упомянутое заѣсьявленіе служат пѣсни, в коих упоминается цісарь (Гол. I, 132, 133, 134, 135, 137, 142, 151; II, 298 (285—6), 302, 805 (15, 19), 806—7; III, 111—2, 131; IV, 474), непривычная одежда (ib. I, 143, 145), казарма (ib. I, 150), бѣгство (ib. I, 142, 145); сюда же Зап. ю. з. отд. Геогр. Общ. II, 566—8.

Мнѣніе Н. II. Костомарова относительно образа „скрипочка з василечка и пр.“ см. в Бесѣдѣ 1872, VI, 24—5.

Возвращаясь к вышеупомянутому соч. г. Сумцова и к способам превращенія народнопоэтических образцов в мифологическіе, этнографическіе факты, замѣчу еще:

Вѣрно то, что „заключеніе брака“ может быть „поставлено в зависимость от сбора пшеницы“ (Сумц. I. с.

66) ¹⁾, но в поль.

Jest pszeniczka, będzie mała;

Są dziewczątka, będzie żonka

говорится не это, а тоже, что в мр.

Чорна гречка, білі крупи,

т. е. что „з дівки—молодиця“, к чему мр. п. прибавляет:
тогда

Непопадайсь дівча в руки.

— Может быть и существует вѣрованье, что „молодые оказывают благотворное вліяніе на растительность“ (Сумм. ib. 71); но в приводимой в подтвержденіе болг. п.

Кога за Јелка пойдоха,

Вишни—черешни цвѣтеха ²⁾;

Кога ³⁾ се с Јелка вернаха ⁴⁾

Вишни—черешни узрели,

(из Карадж. Безс. Болг. п. II, 16),

а то, что невѣста была „презморка“ (за-морянка) и сватам было так далеко ити по невѣсту, что между их отправленіем и возвратом прошло время от цвѣтенья до созрѣнья вишень и пр. Так в серб. п. дѣвица плачет, что отдают ее далеко за-муж. Сноха ее утѣшает: меня-дѣ выдала еще дальше:

Када су мене гледали,

Онда су вишне саѣне;

Када су мене просили,

Онда су вишне цватиле;

Када су мене водили,

Онда су вишне зобане,

Кар. II, I, 303; ср. Kurelas Јаске, 295.

— Может быть „свѣча на свадьбах служит знаменіем солнца“ (Сумм. 91), но невѣрно и песюда относится то, что будто „в мр. веснянкѣ перед солнцем и мѣсяцем горят зажженные свѣчи“ (ib. со ссылкой на Костомарова

¹⁾ Ср. на ир. Милод. Бѣлг. п. п., 482 (566).

²⁾ Цвѣли.

³⁾ Когда.

⁴⁾ Возвращались.

в Бесѣдѣ 1872, IV, 68). Дѣло идет о сравненіяхъ свѣтел
==мил, свѣтлѣе—милѣе (в моем соч. О нѣкотор. симв. 40):

Поставлю я свѣченьку напротив місяченька:

Ци буде так ясна, як місяченько ясний?

Поставлю я свекронька напротив батенька:

Ци буде такий милий, як батенько рідний?

Конечно, ни свѣча, ни свекор, не выдержат сравненія, ибо „ставить против“=сравнивать.

— Имѣют ли болг. выраженія „тояга-та є Божо дръце“, „тояга-та из рай излиза“, Карав. Пам. народи. быта Болг. 137—8, отношеніе к обрядному употребленію палки (Сумц. ib. 95), это еще вопрос. Скорѣе в них говорится о палкѣ, как священном орудіи воспитанія, в духѣ стихков (Красницкаго), которыя до недавняго времени печатались в польскихъ букварях:

Rószczka duch święty dziateczki bić radzi,

Rószczka bynajmniej zdrowiu nieczawadzi,

Rószczka napędza rozumu do głowy, etc.

II.

Лелю — *полелю*, *диди* — *ладо*. Г. Сумцов (О свад. обр. 46—8, 64, 67, 71) не только вѣритъ тому, что с давнихъ поръ говорится о мифологическомъ значеніи этихъ словъ, но даже нѣсколько расширяетъ ихъ толкованія: „бракъ Лады, богини весенняго солнца“ и т. п.

1.) Между прочимъ онъ говоритъ: „в польскихъ свадебныхъ п. *встрѣчается Лель* и *Полель*, в русскихъ — только *Лель*“ (47). Проф. В. Миллеръ, одинъ изъ послѣднихъ, писавшихъ объ этомъ (Очерки Арійск. Мио. Афины-Диоскуры, 296), гораздо осторожнѣе. Онъ приводитъ, какъ источникъ баснословія Стрыйковскаго и автора Синописа о Лелѣ и Полелѣ, мѣсто изъ Кромера *De orig. et reb. gest. Polonorum*, lib. III, p. 30, изд. 1589: „solitos enim viros et mulieres, senes et juvenes ad lusus et choreas pariter convenire in diebus, quos nos Pentecosten vocamus, eumque coetum *stado*, quasi gregem vel armentum appellatum esse“ (ср. смолен. *толпище*, сходки и хороводы на *красной горѣ*, начиная съ Омины воскресенья, когда въ пѣсняхъ припѣваютъ „ой лелю“, Терещ. V, 16—7)... Sunt, qui his (diis Polonorum) addunt *Lelum* et *Polelum*, quos in conviviiis et compotationibus appellari adhuc audimus, eosque Castorem et Pollucem esse autumant“. Проф. В. Миллеръ думаетъ, что то, „почему боги (?) Лель и Полель стали сыновьями Лады, основано единственно на звуковомъ сходствѣ Лады съ греч. Ледой, матерью Кастора и Поллукса“; что принятіе „*двухъ* боговъ братьевъ основано только на припѣвѣ, *lelum—polelum*“, якобы употреблявшемся у Мазуровъ и Поляковъ, но, на сколько намъ извѣстны припѣвы славянскихъ пѣсень, в послѣднихъ можно указать только *Леля*“ (ib. 322).

Мнѣ же кажется, что и этого указать нельзя и что Лель, какъ имя божества, навязаннаго безвкусицею XVIII в.

даже Пушкинцу (вмѣстѣ с Харитами и пр.), есть не факт, а очень шаткая догадка. Кромерово „addunt Lelum et Polelum“, как выпит. от латинизованнаго именительнаго Lelus, Polelus, ближайшим образом предполагает не Лель, Полель, а лишь восклицаніе „лелю—полелю“. Лишь с меньшею вѣроятностью, на основаніи выраженія Стрыйковского „подпѣвши восклицают лелюм — полелюм“ (В. Милл. I. с. 295) можно допустить, что кромѣ припѣва *лелю* был и *лелюм*, составленный из перваго и сокращеннаго -м из dat. eth. *ми* (ср. припѣв *сли-м* я ладу, Безс. Бр. п. 154 и мр. „що-м (из *ми*) же то за соколѣчок“, Zienk. P. I. Pińsk. 104; уже в концѣ Ипатьев. сп. лѣт.² „от брата-*мъ* ото Лва“, 600; абы-*мъ* вѣдомо было, 611).

Примѣром того, как возникают учопыя сказки, может служить слѣдующее. Вуйцицкій (P. I. II, 129) свидѣтельствует, что над Бугом, при выѣздѣ молодых в церковь, поют:

Ей розлейся (е=и?) *Полелю* по бору по кореню;

Ой розплачя, Ганулю, перед родним батеньком,
и замѣчает по этому поводу: „Rozlej się!“ przekleństwo powszechnie (?!) używane = żebyś zmarniał, niszczał. Niedziwujmy się, iż w tej pieśni znajdujemy przekleństwo na Polela: jest to dowodem, iż istotnie z dawnych wieków pochodzi. Ze zmiany zakonu, i pieśni też z przeciągiem czasu zmieniano..... Gdy za słowiańszczyzny przedchrześcijańskiej używano pomocy Polela na obrzędach weselnych i przy radośnych biesiadach, potem umieszczono przekleństwo, nieoddalając go wszakże z pieśni weselnej“.

И все это, я думаю, по пусту, пбо на основаніи обычнаго и весьма древняго представленія горя и слезъ разливом (мое Сл. о П. Иг. 73—6; разбор Нар. п. Гал. и Уг. Р. Голован., 86—8) и на основаніи сравненія приведеннаго выше двуступія с бр.:

(Ой) разліїся, *вадзіца* а па лугу, па даліне...;

(Ой) разплачя, Ганулька, па раду, па племяні,
Шейн, Бр. п. 199;

считаю пужным читать, вм. „Полелю“,

Ей разливйся, *полою*, по бору, по корепю“.

У Даля *по-лой*, поемное мѣсто и разлив; мр. *полий*, род. зв. *полою*, вода выступившая по-верх льда; серб. *полоу*, мѣль и поемное мѣсто. Таким же образом от другого, сродного корня, болг. *порой*, поток (или разлив? Миладин. Българ. п. п., 104).

„Полелю“, хотя б. м. никогда не входило в состав, пѣсеннаго припѣва, хотя б. м. никогда ни для кого, кромѣ учопых, не означало божества, непохоже однако на выдуманное слово. Отноительно его происхожденія предлагаю такую догадку:

Для выраженія многократнаго, частаго, послѣдовательнаго повторенія дѣйствія служит между прочим не только повтореніе глагольнаго междометія и глагола без союза и с ним [мр. тупу—тупу!; шупу—шупу! (=вр. шушү); як туп, так туп; ходить та й ходить, як ходить, так ходить], но и оборот, в коем на втором мѣстѣ ставится глагол с предлогом *по* (=послѣдовательность во времени). Болѣе архаично здѣсь употребленіе глагола в одной и тойже формѣ (мр. ходить—походить, болг. расла—порасла); новѣе—усиленіе степени длительности второго глагола: мр. ходить—похожае, вр. ходит—похаживает. С тѣм же предлогом и значеніем ставится и глагольное междометіе, на пр. в мр. анекдотъ про Литвица: „ѣп менс кеды-пскеды (изрѣдка) абухом, а я яго *шасту-нашасту* (часто) кашелѣм“ (Ном. 16). Таким же образом для выраженія частаго повторенія припѣва *лелю!* (а м. б. и *лелю-м*) могла сложиться поговорка *лелю — полелю*. Ср. „*lelum — polelum, fistum pofistum, verba effutitia*, Rysiński, Przypowieści Polskie, у Линде s. v.

Если это так, то осталось бы отыскивать значеніе одного только припѣва „*лелю*“, который в этой или сходной звуковой формѣ встрѣчается в весенних пѣснях, имѣющих, по видимому, отношеніе к совершившемуся или предстоящему браку. а) Молодым на третій день свадьбы и потом, когда они катаются на масляницѣ, кричат „о лелю, моло-

дые“, Діев обыч. нерехотск. Чт. в Об. И. п др. 1846, II, 26. б) В пѣснѣ, сопровождающей „вьюнец (вьюпишник, вьюпитство, см. мое соч. К ист. зв., II, 11)“, обряд совершаемый в Суботу на Святой (Даль) или в воскресенье на Ооминѣ (одновременно с вр. Радупицею и серб. дружичало) и состоящій в привѣтствіи молодым в первую весну послѣ их брака, Терещ. V, 16—7. Ни из чего невидно, чтобы в этой пѣснѣ:

Ой лелю, молодая, о лелю,
Ты вьюная, о лелю,
Ты по горницѣ пройди, о лелю,
Покажи свое лицо, о лелю, и пр.

„Лелю“ имѣло смысл ласкательнаго слова, обращеннаго к молодой (Сумц. I. с. 47). в) М. б. в связи с „вьюнцем“ припѣв в вр. лѣтней, хороводной пѣсни о выборѣ молодцом дѣвицы:

Вью, вью, вью, лелю!

(из Прача Терещ. IV, 216; таже п. с припѣвом „лели“, Сах. 3, 45, „лелѣ“ ib. 70). Подобныя припѣвы (лели, люли, люлюш) часты в вр. хороводных. Мр. п. с припѣвом „люлюшки-люли“ (Черниг., Метл. 295) — заимствована из вр. г) В серб. „кравцких“ пѣснях (Тропцких), величальных, имѣющих отношеніе к браку:

Овде нама кажу, лело,
Мому неудату з, лело.
Ја л' је ви удајте,
Ја л' је нама дајте, лелѣ,
Да је ми удамо

(Карадж. Рјечн. Кралице; „лела-ле“ ib. s. v.; Карадж. Пјесме I, 97—116; Миллићевѣ, Живот срба, Гласник V (XXII), 100). д) В болг. великодной („леле“), Каравелов, Пам. и. б. 214) и Лазарској:

„Леле, леле, Лазара, о Лазаре!

Младши. 493. е) Припѣв нѣкоторых мр. колядок „лелія“ (на пр. Гол. II, 33; IV, 50—1) можно разсматривать, как видоизмѣненіе того же „лелю“ под вліяніем христіанскаго „алилуя“ („гей, гей, лелія“ в колядкѣ о Рождествѣ Х.,

Гол. IV, 31;

Алилуй, гей алилуй,
Господи Боже, помилуй!

в колядкѣ Господарю, Гол. II, 3, 8—9). Сюда же, по видимому, припѣв литовской великодной пѣсни, по размѣру и содержанію равной мр. щедровкам: *Ķabas wākars, ron gaspādor, Vaj lālu, lālu, lālu, ron gaspador* и пр., откуда *lālūti* пѣть такіа пѣсни, *lalauninks*, волочобник, А. Juškevič, Lietuviškos dainos, I, 301.

От этого „лелю“ слѣдуетъ отличать междометіе: мр. леле, лелечко! (горе! бѣда!); серб. леле мене до Бога једнога! леле мени! куку леле! (vae mihi); болг. о лелѣ, id. В этомъ смыслѣ в болг. п.:

Заплакала ми голѣма нива....

Оф леле, Боже! оф милн Боже!

(Милад. 504), точно так, какъ в „леле майко“, ib. 134, а никакъ не в томъ, что „леле“ есть эпитетъ къ „Боже“ (ср. В. Миллер, Оч. Ар. мно. 322).

Вотъ все болѣе-менѣе достовѣрное, что можно сказать теперь о припѣвѣ „лелю“. Нельзя утверждать, что упомянутое выше мр. серб. болг. междометіе *леле!* возникло изъ *лелю*, хотя это и возможно, в виду того, что припѣв болг. лазаряцъ „леле“, по видимому тождественъ съ „лелю“. Нельзя утверждать, на вѣрно, и того, что „лелю“ образовано какъ междометіа „тупу“, „шушу“, ни того, что оно есть звательный м. р. имени съ темою на *у* (какъ сыну, раю), при именит. *лель*, которое наши предшественники слишкомъ поспѣшно возвели в значеніе собственнаго имени божества брака, солнца и пр. Конечно, в пользу того, что *лелю* есть зват. можно привести слѣдующее сравненіе:

Диди в припѣвѣ *диди ладо*, о коемъ—ниже, могло бы быть звательнымъ отъ темы на *и* (*и*=литов. *ѣ*: господи=лпт. зв. *vėszipatė* отъ *vėszipat(i)s*; ср. Mikl. Gr. III², 3). Относительно значенія уже с давнихъ поръ сравниваютъ лпт. *di-dis* великій и *dėdas*, *дѣдѣ* [между прочимъ, Соловьевъ, Ист. Р. I¹, 65: дпд (дѣд) Ладо, т. к. Русскіе назывались внуками Дажьбога]. Каково бы ни было в частностяхъ отношеніе

didis к *дѣд* (П. Лавровскій, Корен. знач. в назв. родства, 32—3, „в противность Гильфердингу“ полагает, что не *dēdas* получило значеніе от *didis*, а на оборот), слова эти сродны.

Подобно этому *лелю* (собств. *лѣлю*) сближают с латыш. *lēls* великій (лит. *leilas*, тонкій и высокій, о людях; изношенный, истертый, о вещах), а то и другое с ц. сл. *лѣля*, болг. *lele*, тетка, рум. *лѣле*, старшая сестра, алб. *ljaljz*, отец, старшій брат, древан. *nos lgölga* (= *nos lela*), наш дѣд (о Богѣ), Соловьев, Ист. Р. I, Прим. I, 77 со ссылкой на Добровскаго *Slovanka* I, 13; *Mikl. Lex.* *лѣля*.

Тот, кто бы захотѣл видѣть в припѣвах *диди* и *лелю* значеніе „дѣд“, „дядя“ и т. п., мог бы вспомнить, что как в извѣстной весенней хороводной пѣснѣ „сѣянье проса“—припѣв „диди ладо“, так в сродной словацкой, хорв. моравской (мощенье золотого моста, выдача дѣвицы за проѣзд через него, *Sbornik Matice Sloven.* I, 144; *Kurelac*, *Jacke* 293; *Hanuš*, *Bajeslovný kalendař* 154; *Sušil*, *Mor.* p. 730) есть припѣв „Hoja, duñda (*djundja*, морав. *ja-junda*), hoja!“, в коем среднее слово напоминает серб. *дундо*, дядя. У Гуцулов к отцу (дядику) обращаются называя его *лелю*, Гол. II, 130; *лѣлку*, Голов. IV, 347, 353. Имѣет ли *диди* какое либо отношеніе к припѣву серб. *додольских* и. „Ој додо ле, мој Боже ле!“ Кар. Пјес. I, 111, не ясно.

Все это имѣет лишь слабую степень вѣроятности. Весьма много сомнительнаго и в слѣдующем миѣніи В. Миллера:

„Корень припѣва *леле* конечно (?) тот-же, что в... *лѣлять*, и соотвѣтствует инд. *лал-*, играть, шутить, *сауsativ.* *лѣлаж-*ласкать; от этого корня происходят слова: *лалана-*, играющій (про игру свѣта), *лаланѣ*, жепщина, супруга, *лалана-м* игра, *лалата* игривый милый, и наши *лѣля* (владим.) крестный отец и крестная мать, *лѣля* (? *лѣля*), дѣтская рубашечка (кур. и бр.), ц.-сл. *лѣля* тетка... Тот же корень с гласным *у*, *лул-* имѣет болѣе конкретное и потому первоначальное значеніе двигаться, колы-

хаться, откуда скр. *лола* подвижной, *лолати* сладострастие. Ср. наше *люлька* колыбель и припѣв *люли*. И так оба... припѣва *леле* (*лелю*) и *люли* восходят к древнему глагольному корню, и уже потому не могут считаться звуками, лишенными всякаго значенія. Этот корень выражал понятіе любви физической и нравственной и слова *лель* и *леля* означали первоначально приблизительно тоже, что *Ладо* и *Лада*“ (Оч. Арійск. мно. I, 323). Прежде всего считаю невозможным заключеніе: в производных словах встрѣчается значеніе любви, следовательно это значеніе заключено было в корнѣ (ср. мое соч. Из запис. по Русс. Гр. I, 21 сл.). В частности это противорѣчит данным, ибо ни скр. *лалати*, шутит, играет, ни скр. *лолати*, движется, волнуется, никакой любви неозначают. Поэтому, чтобы сдѣлать вѣроятным, что *лелю* и *люли* имѣют какое либо отношеніе к любви, нужно было бы приурочить их к производным, притом славянским словам с этим значеніем, что едва ли может быть сдѣлано. Невидно также достаточных основаній для сближеній: а) *лелѣяти* и названій старших родственников (*леля* и пр.; ср. выше сближеніе с лотыш. *lēls*); б) *лелѣять* и *лелю*. Впрочем семейства *лел-* и *люл-* дѣйствительно сходны ¹⁾.

¹⁾ *Лелѣяти* (п -ся), волновать(ся), качать на руках (дѣтя) и отсюда—воспитывать; блестятъ, я сблизил с скр. питенсивным от *лй*, *лѣлѣяти*, колеблется, качается, дрожит (Сл. о II. Иг. 95—7), то есть отнесъ къ корню, как в *лѣ-ѣтъ*. Но т. к. слав. *е* предполагает в скр. не *ѣ*, а *а*, и т. к. есть мр. (галиц.) формы *лелѣти*, кучері *лелѣли*: то лучше дѣлать *лѣл-ѣ-яти*, сближая это слово по корню с скр. *лал-а-ти* шутит, играет, причиня. *лалѣяти*, ласкает и пр., как это сдѣлано в Словарѣ Бетлинга и Рота. Сюда же вр. *лелякать* лалыкать, говорить по дѣтски, л вм. р (скр. *лал-ана*, язык, от движенія его) и вр. мр. поль. *ляля*, кукла, ребенок.

Русс. *люлю* и *люли* припѣв при убаюкиваньи ребенка, *люляти* (мр., Метл. 2), *люлюкать* укачивать дѣтя, *люлька* колыбель и соотвѣтственные слова с тѣм же значеніем во всѣх славянских нарѣчіях имѣют при себѣ: литов. *lul-ėti* волноваться (о морѣ), дрожать (о жирѣ на тѣлѣ), *luloti* качаться на качели

2.) В. Миллер (Оч. и пр. 318), ссылаясь на Аѳанасьева (П. В. I, 227), находит, что нужно быть слишком недовѣрчивым, чтобы сомнѣваться о существованіи славянской богини Лады, соотвѣтствующей Фреѣ, Афродитѣ, Венерѣ. Так думали и прежде (Hanuš, Bajesl. kalendar, 154).

Однако:

а) В *Mater verborum* глоссы „*Lada*, *Venus*, *dea libidinis*“, равно как „*Priye*, *Afrodis*, *venus*“ суть поддѣлки (А. Patera, *České glossy v „Mater verborum*, Praha, 1877, 38, 45).

б) Измышлены каким либо ревнителем языческаго благочестія литов. пѣсни у Нарбута и др. с обращеніями: „*Lado*, *Lado*, *didie musu dewe*“ „*Lado*, *Lado saule*“ (у Терещ. VI, 143. Ср. также сомнѣнія у В. Миллера I. с.

плп доскѣ, плыть качаясь, *lulynas* засохшее сверху зыбучее болото (ср. вр. зыбун, зыбень, шатун, тряпина); лот. *lôlôt*, *lôlotēt*, качать, убаюкивать, (нѣм. *einlullen*), *lulôt* баловать (сюда ли лат. *laulat* соединять браком, *lauliba*, брак,—сомнительно); скр. *лул-*, *лблати*, приводить въ движеніе, волновать (*perturbare mentem*); *лбла-* безпокойный, и отсюда жадный до чего („что аж труситься“). Сюда же непосредственно плп, через латин. *lolum* (о из *au*, как в *lotum*—*lautum*), нѣм. *lölch*, относятся слав. названія разных ядовитых растений, как причиняющих головокруженіе, опьяненіе, обморок (=вр. шат): поль. *lulek*, *hyosciamus*, чеш. *lilek* id. et *solanum*, *lolum temulentum*, *lulík* *atropa belladonna* и пр.; серб. *лул* (в черн. горѣ *враг*) в пшеицѣ, по видному, не куколь, а головня; хорут. *lulj*, *lolum*.—Форма *люли!* (=баю!) могла бы быть понята как повелительное наклоненіе, несомнѣнное въ подобном по значенію п б. м. сродном чеш. *пупеј!*, поль. *пупај*, *dziesię mojej*, серб. *пупај*, *злато моје* (спи!). Вр. припѣв разгульных пѣсень *люли* мог бы быть отнесен сюда же на основаніи сравненія латыш. *līgo!* (припѣв купальских пѣсень, радостное восклицаніе) с *līgót*, качаться, пѣть купальскія пѣсни, литов. *lingot*, качаться.

Со всѣм этим, само собою, не слѣдует смѣшивать позднѣе заимствованія от восточных народов: серб. *лула*, мр. *люлька*, курительная трубка (собств. чубук). Персид. *луле*, труба, ка-чубук (Матер. для Сравн. Слов. I, 87, 326).

319). Замѣчу по поводу отождествленія здѣсь Лады с солнцем, что купальскія пѣсни с припѣвом „сонейко“ (Шейн Бр. п. 154, из Сб. Чечота), вѣроятно, тоже поддѣлка.

в) Незаслуживают довѣрія два стиха:

Ой Ладо, Ладо, богинѣ!

За што си тако чинила....

записанные Коравеловым (Пам. н. б. Болг., 204) от нѣкогого Караконнова. Или же „богинѣ“ есть имя дѣвцы, к которой обращена пѣсня, и в таком случаѣ „ладо“ не имѣет отношенія к этому имени.

г) Явная поддѣлка, основанная на другой теоріи, хорв. п. (см. Ао. П. В. I, 229):

Lepi Ive terga rože

Tebi, Lado, sveti bože.

Lado, slušaj nas, Lado!

д) Недостовѣрно, что в вр. п. (Ао. ib. 218 со ссылкой на Костомар. Слав. Мю. 27, 74) стояло лада, а не „ладо“ и чтобы „мати“ относилось не к матери поющей дѣвицы, а к богинѣ Ладѣ:

Благослови, мати, весну закликати,

Ой мати, лада, мати, весну закликати.

За тѣм остается достовѣрным только то, что припѣв ладо и т. п. встрѣчается в пѣснях весенних, лѣтних и свадебных:

а) В пѣснѣ, упомянутой выше под д), „закликанье весны“. Пѣсня с подобным началом — и перед завиваньем вѣнков в Семик:

Благослови Троица, Богородица

Нам вѣнки завивать, вѣнок сплести,

Ай дид, ой ладо! Тер. VI, 159.

б) В „приглашеніи парней в хоровод“, Терещ. IV, 140. Припѣв — „диди-лади, диди ладушки“. Отношеніе пѣсни к предстоящему браку видно из того, что здѣсь соколы и лебеди (парни и дѣвки)

Собиралися всѣ на единой на точек

Между собой та(о?)ковалися,

Всѣ по парѣ разбиралися,

Они думали гадали,

Как гнѣздушка собирать будем...

Дальше пѣсня внушает сомнѣнія. И приведенные стихи в формальном отношеніи не вполне удовлетворительны; но мнѣ кажется весьма архаичным то, что игрище названо *током*, игра — *токованьем*. Об этимологическом значеніи слов *ток* и *гумно* (собств. *дрѣмос*, от *молотѣ* бы скотом или лошадыми), см. мое К ист. зв. III, 29. К сказанному там прибавлю, что потерянное в нынѣшнем языкѣ значеніе утолченного игрища [„видим бо игрища утолчена и людѣи много множество, яки упихати начнутъ другъ друга (ср. выше *толпище*, игра, собств. мѣсто гдѣ толпа)... а церкви стоять“ (заростыше), Лавр². 166, под 1068; Ефр. Сир. по сп. XIV в., Вост. Слов. подъ утлачити] в словѣ *ток* мнѣ кажется, засвидѣтельствовано переходом этого слова к птичьим любовным игрищам, к тетеревиному *току* („в лѣсу на прогалинѣ, гдѣ вся трава вытолочена“), точку стрепета (на степи гладко вытопанный кружок) и *токованью* (Даль s. v.). Т. о. я думаю, что значеніе птичьяго тока (в см. дѣйствія и мѣста) и *токованья* — не первообразны (как у Даля) и что основаніем для такого значенія послужило не только сходство птичьяго тока с гумном, но и то, что в старину — игрищами были именно токи, которые могли находиться „между селы“ (Лавр². 13), т. е. между полями (см. мою статью Село, деревня, Русс. Фил. В. 1881, I, pass et 149), так как хлѣб мог обмолачиваться на мѣстѣ. То, что в Черной горѣ *гумно* есть по большей части вмѣстѣ и игрище для молодых, мѣсто сходок для стариков, может, стало быть, зависѣть не от одних тамошних мѣстных условій (избы стоят нерѣдко на кручах и подлѣ них нѣгдѣ водить кола), но и от древняго обычая, существовавшаго и на равнинах.

в) В хороводной весенней п. „сѣянье проса“. Припѣв: „Ой диди ладу“, Терещ. V, 19; диди ладо, диди лада, диди ла ой, Терещ. IV, 305—8; Ой диди ладо, Сахар. Сказ., кн. 3, 27; Гуляев, Оч. Ю. Сиб., 73; без припѣва,

Шейн Вр. п., 201 (N 147); „Ой дид, калинка моя, Ой ладо, малинка моя“, Сах. ib. 46.

Из „диди—ладо“, понятого как „дид и ладо“ возникла поддѣлка „Ой дид со Ладой“, Сах. ib., 47. В такой же мр. п. — „Ой дід ладо“ (Чуб. III, 66), „Ой ми з ладом“ (ib. 67), „Та її у лад ладом“ (Лубны, Метл. 297). У Wasł. z Oleska 53 — „Ой дід лада“, но пѣсня с великоруссизмами.

Сюда же вр. п. о сѣяньи льну („Ой дид, ой лада“, Терещ. IV, 196). О значеніи этих пѣсень и их связи с пѣкаторыми другими, тоже иногда с припѣвом „ладо“, будет сказано особо.

г) В трех различных свадебных пѣснях, весьма прозрачно указывающих на любовь и брак у Кохановской, Остатки бояр. пѣс., Русс. Бес. 1860, II, 75, 83, 98: „Ладо, ладо, ладо мое“ и „ладо—ладо“.

д) В вр. весел., хоров. о борьбѣ молодца с дѣвпцей, Терещ. VI, 158, с искаженіями записывателей. („Ой дид ладо“).

е) Вр. хоров.

Репей стелется, разстиляется,

Ой дид мой репей,

Ой лада, молода,

Да небыть репью с тыном ровну,

Да небыть свекру супротив батюшки моего,

(свекрови — против матушки, небыть ладу (будущ. мужу) против братцев), Тер. IV. 218. Ср. вышеприведенную мр. свадебную п. „поставлю свѣченьку напротив місяченька“.

ж) Вр. хоров. „пиво варить“. Припѣв Ладо мое, ладо, Тер. IV, 297; Сах. Ск. 3, 48; Ладо (ter), Гул. Оч. Ю. Сиб. 84; „млада“, Колосов, Замѣтки, 164; Шейн Р. п. п., 122, 172. Пиво варить=сынов женить, горѣлку гнать=дочек давать, Этн. Сб. III, 213.

з.) Вр. хоров. „за кого ити за муж?“, Сахар. Ск. ки. 3, 31, 51. Припѣв „диди, калина моя, диди малина моя“ и „лели, лелп“. Ср. мр. веселья игровыя сходнаго содержания: Żeg. P. I, 23 = Чуб. III, 35—6; Гол. II, 687;

IV 168, 179, 182, 184 сл.; Зоря Галиц. 1860 г., 515—7.

и) Вр. вчерпючая, при игрѣ в фауны:

Сидит, сидит ящер ¹⁾

Ой диди, ой ладо!

На золотѣ стулѣ,

Грызет, грызет ящер

Орѣховы ядра

(Гул. Оч. Юж. Сиб., 86) ²⁾.

Это — „выбор невѣсты“. Пѣсня обращена к тому же молодцу, сидящему в кругу дѣвиц и ловящему одну из них

¹⁾ *Ящ-ер, Ящ-ур* (т. е. -ер суффикс, в коем *e* через *o* переходит в *y*, как ящерица, мр. ящурка, знахурка из -арка, -орка, мачуха из -сха, -оха, так что нѣтъ нужды предполагать сближенія со *щур*, в коем *y*—коренное), 1) вр. род мышц, *mus avellanarius*, с чѣм ср. скр. *akh-y*, м. р. мышь, крыса, у Вильсона (у Б. Р.) и *graber, spatel* (по Б. Р. из предл. *a* и *khan* — рыть, по другим — *a kh-y*, при чем *kh'* — из *сха, рыть); 2) ящерица и (чеш. слов. *jašter*, поль. *jaszczur*, влуж. *ješcer'*), змѣя (*vipera*) при чем та и другая представляется зубатым, ядовитым и злобым животным; 3) отсюда русс. -ур, серб. -ерица, род болѣзни языка у людей (серб.) и скота (русс.), подобно тому, как названіе горловой болѣзни *жаба* предполагает представленіе жабы зубатою (мое соч. О мпс. зн. пѣкр. обр., 200). Отношеніе ф. *ящер* к серб. болг. *пуштер*, ящерица, ясна.

²⁾ На основаніи сходства размыѣра, можно отнести сюда же хорватскую (около Вараждина) п., о примѣненіи которой впрочем свѣдѣніи неимѣются:

Чук (род совы) седи, чук седи

На боровом трчку,

Сам седи, сам седи,

Сам девојку сноби:

„Ојди сем, ојди сем

Дјевојчица млада!“

—Нејдем ти, нејдем ти,

Да ме мајка кара.—

„Че бош ти, че бош ти

„Мајку послушала,

„Кесно бош, кесно бош

„Својим лубим спала“.

(Plohl-Herdvigov, Hrv. nar. pjes. 31.

или собирающему с них фанты, который в другой пѣснѣ при этой же игрѣ представлен оленем (Гуляев ib.) или селезнем [Сах. Ск., кн. 3, 37 (33)]. При такой же мр. весенней игрѣ поют:

Сиди, сиди, ящуре, горохьяный вінку,
Піймай собі жінку, як перепілку
(Чуб. III, 96);

Ходит качор (селезень) в гороховім вінку,
Вибирай си, качорику, що найкрасшу дівку
(Зоря Гал. 1860, 517 = Гол. II, 689).

і) От части и я виновен в том, что В. Миллер (Оч. 319), ссылаясь на ниже приводимое мѣсто из Терещенка и на меня, неосмотрительно повторившаго это мѣсто, представляет как факт: „у Славян празднованіе Лады приурочивалось к лѣтнему времени“. Терещ. VI, 48, говорит: „нѣкоторые утверждают, что в день Св. Петра солнце на восходѣ играет радугами. Чтобы видѣть это многіе восходят на гору... и едва (солнце) появится *привѣтствуют* его хором:

Ой ладо, ой ладо! на курганъ
Соловей гнѣздо совивает,
А иволга развивает.
Хоть ты вей — цевей, соловей
Небыть твоему гнѣзду совитому,
Небыть иволги дѣтям вывожатым...“

Я думаю, что здѣсь соловей и иволга тоже, что в свадебных и др. п. сокол и галка, что в мр. песнянкѣ соловей и галка:

Ой там на горі дим—не дим (=диво):
Там соловейко гніздо звив
Да всю піченьку невсипав
Собі галочку прикликав:
„Ой чи будеш ти, галочко
„Моїм діткам маткою?=
... = Ой чи будеш ти (дівчино) жоною,
Моїм діточкам слугою, Чуб. III, 138, 177.

В вр. петровочной пволга (=дѣвица) развивает гнѣздо,

нехочет еще быть дѣтям матерью, что согласно с общим содержащем веснянок ¹⁾. Таким образом пѣсня неимѣет прямого отношенія ко встрѣчѣ солнца. Припѣв связан с нею, как и с другими весенними, и неможет считаться привѣтствіем солнцу.

к) Мр. „гаївка“:

Ой діді (дід і), діді ладо:
Жона мужа била,
На добре учила, ой д...
Повідж, мужу, правду,
Як старі діди скачут?

(далѣе: „як баби, парубки, дівоньки...“)

Žeg. P. I, 16—Гол. IV, 163.

...Ой дід, дід та й ладо!

Ти повідай кізле правду,
Як паняночки (et c.) скачут?

Гол. II, 181; Чуб. III, 89.

По содержанию эта п. стоит в длинном ряду веснянок на тему „величанье дѣвщ, насмѣшки над парубками, бабами и пр.“ По началу ср. веснянку:

Кібчику та горобчику!
Скажи мені усю правдочку:
Кому воля, кому неволя?
—Що дівочкам уся воленька...
...А жіночкам та неволенька,

Чуб. III, 58—9 (отрывок у Гол. II, 684); сродная вр. хоровод. у Сах. Ск. кн, 3, 33 (21), 56 (1 и 2).

л) Как в Саратов. г. говорят „давайте дидикать“, т. е. играть хороводныя п., от припѣва *диди* (Терещ. IV, 219); так в серб.-хорв. припѣв *ладо* в весенних пѣснях дал производныя: *ладати* (у Хорв. около Карловца): дѣви-

¹⁾ Ср. весеннюю:

Зазуля кус, льєсєчко чус,
Ой рано, рано! льєсєчко чус,
Марыся плаче, замуж нехоче...

Заблудовье, Этн. сб. III, 92.

цы римско-католическаго закона, украшенныя вѣнцами, ходятъ въ селахъ на канунѣ Юрьева дня (22 Апр.), а въ городѣ на Юрьевъ день утромъ отъ дома къ дому и поютъ. *Ладавица, ладарица* — „дѣвожка коѣ лада“ (Кар. Рѣчи.). Кукулевичъ прибавляетъ, что „пѣснѣ ладарскѣ“ поются отъ Юрьева до Иванова дня и приводитъ ихъ нѣсколько, почти всѣ величальныя (Kukuljević, Djela, IV, 249 сл.), по размѣру болѣею частью тождественныя съ пѣснью, которую Катапчичъ (1750—1825) слышалъ въ молодости:

Три дѣвожкѣ жито желе,

Ладе ми, ладе миле, ладе мой!

(ссылку у Žeg. Р. Р. Р. I, 16).

Это *ладе ми* б. м. объяснитъ вышеупомянутыя мр. *ладо-м* и вр. *м-ладо* (изъ *ладо-ми*, *ладо*), согласно съ предположеннымъ выше *лелю-м*. Сюда же — „пѣснѣ одъ коледоваца“, записанныя и у Самцу и Крушевици, Славон. краѣине:

... Ми идемо, лело!

Ми идемо, кралу, лело!

Садъ предъ бѣлѣ, лело!

Садъ предъ бѣлѣ дворе, лело!

Добра господара,

Ладо ле миле, лело ој!

И носимо, л., и носимо, кр. л.

Бѣломъ двору, л., бѣломъ двору, кр. л.

Здравле и веселе, ладо п пр.

Молимо се, ладо!

Молимо се вишнемъ Богу, ој ладо, ој!

(и далѣе съ такими же припѣвами:)

Да попухне тихи вѣтеръ,

Да удари росна киша,

Да пороси наши пола

И траву мекушицу,

Угоје се наши стада...

Тогда же (на Рождество?):

Дај намъ, Боже, коледо, добру пацу, коледо,

За кравице, к., за овчице, к.
Да нам даду, к., шатре млика, к.
Да можемо, к., окупати, к.
Младог Бога, к., и божїѣа, к.

Ми идемо, коledo, ми идемо, коledари,
Од истока до запада
И носимо ваним горам
И пивам плодно лето,
Вашем дому здравље срећу
и веселе,
Вашим стадам добре паше,
Вашим пивам тежно класје.

(M. Stojanović, Pučke priпов. i pjesme, Zagr. 1867, 277 сл.).

м) „Ладе ладо“ в болг. п. в началѣ весны (Карав. 190) и в весенней, Лазарской, на тему „дочь дороже отцу добытка“ (ib. 204).

н) В мр. (галиц.) *ладканя* вообще свадебныя пѣсни, *ладкати* пѣть их (Гол. IV, Распредѣл. п оглавл. 8 et pass), хотя мр. свадебных пѣсень с припѣвом „ладо“ сохранилось чрезвычайно мало: одна („ладі, ладі“) у Чуб. IV, 74 (из сб. П. А. Кулиша), другая, сообщенная мнѣ г. Халанским ¹⁾).

¹⁾ Ой під дубом, під зеленим,
Ой під листом, під широким
Там староста траву косе,
А сванечка на віз носе,
На віз носе, коня просе:
„Ой їж, коню, наїдайся,
„Ой пий, коню, напивайся!
„Буть тобі, коню, у-вобозі,
„У-вобозі, в важкому возі,
Під молодого сванечкою,
Ладо, ладо, ладо, ладо,
Під молодого сванечкою.

(Любимовка, Рылск. у., Кур. г.).

Отсюда, по видному, заимствована (а не на оборот) вр. свад. п. Старооск. у. Кур. г. (Коханов., Нѣск. р. п. Р. Бѣс. 1860, I, 77)

Это свидѣтельство языка дает возможность выдѣлить достовѣрное из учонаго баснословія в извѣстном мѣстѣ Густинской лѣтописи: „Ладо (си есть Pluton), богъ пекельный. Сего вѣрили быти богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякаго благополучія, яко же Еллины Бахуса. Сему жертвы приношаху хотящїи жениться, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ. Сего Ладона бѣса по нѣкакыхъ странахъ и донынѣ на крестинахъ и на браццхъ величаютъ, поюще своя нѣкія пѣсни, руками о руки или о столъ плещуще, „ладо, ладо“ приплетающе, пѣсни своя многожды помпнаютъ“ (П. с. лѣт., II, 257). Т. к. купальскія пѣсни составляютъ с весенними одинъ рядъ, то вѣроятно, что ночное „плесканіе“ на игрищѣ 23 Іюня, упоминаемое в посланіи игум. Памфила (1505) и в стоглавѣ („нощное плещеваніе“, „в троицкую субботу... плясати и в долони бити“) (Аѳ. П. В. I, 444) сопровождало именно припѣвъ „ладо“. Отсюда мр. *ладки, ладусі* (Чуб. IV, 32), вр. *ладки, ладушки*, какъ приговариваютъ, уча дѣтей бить в ладони. На сколько это содѣйствовало великорусскому измѣненію *долонь в ладонь*, „в ладоши хлопать“, невызываемому никакой опредѣленной звуковой наклонностью, пусть остается вопросомъ.

о) По припѣву и содержанію заслуживаетъ вниманія вр. (юж. Сиб.) свадебная пѣсня, величанье женатымъ:

На лугѣ, лугѣ,

Уряди, дид ладо, уряди!

Стояли три роты,

Три роты военны.

Посередь роты ходитъ

Господинъ нашъ полковникъ,

Свѣтъ Андрей Николаичъ,

На немъ шуба соболья,

Она крыта парчею...

... Какъ бояре-то спросятъ... ¹⁾:

... „Тебе кто шубой дарилъ?“

¹⁾ Настоящее вр., форма арханч.

„Али тесть, али теща?...

— Не тесть дарил, не теща,

Что дарил государь царь —

За мою службу вѣрну,

За мою неизмѣнну.

(Гул., Эти. оч. Южн. Сиб., 14; Библ. для чт., 1848, XC).

Упоминаніе здѣсь рот и полковника заставляет г. Сумцова (О свад. обр., 47) замѣтить: „Припѣвы „ладо“ и пр., как окаменѣлый остаток далекой древности, присоединяются иногда к пѣсням новѣйшаго происхожденія“. Подобныя мнѣнія высказывались и раньше. Г. Кохановская, приводя п., которая поется на масляной, шедши домой с катанья (в ст.—Осколь. у. Кур. г.):

1. Вечер поздно три роты шло:

Ладо, ладо!

Первая рота Московская,

Другая рота Литовская,

Третья рота Турецкая.

А в Турецкой барабаны бьют,

А в Литовской трубы трубят,

А в Московской дѣвка плачет,

Замуж нехочет:

9. Что не батюшка выдает,

Что не матушка снаряжает,

Что не братцы в поѣздѣ,

Не сестрицы в свашеньках;

Выдает свѣтѣл мѣсяц,

Снаряжает красное солнце,

Частыя звѣзды в поѣздѣ

Вечерняя заря в свашеньках,

(Нѣсколько русс. пѣс., Русс. Бес. 1860, I, 44—5), говорит: „упоминаніе рот неоспоримо должно отнести пѣсню к Петровскому времени, но ея поэтическій лад... и пр. дышат силою первичных поэтических представленій народной фантазіи... Дѣвичій плач в Московской ротѣ — знакомый плач русской пѣсни: „что дѣвка плачет, замуж нехочет“; но здѣсь она плачет не потому, чтобы нехотѣла за-

муж... а потому, что ни свѣтѣл мѣсяц... ни что... в мірѣ незамѣняет дѣвкѣ ея родной семьи“. На это редакція Русской Бес., соглашаясь, что слово новое может быть вставлено и в древнюю пѣсню“ (рота вм. рать), приходит к неожиданному заключенію, что „дѣвица — плачущая Малороссія, идущая“ (на соединеніе с Москвою) „по собственной волѣ но с болью сердечною“. Каковы бы ни были изложенныя там же основанія, я их опускаю, придерживаясь слѣдующаго:

Болѣе обширное сравненіе показывает, что а) пѣсня „Вечер поздно“ состоит не менѣе, чѣм из двух мотивов, первоначально ненаходившихся между собою ни в какой связи. Стихи 1—8 служат запѣвом, внѣшней поэтической рамкой для 9—16. Связью первой части служит ст. 8 „замуж нехочет“, один из основных мотивов весенних пѣсень (см. выше, под і). О мифологических основаніях ст. 13—16 я здѣсь говорить небуду и замѣчу только, что подобный мотив встрѣчается в другой связи, без трех рот и плачущей дѣвицы (на пр. Ао. П. В. I, 80) и что он употребляется, как величанье. б) В переизданной мною мр. пѣснѣ по сп. 1571 г. (Мр. н. пѣсня по сп. XVI в. 2—3, 31—3) уже встрѣчается, как запѣв, мотив „три роты“, въ 3-ей, наиболѣе близкой к пѣвцу (т. е. Волосской — в мр. п. сложившейся среди населенія тяготѣвшаго к Волохам, б. м. смѣшаннаго с ними, на пр. в Буковинѣ, и Московской — в пѣснѣ порубежнаго вр. а м. б. и мр. населенія) — дѣвица плачет“ ¹⁾. Хотя бы и отвергнуть мою догад-

¹⁾ Гавр. Я. Стрижевскій сообщил мнѣ интересный бр. вариант этой пѣсни, записанный, по видимому, весьма тщательно в Шацкѣ Мин. губ. и занимающій середину между мр. XVI в. и вр. (у меня I. с. 2—3, 31—2). Въмѣсто ъ, которым записыватель обозначал дифтонг *yo*, ставлю *yo* (один слог); вм. мр. и (=ы) — ы; в [] помѣщены легко опускаемые слова, нарушающія размѣр.

[Ой] Дунаю, Дунай, чаго ціха йдзеш?

За сабою, Дунай, три палкі ведзеш:

[Ой] да у першуом палку конікі і ружь,

ку, что первообраз этого мотива отразился уже в Сл. о полку Иг. (Мр. п. I. с. 33), все же ясно, что плачущая дѣвица никак не может быть Малороссіей. Упоминаніе о ротах Литовской и Турецкой тоже вошло в пѣсню не позже XVI в. Оно, вѣроятно, преобразилось в пѣснь того же склада (Кохан. I. с. 44):

Ой и дочь к отцу собиравася
Тремя мылами умывалася:
Одно мылечко-то Турецкое,
Другое мылечко-то Литовское,
Третье мылечко-то Московское...

Упоминаніе о враждебной Литвѣ, именно представленіе сватов (ср. Слово о П. Иг. „сваты напоиша...“) Литвою, по всей вѣроятности, появилось гораздо раньше. Ср. мр. свадебн.:

Ой ненаходь Литва:
Буде з нами битва,

А у другому палку малуойцы пеюць,

5. А у трейцюм палку дзеучина плаче.

Конікі іржучь — ат вады ідуць,
Малуойцы пеюць — з сабою беручь.

Ой стау капітан дзеучіны пытаць:

10. „Дзеучина мая, чаго ты плачеш?

„Ах узяу бы [я] цсбе [за себс], — неруовная мнє.

„Вазьму-ж я цсбе за свайго слугу:

„Ему будзеш жана, а мнє мілая;

„Ему будзеш [кашулю] шйць, а мнє вышиваць;

15. „Ему будзеш [пасьцель] слаці, а со мною спаць“.

— Жаль, жаль, капітан! испраўда твая!

[А] дзе-ж [тыс] два месецы прі аднуой зарє?

[Дзе] два мужі живуць прі аднуой жанє?

Каму буду жана, таму й мілая;

20. Каму буду [кашулю] мыць, таму й вышиваць;

Каму буду [пасьцель] слаці, с тым і лягу спаць.

Ст. 3 и 5 (конікі іржучь... дзеучина плаче) ср. с мр. веснянкой (в моей ст. Мр. п. XVI в. 36—7). Ст. 11 („неруовная мнє“) ср. со ст. 15 яр. п. XVI в. (ib. 3). Ст. 12 и слѣд.: один из многих подобных случаев рассказан в „Черниговкѣ“ Н. И. Костомарова.

Будем воювати,

Марьечки недавати, Метл. 215.

и в вр. п. „с Литвы сват ѣдет“ и посл. „к людям Богородица, а к нам все Литва“, т. е. к людям хорошіе женихи (собственно гости : намек на колядки, гдѣ в гости является Богородица и пр.), а к нам невѣсть что (Кохан. I. с. 46). Что вмѣсто *рота* могло стоять нѣкогда *полк*, на это указывает привлеченная мною к сравненію бр. пѣсня (в моем соч. Мр. п. по сп. XVI в., 33) и другая, приведенная выше. Кромѣ того в подобных пѣсенных началах *полк* мог приниматься не только в значеніи военного отряда, но и в смыслѣ толпы („дѣвок полчок“ = „дѣвок табунок“), народа (серб. *нук*: „чуј нуче и народе“, нѣм. *volk*).

Возвращаюсь к сибир. пѣснѣ с припѣвом „уряди, дид ладо, уряди“, напоминающим „Ой дай Боже!“ мр. колядок и этим наводящим на то, гдѣ искать сравненій. В этой пѣснѣ начальный мотив „три роты“, довольно древній и в этом видѣ, но не первообразный, не необходимо вяжется с главным. Для „похвальбы шубой“ и т. п. нужны не именно три роты, а лишь сцена и зрители. То и другое, в силу еще очень распространеннаго и, судя по этому, очень древняго приема (Мр. п. по сп. XVI в., 33—7) может быть представлено в трех отдѣлах. Это и находим в другой свадеб. величальной п.:

Пантелей—государь ходит по двору...

...Кунья на нем шуба до земли...

...Суженая смотрит из-под полога,

Бояре то смотрят из города,

Боярыни-то смотрят из терема.

Бояре-то молвят: чей то такой?

Боярыни молвят: чей то господин?

А сужена молвит: мой дорогой!

Сак. Ск. кн. 3, 119.

Этому вполне соответствует один из мотивов мр. колядок и вр. былина, о чем подробнѣе — в другом мѣстѣ.

Т. о. здѣсь неоправдывается, впрочем а priori вѣро-

ятное мѣніе г. Сумцова, что припѣв *ладо* присоединяется к пѣсням новѣйшаго происхожденія.

Грамматическая категорія припѣва *ладо* неясна, кромѣ случаев „ладо мое“ о которых можно думать и то, что в них согласованіе вызвано окончаніем. Как слово, определенное в формальном и лексическом отношеніи находим: а) в Сл. о П. Иг. **лада*, ж. р., но во всѣх четырех мѣстах в примѣненіи к мужу: „на моюя лады вои“, „на ладь (=ы) вои“, „мою ладу“, „жены рускія вѣсплакашась а ркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити...“ Не может ли такое несогласіе грамматич. рода и пола служить указаніем на то, что ближайшее предшествующее значеніе было нарицательное ¹⁾, а не собственное, не мифологическое? б) В нынѣшних вр. пѣснях — частью также в ж. р. [„лада идет“ (муж), Тереш. IV, 167, с опечаткою „лида“; „я ищу ласкова ладу“, *ibid.* VI, 166; „я сама пойду, милу ладу найду“ Даль; „я ищу себѣ ладу милую“ (невѣсту), Тер. IV, 276; „кабы знал, что тут милой ладѣ спать“ Даль], частью в среднем („мое ладо ревниво: и сам игры нелюбят“, Кокан. Нѣск. р. п. 89; „Ой и свѣт мое прежнее ладо, Я котораго попрежъ сего любила“ *ib.* 109). В видѣ прилагательнаго: „милый ладый“,

¹⁾ Как в других словах примѣняемых к милому и к милой: „ровня“, „обрадушка“, радость“, мр. „сердце“, мр. „дружина“, „слово“. Последнее в слѣдующем:

Нема цвіту найсвітнішого над ту ожиноньку;

Нема слова найвірнішого над ту дружиноньку,

с чѣм ср. вр.: племянница покойника, обращаясь к его вдовѣ:

Отпустили свои ласковы словечушка...

...Во могилушку с тобой мы во сыру землю,

Барсов, Причитанья, 171;

мр. Ой од Ромна до Полтавы битая дорога,

Туды пішла, поїхала любая розмова

...Вернись, вернись, мій миленький, любая розмова!

Укр. пісні вид. Балл., 89.

Ср. также „Ой израдо, чорні очи маєш“, Метл. 111.

Рыбн., IV, 113. С уменьш. суф.: „вѣнечный ладушко“, Кохан. ib. 83; „любезный ладушка“, Д. — Предложенное мною этимологическое объясненіе—в моем соч. К ист. зв. I, 130. Оно основано а) на том, что ст. русс. *ладѣнь*, ровный, четный, откуда вѣроятность, что *лада* собств. ровня, пара; б) на том, что основныя дославянскія сочетанія *ар*, *ал*, в началѣ слова, перед согласною дают не только русс. *ро*, *ло* = н.-сл. *ра*, *ла* (*рольа*=*ралим*, *ровѣн*=*равѣнь*, что в формѣ *ровесѣникъ* предполагает дославянское не *равас*- (Fick, V. Vb³. I, 743) а **арвас*-] но и общеславян. *ра*, *ла*: *ладага*, *лань*, *ласка* (?), *рака*, *рало* и *ратай*, *рамянь* (-ѣнь), *рамл*, *рать* (Mikl. Ueber den urspr. der worte trêt... 35). Согласно с этим я принялъ сродство *лад*- с лит. *ard-yti*, дѣлать.

Для мифологій положительных результатов здѣсь никаких. Впрочем см. В. Мпллера Оч. ар. миф. 318 сл., гдѣ между прочим принято что *лад*=скр. *râdha*- (с коим Фик и др. сближают слав. *радъ*). Все бы это ничего, если бы только добратъся, что дѣйствительно была богиня Лада.

III.

Веснянки *размѣра* (4+3+3) и (5+3) и др. *сродных* п.

1. Сѣянье проса. Эта пѣсня была упомянута выше (стр. 25—26), ради припѣва. Изображеніе в ней земледѣльской работы с перваго ея шага („А мы *сѣчу* в. *чищу* *чистити*“, Тер. V, 19; VI, 307); род хлѣба, просо, которое, правда, и теперь сѣется на новинѣ из-под лѣсу, но о котором извѣстно, что в V-м вѣкѣ по Р. оно вмѣстѣ с ячменем было если не единственным, то главным хлѣбным растеніем в Панионіи (ср. Ген, Культурн. раст., 67); форма пѣсни, ея припѣв „Ой *лиди* *ладо*“, ея распространеніе (ср. и Erben Písň, 69; Susil, Мор. п. р., 727—8): все это заставляет видѣть в ней остаток глубокой старины. Из такого же предположенія вытекло наивное стараніе собирателя усилить архаичность пѣсни, замѣнив „А мы дадим сто рублей“ стихами „А мы дадим бѣлую куницу“ (вѣроятно было бы просто „куницу“, как ниже „дѣвицу“), или „А мы дадим веверицу“ (!), или — „кун“, или „сто гривен“ (Сах. Ск. Р. н. кн. 3, 46—7).

В конечных стихах пѣсни

(„А нашего полку *прибыло*, *прибыло*!

—А нашего полку *убыло*, *убыло*!)

лѣ стороны, на которыя дѣлятся играющіе *по полям*, названы „полками“. Этому соотвѣтствует:

а) в сродной серб. пѣснѣ о которой ниже: ... *војска* *иде*: *млади момци* *неженени* ... *све ђевојке* *неудате* ... *удовице*“ (Кар. П. из Херц., 263); б) в мр. веснянкѣ: „*чоловіча*“ и „*жіноча громада* (в. *рада*)“ цезирует и в ру-

ки неберет зелья барвинку, которое хорошо знакомо только „дівочій громаді“, Чуб. III, 68; Гол. IV, 166 (мотив не исключительно малорусскій: ср. серб. п., Кар. П. из Херц., 252); в) в мр. колядкѣ:

Ой осадив він три села людьми:

Ой едно село—старими людьми,

А друге село—парубочками,

А третє село—дівчиноньками.

Роли упомянутых двух „полков“ распределены так, что 1-ый чистит сѣчу, дерет дор, сѣет просо (и стережет его), занимает коней „шелковым певодом“ (т. е. охотничьей сѣтью) или „шелковым поводом“, а 2-й выпускает коней, топчет ими просо, выкупает их не стом не тысячею, а . . . *дѣвицею*. Эта послѣдняя черта затрудняет объясненіе пѣсни в том видѣ, как она до нас дошла, ибо первая сторона состоитъ из дѣвицъ или молодежи, а 2-ая из мужчин. По этому можно бы ожидать, что на предложеніе одной стороны

„А мы дадим молодца“

уже не послѣдует возраженія и новаго предложенія:

„Ненадо нам молодца

—А мы дадим дѣвицу,

а прямо согласіе:

Вот тото нам надобно! Тер. IV, 307.

В пользу такого предположенія говорит слѣдующее:
а) прямое указаніе одного вар., что сѣют именно женщины:

Красны дѣвушки чишу чистили,

Молодушки пашню пахали, Терещ. ів.

Впрочем, если этот вар. можно признать недостоверным, то в таком случаѣ — б) основываться на другихъ многочисленных указаніях что (в пѣснях) сѣют именно дѣвицы, топчут именно парни ¹⁾ и их кони. Конь—обычный сим-

¹⁾ Спьянѣе.

(Размѣр 4+3). Постѣяли дѣвки лён,

Ладо, ладо, дѣвки лен,

вол молодца. Поэтому, как в п. про лен, съившей „за тѣм
замужем быть“, кто топтал; как в извѣстной вр. свадеб.

Во этот ли во ленок
Повадился паренек,
Леночек весь испрималь,
В Дунай—рѣку побросалъ...
(Нижегор. г., Балакирев, Сб. р. в. п.)
Пасселі девкі лён,
Пасселі далгавой.
Сказалі пра лён,
Што увесь привалён.
„Знаю, знаю, хто валял,
„Знаю, знаю, хто таптал:
„За кем замужем быть,
„Танкапрядицей слыть“.

(Щигров. у. Кур. г. с. Россоховец, записал М. Халанскій; Шейн,
Р. н. л., 136—8, 140, 144, 146).

Ср. в мр.: дѣвица съет просо, Гол. III, 248; жито:

Ой я жита несіяла, само жито сходит;
Я козака нечар'вала, сам до мене ходит
(Гол., II, 323, 763), с чѣм ср.

Сію рожу по дорожу (v. по морозу), сама рожа сходит;
Я козака не чарую, сам до мене ходит,

(Гол., III, 353; II, 341; Чуб. V, 216; неродить=неходить, Гол.
I, 189; Чуб. V, 307).

Садить (сад и пр.) = *любить*, Гол., I, 250; II, 769; I, 326.

По поводу приводимых здѣсь сравненій считаю нужным
высказать общее положеніе, без признанія коего, мнѣ кажется,
невозможно пониманіе языка народной (да и всякой) поэзіи.
В этом языкѣ, как и в словѣ, связью образа со значеніем слу-
жит *представленіе*, т. е. взятый из образа признак. Отсюда слѣ-
дует: а) что образы, различные по совокупности своих при-
знаков, могут быть почти тождественны по представленіям
(или точкам, с коих разсматриваются) и значеніям, на пр. в
настоящем случаѣ: сѣять просо, лен, коноплю, жито, розу, раз-
саду; сѣять и садить; б) что один и тот же образ может и-
мѣть различныя, иногда противоположныя значенія, т. к. из
него могут быть выдѣлены различныя представленія, или, и-
наче говоря: он может разсматриваться и примѣняться со
стольких точек зрѣнія, сколько в нем признаков. По этому,
на пр., сказанному выше о значеніи сѣянья нисколько непро-

вмѣсто соловья, выпуганнаго из саду — „я (жених) тебѣ (невѣстѣ) соловей в саду: так плата, которую молодец

творѣчит существованіе другого преемственнаго ряда символов: если земля есть женщина, мать, то оранье, сѣянье и пр. будут обозначать любовь мужчины (см. мое соч. О пѣкр. смв. в слав. н. п., Харьк. 1860, 151). Отсюда: нікому за плугом ходить=нікому любить дѣвицы:

Ой у лузі, в лузі стоять волі в плузі,
Та нікому воли погонити,
Та нікому за плугом ходити:
Плугатирп старії, погоничі малії,
Та нікому воли погонити,
Та нікому за плугом ходити.

Непосредственно за этим запѣвом, без видимой связи с ним, слѣдует жалоба дѣвицы:

Ой чом непрійшов, чом непріѣхав,
Як я тобі серденько казада? (2)
Чи коня немав, доріжки незнав,
Чи матуся їхать незвеліла? (2) и пр.

(Запис. мною в Харьк. г.).

Ср. Гей во лузі воли в плузі, навпереді качка;
Взяв бы я тя, дівчинице, коб есь не брехачка.
(Гол., II, 435).

Оранье, воли в плугѣ — любовь (с модальными оттѣнками возможности, невозможности и пр.); но любовь естественно сочетается с молодостью, откуда *воли* в плугѣ — „літа молодії“ в известной п.:

Гей воли мої та половиї та чом ви неорете?
Гей літа мої та молодії, чому ви марно йдете?

а также у Голов., II, 760:

Воли мої старенькії, не орати вами;
Літа мої молоденькі, тож ми жалѣ за вами.—

Из сказаннаго вытекает методологическое правило: для изучения *распредѣлѣть символы* не только по образам (как почти исключительно у Н. И. Костомарова, положившаго у нас начало изслѣдованіям этого рода своим соч. Об истор. зн. русс. н. п. Харьк. 1843, под вліяніем котораго было написано мое вышеупомянутое сочиненіе, см. ib. стр. 8; за тѣм Истор. знач. и пр. Бесѣда 1872; на пр. роза, рута, мята, барвинок и пр.), но и по *представленіям* в их связи, т. е. по параллельным рядам представлений.

объясняет дѣвицѣ за потоптанный его конем сад (Шейн, Р. н. п. 148—50), выкуп за коня (В. Миллер и Форт., Л.

Возвращаюсь к *сѣянью* и пр. Раз что сѣянье в пѣснях весны и дѣства стало представлением зарождения любви, собиранье посѣяннаго будет представлять ея завершение. Отсюда весеннія хороводныя пѣсни на тему: полоть и брать *лен* („рвать“ = литов. *linus gauti*) не со свекром, свекровью и пр. и не с отцем, матерью и пр. (ибо „то не рване, гараванс“) а с милым [Тереш., IV, 196 (припѣв: Ой дид, ой ладо!); Сах. Ск. кн. 3, 43, 68; бр. Пам. и Обр. н. яз. и слов., I—IV, 237; мр. Костом. Об ист. зн. р. н. п., 42]. С этими весенними сходны мр. свадебныя пѣсни: сѣять, собирать *руту* дѣвицѣ не с отцем, матерью, а с милым: Гол. II, 130; IV, 283, 350—1; Чуб. IV, 283. Отсюда гаданье дѣвицъ: 29 Ноября, на канунѣ Андрея перевоз., в полночь взять горсть коноплянаго (и льняного, Тереш. VI, 66) сѣмени. трижды обойти вокруг хаты или повѣтки, сѣя это сѣмя, скородя сорочкою и приговаривая: „Я, святий Андрію Конопельки сію. Дай же Боже знати С ким весісьє грати“. Женых приснится неминуюемо. Или приговоривать: „кто мені сужений, той приїде зо мною конопельки брати“. Суженый ночью (во снѣ) прійдет дергать коноплю (Маркев. Об. и пов. 20; Чуб. III, 257—8; ів. три другія гаданья тогда же основаны на сходных представленіях: жажда, голодъ=желаніе любви, и суженый подаст пить, съѣст вмѣстѣ кусок; переход через мост—бракъ, и суженый переведет через мост).

Жито жати—тоже; отсюда:

Було-ж неіти жита жати,

Було-ж неіти конопель брати;

Було-ж неіти, дівча, заміж,

Було-ж мене молодця ждати, Чуб. V, 549.

Жито жати=заміж дати, Метл. 21; ср. Чуб. V, 220. По видимому, с одной и той же точки разсматриваются: жито в упомянутой п. (Метл. 21: „Пора мати, жито жати: колос похилився“) и просо (зрѣлое, с тяжелым склонившимся волотьем), с конем в свадеб. п. сравнивается коса („дѣвпчья краса“ вр.), в момент, когда ее отдают „под мечи“ (Гол. IV, 260), расплетают=надѣвают очіпок („очіпляють“)

Ой на горі жито, а в долині просо;

Жаль мені тебе, моя русявая косо!

Ой просо, просо волоття!

Ой косо, косо золоття!

н. п. 100), есть сам молодец. Первоначально так могло быть и в пѣснѣ „сѣять просо“. То, что теперь она говорит о выкупѣ коней дѣвицей, могло произойти от уподобленія другим хороводным н. того же рода (*carmina amoebas*), в конх нѣтъ смѣшенія ролей и дѣвичья сторона выдает мужской дѣвицу. Дѣйствія, сопровождающія эти по-

Не рік я тебе кохала...

... За один ранок зтеряла, Метл. 206; Чуб. IV, 253 (читай „волога“ вм. болота), 259; Гол. IV, 297 (золото — волога — просо...), 357. Замѣтим отзывающееся большой древностью согласіе в спеціальному отношеніи к колосу *проса* и овса слов: лит. *wałtis*, хорут. (v) *lut* (*gisre an der hirse, am hafer*) и мр. *волоття* (собпр.).—„Жито жать“, „братъ лѣн“, как дѣйствительность, пробуждает в одинокой работницѣ мысль о милом, жалобу на его отсутствіе, мечту о нем:

Ой за ярмом брала я лѣн, всю долину сходила;

Нема того тай nebude, кого вірно любила,

(Метл. 61; ср. ib. 60, Чуб. V, 219; 210);

Та болять ручки, та болять ніжки, та пшениченьку жнучи;

Та ужеж мені надокучило, та мпленького ждучи.

Гей из-за гори из-за кручи (и пр. Укр. п. вид. Балл. 78. Пѣсня эта приведена выше (стр. 11). Теперь видна ея цѣльность и красота.

В связи с предыдущим понятно, что значит:

Сію конопельки, дрібні зелененькі; (но)

Сами неберуться, мені недаються.

(а если и попадаютъ люди, то достойные презрѣнія:)

Наберу я горстку тай ногою тручу:

Сама добре знаю, що на біду лучу.

(Чуб. V, 3; ср. ib. 210—11, гдѣ безсмысленное „горошку“, „по гаю“ исправитъ: „горстку“, „ногою“).

В лит. п. „лен рвать“ см. Neesemann, Litauische lied. 142.

Топтанье. Женых=конь=олень=стадо топчет здѣсь, руту, васильки и пр. или сад невѣсты. Ограничусь лишь неполным перечисленіем ссылок: Чуб. IV, 70—1, 113, 121—2, 163, 178—9; Голов. IV, 313—4, 352, 357; Гуляев Этн. оч. юж. Сиб. 89, 96; Карадж. Пјес. I, 12 (N 17), 21 (N 35); Neeselm. Lit. Volkslied. 40—1, 43, 147, 148, 178, 179, 181, 229; В. Миллер и Фортунатов, Литов. н. п. 32, 56.

слѣднія п. и согласующіяся с их содержаніем, соединились с сѣянъем проса и внесли в эту пѣсню еще болѣе запутанности:

„Условясь „сѣять просо“ дѣвушки берут друг дружку за руки и становятся рядом; против них, рядом же и взиавшись за руки — мужчины. Первые, начав пѣть („Ай мы просо...“), медленно подходят к послѣдним и, под припѣв „Ой дид ладо“, отступают на прежнее мѣсто. Тоже дѣлают со своей стороны и мужчины. При словах пѣсни „А мы дадим дѣвицу“, двое мужчин с котораго-нибудь края дѣлают *ворота*, т. е. поднимают руки вверх, пераспуская их. В эти ворота бѣгут дѣвушки. Перед послѣднею . . . молодцы опускают руки, удерживают ее, и ставши на прежнее мѣстѣ против дѣвушек, поют: „А нашего полку прибыло . . .“. Пѣсню начинают снова, и так—до тѣх пор, пока всѣ дѣвицы неперейдут на сторону мужчин, становясь с ними попарно“. Т. о. мужского полку, котораго по содержанію пѣсни, должно убывать, так как он выкупает коней, на против прибывает. „Потом . . . крайняя напра дѣлает *вороты*, через них проходят всѣ играющіе, под пѣсню:

Вокруг города, вокруг Архангельскаго
Остров мой, да зелен мой!

Были трои ворота, трои широкія,
которая приведена ниже. (Гул. Этн. оч. юж. Сиб. 74—5).

Спрашивается, небыли ли ассимилирующими именно пѣсни о *воротах*?

2. Ворота.

Частностям предпошлю здѣсь общее замѣчаніе. В своем разборѣ Н. п. Гал. и Уг. Русн Я. О. Головац., 42 сл., я старался показать, что распредѣленіем пѣсень по размѣрам „опредѣлились бы самыя широкіе потоки пѣсеннаго преданія“. Разнообразіе пѣсенных размѣров на пр. в вр., мр., серб., болгарском можно сравнить с подвижностью ударенія в тѣх же языках, тогда как преобладаніе одного,

двух размѣров по всей пѣсенности, на пр. латышской, начинает постоянство ударенія в лот., западно-славянских и др. Из того, что измѣненіям ударенія в русском, на пр. вода, во́ду, по-воду, зват. мр. во́до, соотвѣтствуют такіа же измѣненія въ южно-славянских языках, выводится не то, что эти языки переняли эту акцентуацію друг у друга или у какого либо неславянскаго языка, а то, что они пошли от общаго языка, в коем уже была приблизительно такая же акцентуація. Подобно этому, при сходствѣ содержанія, сходство размѣра пѣсни вр., мр., сербской и болг., заставляет прежде всего думать не о позднѣйшем заимствованіи, а о первоначальном сродствѣ или о заимствованіи столь древнем, что отличить его от первоначальнаго сродства уже невозможно. Чтобы от такого предположенія перейти к предположенію же или утвержденію, что такая-то русс. пѣсня заимствована у Сербов и пр., или на оборот; нужны такіа же основанія, как и для миѣніи, что то или другое в языкѣ заимствовано. Мы говорим, что удареніе на предпоследнем слогѣ в нѣкоторых западно-малорусских говорах, или же обще-малорусс. формы, как *кревний*, возникли под польским вліяніем; потому что эти явленія, будучи несогласны с обычаем русскаго яз., согласуются с обычаем польскаго, с которым, при смежности и политических связях, язык южной и западной Руси находился во многовѣковом взаимодействіи. Подобно этому понятно, что польская пѣсня

U moi Marysi kwatera na moście

Przyjechało do Marysi trzech kozocków w goście
(Kozłowski, Lud, 47—8)—малорусскаго происхожденія:

В Марусеньки хата на помості . . . ;

что многія литовскія пѣсни вмѣстѣ с размѣром перешли из южной Руси. Но я недумаю, чтобы что либо подобное можно было утверждать относительно сродства русс. пѣсень „А мы просо сѣли“ с приводимую ниже сербскою, ибо тогда пришлось бы считать заимствованіями тысячи общеславянских форм и слов. Правда, как слова для понятій, выражавшихся с незапамятных времен, могут быть заим-

ствованы извѣтъ [на пр. у Хорв. угор. „шкура ноћ“ (овсуга) вм. существующаго *тамна ноћ*); так могут заимствоваться и пѣсни, и весеннія игры, не смотря на то, что совершенно сходныя существуют в народѣ искони. Так на пр. мр. весенняя игра *жельман*, изображающая сватанье и у Чехов сопровождаемая такими же движеніями, как вр. сѣянье проса (Гол. II, 193, 697; IV, 183—4; Чуб. III, 53—6) взята у Поляков, а ими, вѣроятно, у Чехов (Erb. Pivni, 68). Хорутанская, с другим собственным именем, указывает на существованіе чеш. или морав. словац. варіанта, болѣе близкаго к мр. и поль., чѣм приводимый Эрбеном. Она названа свадебной:

Blížej, bližej jezdi Šumar,
Blížej, bližej njega drug,
Blížej Šumarska družina...
... Če sami je (дочери) nam nedáste,
Jo po sili vzámemo...

(Pesni krajnskiga naroda, Lubl. 1839—44, I, 1).

Но здѣсь указаніем на заимствованіе в малорусской п. служит язык, тогда как в других случаях сходства—подобных указаній нѣтъ.

Размѣръ п. „А мы просо сѣяли, сѣяли“ есть $2(4+3+3)$. По этой одной вышней примѣтѣ нужно отнести к тому же разряду тот отдѣлъ мр. веснянок, в котором размѣръ тот же (на пр. „Вербовая | дощечка | дощечка“, Чуб. III, 81) или — без повторенія второй пезуры, м. б. опущеннаго в иных случаях заимствователями („Гума танок розводить“, К истор. зв. II; Чуб. III. 36; „Иди, мужу, до дому“, Чуб. ib. 69 и пр.). Этот размѣръ легко превращается растяженіем перваго полустихія до 5 слогов (Та Роман зілля | ко нас, Чуб. III, 68) в другой, обычный в веснянках: $5+3$, сродный с первым, но не непременно происшедшій из него.

Тот же размѣръ, что в *прось* (и со сходным припѣвом?) — в серб. хороводной (она же и свадебная во время сватанья):

Ој ти коло велико! (ле леа ле?)

—Што нас зовеш, малено?

Имате ли дјевојак?

—Има, коло велико.

Дајте нама до двије.

—Недамо вам ни једне.

А ми ћемо и силом!

—Сила Бога немоли:

Сјевер гору обломи...

А ви два свата, два уводника!

Отворте врата!

—Отворена су јоште с вечера—

и пометена. Кар. Пјес. I, 1—2.

Два послѣдніе стиха размѣром (5+5+5) указывают на то, что взяты из другой п., вѣроятно, сходнаго содержания. Вмѣсто них слѣдует взять послѣдніе 2 ст. из вар. (ib. 277) еще болѣе близкаго к „просу“ по размѣру:

... А ми ћемо на силу, на силу!

—Сила Бога немоли, немоли:

Ветар горе обломи, обломи.—

Крижна врата отворај, отворај!

—Отворена с вечера, с вечера.

Таким образом мы видим, что здѣсь в самую пѣсню введены *ворота*, которыя в „просѣ“ изображались только движеніями.

Что 1-я сторона, грозищая взять дѣвицу силой, есть мужская, видно и из того, что 2-я, отпирающая для первой ворота, сравнивает эту 1-ю с сѣвером (т. е. сѣв. вѣтром, с вр. *сѣверик*, сивер ¹⁾), лит. *sziaurys*) а себя с лѣсом, который этот вѣтер ломает. Ср. мр. свадебн.:

Една була тополенька в тім саду.

Буйниѣ вітри віяли,

З тополі листя незвіяли,

¹⁾

Каково тепло от буйнаго от сивера,
Таково добро от лихой живе мачихи,

Барсов, Причитанья, I, 85.

Аж сходовий вітер повіяв,
З тополі листячко звів.
Єдна була Марисенька в тім дому.
Всі хлопці на ню важили,
Но Марисеньки не взяли,
А Ивасенько як наважив,
Тай Марисеньку собі взяв,
(Гол. II, 629; Чуб. IV, 132—3) ¹⁾.

Етим объясняется смысл припѣва купальской пѣсни:

Стояла тополя край чистого поля,
Стій тополенько нерозвивайсь,
Буйному вітроньку не піддавайсь;
На тій тополі чотирі сокілки,
Стій и пр.

Перва сокілка Горпинка дівка

(2-я такая-то и т. д. В. Пасек, Очерки Росс. I, 97—8; Тереш., Б. Р. и. V, 82). Эта пѣсня, хотя и пѣлась на игрищі почью, но не имѣет прямого отношенія к Маренѣ, изображаемой деревом, и Купалу (Пасек, ib.) и есть такое же величанье четырех дѣвиц, как веснянка:

Ой піхто там небував,
Де ся явір развивав,
Ой яворе, явореньку зелененький!

¹⁾ Сходное представленіе, по видимому, в купальской:

Вітер петрушку підвіває;
Стратій Катерину підмовляє.
Будете, люде, дивитися.

Як я буду женитися, Чуб. III, 219 и в слѣд:

... Прошу тебе, не зрадь мене, бо я молоденька.

Ти не вітер буйний в полю, а я не былина:

Є у тебе отець, мати, в мене є родина

(Гол. III, 335; II, 260 (70), гдѣ вм. *явір* слѣдует *вітер*), т. е. мы не одиноки и любовь вѣтра и быliny нам не образец... мій друже... Гордуєш ти мною, як вітер горою (Чуб. V, 5, або „вітер-буйний“—що „високо несеться“ и в собственном, и в переносном смыслѣ). Как и в других случаях сходно представляется жених и его староста, дружка, сваты, так сваты („чужі люди“) — вѣтры: см. Спрогнос 20—1, 5—6; Трейланд = Бривземн. в Сб. Дашк. II, N, 475.

Тільки бувало два місяці ясних,
 Два місяці ясних—два парубки красних
 (и пр., мое Сл. о П. И., 43).

Прип'їв же „стії и пр.“ может быть понят лишь как равносильный с прип'ївом веснянки (разм'ѣр 4 + 3):

Ой вийдіте, дівочки,
 На новес літечко,
 Та винесіт корогов
 Червону ю як огонь.
 Ой дівки, весна красна,
Нейдіт заміж!

[Ромен. у. Червоная корогов — знак д'ѣвства; ее выставляют и носят на перезв'ѣ „як молода чесна“. См. Чуб. IV, 118 (142) = 450 (1357), 175 (337), 335 (891)]; „нерозвивайсь“ — тоже что и „непіддавайсь“, ибо „развитья = жениться“ (Чуб. III, 214, 220), respect. замуж выйти. Т. о. я немогу согласиться со сл'ѣдующим мн'ѣніем Н. И. Костомарова. Он сообщает, что есть д'ѣвичья Троицкая игра: д'ѣвки привязывают поднятыя вверх руки одной из своих подруг к палк'ѣ (чтобы неопускались) и водят ее с прип'ївом:

Стояла тополя и пр.

и находит тут мнѳологичность: в „нерозвивайсь“, д'ѣвицу как будто хотят удержать от превращенія в тополя; „непіддавайсь“ заставляет предполагать, что сил'ѣ в'ѣтра приписывалось самое превращеніе“ (Кост. Ист. зн. и пр. Бес. 1872, VIII, 30—1). Мн'ѣ кажется, что зд'ѣсь игра могла быть изображеніем чисто-поэтического содержанія прип'їва. Если же есть мнѳологичность, то она составляет бол'ѣе глубокий, пока вовсе незам'ѣтный слой. И так в разсматриваемой серб. п'ѣсн'ѣ мужская сторона говорит:

Крижна врата ¹⁾ отворај!

¹⁾ *Крижна* врата, выраженіе непонятное. Караджичу, может относиться или к перекрестью в воротах, или к тому, что в игр'ѣ ворота изображаются поднятыми и скрещенными руками двоих.

а женская ей отвѣчает:

Отворена с вечера ¹⁾.

Когда в другой хороводной:

„Калопер Перо, лело! Калопер Перо!

—Што зовеш, вита Јело? што зовеш Јело?

не молодец, а дѣвица требует: „Отвори врата... да про-
ђе војска... Стевана бана... из Цариграда“ (Кар. Пјес.
I, 277); то здѣсь можно предположить такое же смѣшеніе
ролей, как выше в „сѣяньи проса“. Ср. мр. игру в коро-

¹⁾ В вариантѣ: „Отворена су... и пометена“, значит, го-
товы к приѣму. Подобным образом выражается ожиданье же-
ниха в мр. веснянкѣ „Ой під вербою неметено...“ Метл. 302.
Мести=вести, Метл. 211, в см. ихогем discore, лит. *westi*, лот.
west; лит. *wedęs* женатый, *neiwedęs* холостой, ст. русс. жена во-
димая. Ср. мое соч. О нѣкотор. симв. 150.

Согласно с этим *невѣста* — золотая метелка, или *вѣтник* —
золотая ручка:

Ой Авдотьюшка у батюшки
Дорогая была гостейка,
Золотая метелочка.
Она мела высок терем
Из кута до порога,
До вешняго (?) пода...

Варенцов, Сб. пѣс. Самар. края, 172);

Авдотьяна матушка,
Мела, мела сѣни,
Потеряла вѣтник —
Золотую ручку,
Шелковую связку,
Бумажныя лпстя.
„Взойду я в пзбу,
Туды сюды гляну,
По вѣм уголочкам:
Угопочки пусты,
Авдотьюшки нѣту...
... Григорьева мати...
... Нашла себѣ вѣтник п пр.
„Взойду я в пзбу...
... Угопочки полны,
Авдотьюшка здѣся... (ib., 173—5).

ля. Дѣвицы составляютъ кругъ (=город), одна (=король)
остается внѣ города:

Король иде, земля гуде.

К. „Одчиный ворота!

„Несуши живота!...

... Королю, край города ходиш,

Королю, дівчат оглядаеш.

Королю, приступи близенько,

Королю, поклонись низенько,

Королю, поцілуйсь гарненько,

Чуб. III, 43—5.

У городі царів сии,

А за городечком царевна (должно быть на
Приступи царенку до гаю, [оборот)

Возьми царівну з раю,

Приступи, царенку, до близу,

Уклонись царівні до нпзу,

Приступи, царенку, ще й блпжче,

Уклонись царівні ще й нижче.

Чуб. III, 159.

В соответствии вр. игрѣ „царев сын“ [„княжой (царев)
сын *хоробер*“, черта древняя, подтверждаемая и другими
вар. кромѣ Сахаровских, К ист. зв. III, 77] стоит за „го-
родом“, царевна в кругу. Самая пѣсня в нѣкоторых, по-
лагаю, болѣе древних вар. сводится к тому же размыру,
что в „просѣ“, в серб. („Сила Бога немоли, немоли“), ко-
торый проглядывает в вышеупомянутой хорутанской („*Се
sami je (nam) nedaste, Jo po sili vzamemo*“), с тою раз-
ницей, что в ней допускается непорядочное размыра (т. е.
вмѣщаемое в то же протяженіе времени) растяженіе ме-
тров (=цезур) с 4 до 5 и с 3-х до 4-х слогов:

4 (v. 5) + 3 + 3 (v. 4 + 4):

Вов городѣ царевна, царевна...

Золотым перстнем сіяет, сіяет.

Как за городом (=по загороду) царев сын, ца-
[рев сын:

„Отворяйтесь ко ворота, ворота

(=Вы съките, холопы, ворота!)

—Поклонитесь ко пониже, пониже,

Поцѣлуйтесь помилѣ...

[Рыбн. III, 441; Колосов Замѣтки о яз. и нар. и. 162—3; Гуляев Этн. оч. ю. Сиб., 72; Зап. Геогр. Общ. по Этногр. II, 386 („царев сын хоробер...“), 401—2, 406; Ефименко, Матер. по этн. Арх. г. II в Труд. Этн. отд. Общ. л. естеств. V, 124—5; Сах., Сказ. кн. 3, 37 (30—1), 60—1; Терещенко, Б. Р. н. IV, 147, 162, 170—2: княжой сын хоробер... княжна во теремѣ сидит, на ней *вльчик горит*...; Шейн, Р. н. п., 12 и также, сходного содержания, 115—8).

Если никакія другія соображенія не препятствуют, мы обязаны объяснять в произведеніях народной поэзіи болѣе древнее и менѣе ясное болѣе новым и понятным. Что значит теперь „одчиняти ворота“ видно из слѣдующаго. Мать, у которой сватают дочь, говорит: „Я вам, сванечко, расскажу свою пригodu. Дай, Боже, цій донечці лучче; а як я старшую отдавала... да й здається воно молоде ще було, було-б и неоддавати, а я її прицеволила. Так вражі люде мене підбили. „Одчиняй ворота, як одчиняються!“ Так и дочку, як ягодочку, отдавай; як поспіває, то й рви її, а як поспіла, то й сама опаде...“, Чуб. IV, 55.

Ворота—сама дѣвица (хилються ворота, кланяється сирота, Чуб. IV, 251); отворять—любить, брать за себя, затворять—переставать, забывать:

Скрипливий воротонька, тяженько заперти:

Коґо (=котру) люблю, не забуду до самої смерти,
(Гол. II, 281, 345; I, 293).

Скрипляют мої ворітенька, неможна підняти;

Люблю, люблю дівчиноньку, та певірно взяти,
(Метл. 62).

Скрипливий ворітечка, немогу відперти

(=„неможу взяти“; но несмотря на это)

Буду любити дівчиноньку до самої смерти,
(Метл. 63).

Скриплять мої ворітенька (= открыты), ніхто й не-
[причипить;
Люблю, люблю дівчиночку, ніхто й неупиєть
(Метл. 62).

На цих основаціях можно попытаться объяснить слѣ-
дующую, на первый взгляд безсвязную веснянку (основ-
ной размѣр—4+4+3+3, усложненіе размѣра 4+3+3).
Дѣвица говорит:

Скриплять мої ворітечка.

На мороз, на мороз? 2.

Горить мос біле личко:

Либонь буде дощ. 2.

Ой дощику поливайчику,

Поливай, поливай! 2.

Козаченьку, до дівчини

Прибувай, прибувай! 2.

(Укр. п. вид. Балл. 103; Чуб. III, 166),

т. е. ворота скрипят, незапираются, и лицо горит не на
мороз, а на тепло, на дождь=любовь встрѣтит отзыв.

Она:

„Ой ти покинь молотити, я покину терти,

„Та підемо до стодоли ворота заперти“.

Он:

—А як же їх заперати, коли пан некаже?

(До сих пор чистая проза, дѣйствительный разговор мо-
лотника и трущей конопли; но за тѣм мысль переходит
к поэтическому значенію образа:)

Она:

„А як-же ты нелюбити, коли-сь красний, враже?

(Гол. II, 257).

Я ворота запераю, вони ся втворюють;

Я милого визираю, як зорі зоріють (Гол. II, 323),

Нехотѣла бы, а люблю: жду до утра.

Если согласно с этим в весенней игрѣ отворянье ворот
связано было с мыслью о выходѣ замуж, то это не исклю-
чает возможности того, что в основаціи этих ворот лежит
мифологическій образ.

3. Воротарь.

Мр. весенняя игра в *Воротаря* (откуда — „в Володаря“), по которой в нѣкоторых мѣстностях „весь період весенних игр называется „співать володаря““ (Чуб. III, 38—41; Голов. II, 695; IV, 159, 165, 175; Ант. и Драг. Ист. п. I, 38—42, 70, 328—30; Костомаров, Истор. поэзія и нов. ея матеріялы, Вѣст. Евр. 1874, XII, 586—90), нелегко поддается удовлетворительному объясненію.

Играющія дѣлится на два хора, из коих второй изображает, как и выше, город, а поднятыя руки одной пары—ворога, в которыхы пробѣгает 1-ый хор. 1-ый хор просит воротаря отворить ворота и пустить в город, называя себя в подляских вар. людьми „князя Романа, нашего папа“, в других Михайловыми, князевыми, панскими, царскими („царя Александра“, т. е. II-го) слугами, вообще людьми того, которому принадлежит и город. В нѣкоторых вар. 2-й хор отвѣчает, что князя Р. нѣт дома, поѣхал на торг до Львова по тото ¹⁾. 2-й х. „Що за дар дасте (v. везуть)? 1-й Срібло та золото (в нѣск. вар. „яріі пчолн в фасоньку меду“). 2-ой А в нас того много. 1-й Що нам ще придасте? (что напоминает переговоры о выкупѣ коней в „сѣяннн проса“). В отвѣт на это варіанты как бы расходятся. В одних 1-й хор придает „мизинес дитя“: оно сидит в золотом креслѣ, одѣто дорогим аксамитом, „цятается... срібними орішками“, „підкидається золотим яблучком“; или „Ой чим воно грає? — Золоту дудочку має.“ „А чим заграває? — Червоним яечком“; „Що-ж воно нам дає? — Золоті перстюпки“. „На що-ж ті перстюпки? — На биліві ручки“ (Ант. и Др. I, 70); или оно — „крайнее дитяченько, золотос зерняченько“ (Зоря Гал. 1860, 523),

¹⁾ Здѣсь игра совпадает с подобною моравскою (1-е Po-
jete (2). — Nesmíme (2). 1-е Pro keho (2)? 2-е Pro pána (2).
1-е Naš pán není doma, Ani naša paní: Jele se do Brna Po
drahý kořeni. Vrata votevřeny, Mečem založeny. Kdo se toho
dotkne, Hned mu hlavo hotne; Suš., Mor. p., 731.

„дзелене дзерпяточко, найкраще дитяточко“ (Гол. IV, 159). В других вар. говорится глуше, что это „мизильсе дитя“ — „в срібрі, в злоті, в ткацкій сороце“. В третьих — рѣшительно, что это „молода дівонька в рутянім віночку“, „мизилночка дочка в срібрі та злоті“, „мизиное дитя“ что „шише вишиває“, ѣст только пшеничный хлѣб, пьет только солодкій мед, спит в пуховых подушках (Кост. I. с. 589).

Издатели Ист. п. Мр. п. хотя и допускают здѣсь в основаніи „древнюю игру“ „с болѣе ясным мифологическим характером“ (330), болѣе вниманія обращают на относительно позднѣйшія историческія наслоенія и полагают, что кн. Роман подляских вар. есть Роман Мстиславич Галицкій, его люди, приносящіе в дар „яриї бджоли“ („дань медовую“) — Ятвяги, в землѣ которых Роман владел городами, входы в которые должны были крѣпко оберегаться воротарями“ (42). Н. Н. Костомаров невидит основаній для такого прпуроченья: „Пѣсня о воротарѣ безспорно глубокой древности, и крошечный ребенок... в ней... вѣроятно означал символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго года, считавшагося с весны, образ, замѣчаемый во многих мифологіях. Едва ли не болѣе близкій к древним формам есть тот вар. (Ант. и Др. I, 70), гдѣ вм. „посажено на золотім кріслі“ поется что „Мизине дитятко... На місяцю та посажено... зірками обгорожено“ (I. с. 590).

Мнѣ кажется, что в мр. пѣснѣ могло сохраниться имя Русскаго князя XII в.; но что для объясненія самой игры эта черта несущественна. В сходной серб. игрѣ говорится не о людях князя Романа, а о войскѣ Стефана бана из Цареграда (см. стр. 51). Есть подобная болгарская игра: Двѣ дѣвицы, обнявшись изображают собою ворота. Другія, ставши одна за другою и окружая тѣх, поют:

„Кралю, порталю, отвори порты!

„Че ште да влѣзе царева войска.

1-я — Че коя ми царева войска?

Не си отворям желѣзны порты. —

2-я Кралю, порталю, отвори порты!

Ште ти дадим шиник маргарит (жемчугу), кыло
[жльтыцы (червонцев).

Затѣм 2-ья проходят под руками 1-х, которыя задерживают послѣднюю в ряду и требуют обѣщанных даров. Та отвѣчает что она сирота (В. Чолаков, Бѣлг. нар. сборн., 7). Т. о. и здѣсь, как в мр. игрѣ, платой за проход служит дѣвица.

Важныя именно тѣ черты мр. игры, которыя допускают, по видимому, мифологическое объясненіе. Заключая от других весенних игр, можно ожидать, что и здѣсь мифологическія черты, буде они есть, приурочены к сватанью и браку. С этим трудно было бы примирить то, что наиболѣе выдѣляющееся лицо есть „крошечный ребенок“; но так ли это? В пѣснѣ говорится про „мизинос дитя в. чад“, и это можно понимать так, как в нижеприводимой игрѣ „мосты“, именно „младшая (наиболѣе красивая и любимая) дочь“. Ц.-сл. и др.-русс. *мъзинъ*, младшій, *мъзинъ-ыць*, -ица младшій сын, младшая дочь (серб. кѣрка млезиница), нынѣшнее русс. *мизинец*, собств. не малый, а меньшій палец (пальцы представляются дѣтьми и на оборот служат представленіем дѣтей одной матери: „якого не вріж — однаково боляче“). „Чадейко“ — о дѣвицѣ, см. Гол. II, 75; *білос чадо* именно о невѣстѣ — Гол. IV, 427, точно так, как в колядкѣ „молоде паня“, что „На голові ма’т паваний вінок, На ручейці ма’т золотий перстінок“ (Гол. II, 71). Общеизвѣстно также употребленіе сущ. и мѣстим. сред. р. о взрослой дѣвицѣ: *dіава* (п. *dziewcze*, *das mädchen*); „старшую отдавала, да й, здається, воно молоде ще було“, Чуб. IV, 55. Т. о. нѣтъ противорѣчія в том, что это „молоде чадо“ — „хороше зряжене“, чтб, как и вр. *снарядить*, может относиться именно к снаряженію (матерью дочери) невѣсты, как в весенней игрѣ „мосты“ Чуб. III, 83. Не без того, что иными в этой игрѣ „дитя“ понималось и как малый ребенок (даже, именно мальчик, Шейков. Быт Под. I, 27), м. б. под влияніем как самого слова, так и другой игры „мост“, в которой по рукам, сложенным в видѣ моста, дѣйствительно ходит маленькая

дѣвочка, потому ли, что если дать эту роль взрослой, то игра из эстетической превратится в гимнастическую, или, что мнѣ менѣе вѣроятно (см. ниже), по требованію лежащаго в основаніи мифа.

По эмпирически выведенному правилу, атрибуты мифической личности изображают то же явленіе, что и она сама. Так как золотое яблочко, золотое яичко, золотой перстень суть образы солнца, то и *дитя* (дѣвица) которое ими играет, есть солнце. Вот перевод относящихся сюда латышских пѣсень, отчасти столь ясных, что толкованіе их излишне:

„Солнце (saule, ж. р.) заходит вечером, *подбрасывая* (metajūt) *золотое яблочко*; всходя утром оно сѣет чистое серебро“ (Бривземніакс, в Сборн. антропол. статей Дашкова, II, N 85), с чѣм можно сравнить образ, примѣненный в мр. колядкѣ к молодцу:

... Золотий стільчик,
На тім стільчику гордий пан сидит
... Трома (ч. двома) яблочки підкидаючи,
Двома (трёма) горішки все цитаючи...

(Гол. II, 65—6; IV, 41).

„Горько плачет солнце в яблоновом саду: с яблоном *упало золотое яблочко*“ (=закатилось солнце). Неплачь солнышко (ж. р.): Бог сдѣлает *другов* (= т. к. утром всходит уже не то солнце, что зашло с вечера) „из золота, из мѣди, из серебра“ (Mannhardt, Lettische Sonnenmythen в Zeit. für Ethnologie, VII, 78). В другой сходной п. солнце=золотой челнок:

„Почему так горько плачет солнце? *В морю потонул золотой челнок*“ (=закат солнца). „Неплачь, солнце: Бог сдѣлает новый, на половину из золота, на половину из серебра“ (Mannh., ib.).

„Вставай рано, дочь солнца“ (=само солнце, дочь вчерашняго; по другим—заря), „вымой бѣло липовый стол: утром пріѣдут божьи сыновья“ (кто бы ни были, женихи солнечной дочери) (с тобою?) *золотое яблочко катать*“ [Спрогис, Пам. латыш. нар. творч. 312 (24)]. Подобный

образ в русс. сказкѣ: лиса приглашает пѣтуха „на гумен-
цы золоты яблочки катать“, что, по видимому, есть по-
стоянная забава пѣтуха. Пѣтух в этом семействѣ сказок,
отчасти сведенном в моем сочиненіи О мнѣ. знач. нѣкр.
обр. 112 сл., соотвѣтствует Ивасю, у котораго „золотый
човнок срібнес веселечко“ и котораго приносит домой гусь-
лебедь (солнечный символ, Mannh., Let. Sonn., 310) а
лпса—вѣдьмѣ, Ягѣ. Я думаю теперь, что и здѣсь, как вы-
ше, золотое яблочко и золотой челнок имѣют одинаковое
отношеніе к солнцу. В другой сказкѣ (Аѳ. Ск. VIII, 315)
подарок отца, наливное яблочко, катаясь по серебряному
блюдечку, показывает дѣвицѣ города и поля, лѣса и моря.

„Солнцева дочь метет дорогу, чтоб можно было ка-
тать (ritināt—многократный глагол) золото серебряно-
му сынку“ (Бривземи. I. с. 46 (101), гдѣ переведено „для
сыночка“). О значеніи мести см. выше.

Шведская загадка: „у нашей матерп (=земли) ска-
терть (=небо)—пикому несложить; у нашего отца (=Бо-
га) больше денег (=звѣзд), чѣм кто-либо может сосчитать;
у нашего брата (Иис. Христа, спасителя) яблоко (=солн-
це) — пикому непакусить“. В нѣмецких дѣтских пѣснях,
вызывающих солнце из за туч: в золотом домѣ „eusi lie-
bi Frau... hat en oepfel i der hand, sie geht durchab
zum sunnehüs, und löt die heilig sunne üs, und löt de
schatten ine“; или: ангел с красным яичком в рукѣ, „ес-
либ яичко упало (и разбилось), то был бы конец солнцу¹⁾;
или: (солнце)—„маленькій ребенок играетя золотыми ябло-
ками“ (Mannh., Let. Sonnenmyth., I. с. 104, 210). Схо-
дно с этим и с мр. загадкою „постелю рогожку, поспплю
горошку, положу окраецъ хліба“ (небо, звѣзды и мѣсяц),
в латыш. загадкѣ „полно сито гороху (v. орѣхов) по се-
рединѣ яблоко“ (звѣзды и мѣсяц), Бривземи. (Трейланд),
Матеріалы по этногр. латыш. пл. 110 = Труды Этн. отд.

¹⁾ Ср. серб. загадку о солнечном закатѣ: „вијала витка,
шоала шотка (=утка), на крај горе јајце снесла“, Новаковић,
Срп. загонетке, 319.

Общ. любит. естествозн., VI). Ср. также: „велик 'длинен мост, на концѣ моста яблони с разными яблоками = зима (пост?) и Великдень с яйцами, ib. 106. См. тоже у Аѳан. II. В. (указатель): яблоко и яйцо, как солнечные символы.

Веснянка довольно прозрачно представляет закат солнца т. о.:

Котилось яблучко з гори до долу;
Час вам, дівочки, з гуляння до дому.

(Чуб. III, 131) ¹⁾

Т. к. яблоко = дѣвица („снахо моја, од злота јаблуко“, Кар. Пјес I, 41, 62), невѣста, а с другой стороны заход солнца = выход невѣсты замуж (см. ниже), то понятна свад. п.:

Котилося яблучко с Шайгорода,
Прикачалося під ворота.

Чи тут, чи не тут (в) бубни б'ють,

А в нашому дому гильце в'ють, Чуб. IV, 113.

Ср. также слѣд. вар. пѣсни, помѣщенной у Чуб. V, 698: записанный в Харьк. губ., г. Эварницкимъ:

Котись, яблучко, куда котишся;

Йоддай таточко, куда хочеться...

... Йа те яблучко закотилося;

Йодав таточко, нехотілося...

Чеш. и морав.:

Kulalo se, kulalo červené jablíčko;

Komu ty se dostaneš, moja galanečko?

(Suš. 707; Erb. P. 116).

¹⁾ Важно было бы найти подтверждение достоверности варіанта приведеннаго в Мр. литер. сб. Мордовцева, 35 = Чуб. III, 209:

Сходилося (=скотилось?) купало из долу (до..?) до долу,

Час вам дівочки до дому, до дому...

Ср. также свадебную, когда порвут „вільце“, перед отходом дружек молодой домой:

Перед порогом могила,

А в тій могилі калина,

Спустили гілечку до долу,

Час вам дівочки до дому, Метл. 211.

Калина — дѣвица, дѣвство; но оно же и солнце, о чем ниже.

Что такое примѣненіе этого символа может существовать при сохраненіи в памяти его примѣненія к солнцу, видно из того, что и солнце и яблоко рядом являются образами женщины:

... Ой що ж бо то за мудрая сванечка!
 Укотилася сонцем віконцем до хати,
 Покотилося жовтим яблушком по столі,
 Покотилося старому старості по полі,
 Випробуючи, вишукуючи старосту:
 Чи не опуйця, чи не розбуйця староста?
 (Сб. пам. свз кр., 150) ¹⁾.

¹⁾ Такое величашье понятно; но на первый взгляд казалось бы странным величанье дѣвцы (дочери хозяина) посредством сравненія с тарелкой:

Гребовичная:

Котилася, розбилася, цинова тарілка;
 А в нашого пригіншого дзіндзівер, не дівка:
 Ой як вона заговорить—як у дзвони дзвонить;
 Ой як вона засмієцца—в Полтаві слинецьця.
 (Ромен. у.).

„Пригінший“ от прич. прош.; ср. у Носовича пригонщик, пригонятый (т. е.—атай). „Дзіндзівер“ род мальвы, Зам. о мр. нар. 63.

Котилася дорогою цинова тарілка,

А в нашого козаченька утіха, не дівка (Чуб. III, 176).

Однако странность величанья исчезнет, если предположим, что разбивающаяся тарелка есть один из солнечных образов. В подобном сочетаніи является зоря:

Ой котилася зоря
 З под нового двора.
 Ой неєсть же то зоря,
 Гето-ж панова жона.
 Ой як вона заговорить,
 Як у звони зазвонить,

(Пам. н. тв. свз. кр., 145—6).

Зоря падая, разсыпается. Осколками ея украшает себя дѣвица:

А вже-ж я ся недивую, чому Марця красна:

Коло неї вчора рано впала зора ясна;

Як летіла зора з неба, та й розсипалася,

Марця зору позбирала, та й затикалася,

т. е. „заквітчалася“, Žeg. P. P. L. R. II, 171.

Относительно „золотой дудочки“ в рассматриваемой игрѣ и вообще представленія свѣта звуком см. Воеводскій, Введеніе в мѣлологію Одиссея, 15 слѣд.

О *перстниъ солнца* — см. ниже.

С „золотым креслом“ на котором сидит „мизине дитя“ ср. то, что в мр. сказкѣ солнце (с косами, стало быть дѣвица) в полдень отдыхает на золотых кроватях (Чуб. II, 10) или золотом креслѣ (ib. I, 6). Быть может такіа кресла были и у мѣсяца. В таком случаѣ к его фазам можно отнести то, что *дод-щастье* мр. сказки (=усуд серб.) попеременно сидит на золотом, серебряном и мѣдном креслѣ, и этим опредѣляет долю дѣтей, рождающихся на свѣт в это время (Чуб. II, 423).

Справки, вызываемыя другими чертами рассматриваемой игры, каковы *вънок*, *церковь*, упоминаемыя в одном из вариантов, *ворота*, *мед*, дѣлают возможным старомодное и, как можно бы выразиться в духѣ нѣкоторых строгих ученых „ненаучное“ предположеніе, что первоначальная сцена этой игры есть небо, что дѣйствіе происходящее на ней имѣет отношеніе к восходу или закату солнца и вмѣстѣ с тѣм к браку. Впрочем эти справки могут имѣть нѣкоторое значеніе и сами по себѣ независимо от примѣненія к игрѣ в ворота.

Солнце-мать снаряжает свою дочь и выдает ее замуж. Нѣкоторых относящихся сюда данных, именно вр. пѣсень о солнечной дочери и серб. о солнечной сестрѣ я здѣсь приводить небуду, т. к. онѣ имѣют отношеніе к одной из мр. колядок и будут приведены в другом мѣстѣ. Здѣсь же ограничусь слѣдующим.

Сравненіе: „мать (родная) любит дочь, как (дѣтнее солнце грѣет“, частью встрѣчаемое в русс. н., частью предполагаемое ими ¹⁾, находит между латышскими пѣснями

¹⁾ Галиц. посл. „в зімі сонце, як мачуха, світит, а не-гріє“. В вр.:

мп не только полное соотвѣтствіе, но п мпоологическое основаніе. По многим лотыш. пѣсням у солища-матери есть

Богодана буде мачиха
Нежеланна, неласкова
До побѣдной спротивочки.
... Одно красно некѣ солнышко,
Едино живет желаньицо

(т. е. желанная, милая, родная мать, между тѣм, как при свѣ-
тѣ зпмняго солища, мачихи)

Вѣтры віют потихошеньку,
Ан приходит холоднешенько
Спротникам красным дѣвушкам
(Барс. Прич. 71—2).

Ибо:

Каково тепло от буйнаго от сивера,
Таково добро от лихой живс от мачихи
(ib. 85; ср. 227).

Перенесеніе того же мпп сходнаго образа на отца—Барс.
ib. 50; „родитель, мой межонной (=лѣтній) день“ ib. 114,
с чѣм ср. поль.

А рая ojciec, jako lato, nie gniewa się na to,
Pani matka, jako zima, ciągle przypomina,
т. е. попрекает дѣвицу тѣм, что она вышла хустку милому
(Kolberg, Lud, IV, 17).

В мр. п. тот же, что в сѣв. вр. п., образъ примѣнен к
любви дѣвицы и вдовы:

Що у вдови серце—як зімнее сонце:
Ой хоть воно яснешенько гріє, да холодний вітер віє;
А в дівчини серце—як літнее сонце:
Ой хоть воно хмарнєшенько гріє, та тепленький вітер віє.
(Метл. 240).

В лот. п.: „Солнышко (ж. р.)—тепло, матушка—мила,
Обѣ одиново мплы:

Солнышко тепло, чтобы погрѣться,
Матушка мила, чтобы (с ней) поговорить

(Спрог. 309, 3; ср. ib. 1 п 310, 9).

Два солнца мр. пѣсни через посредство лотышской (Вчера бы-
ло ясное солнце, А сегодня такое туманное: Вчера свѣтило
оно само (ж. р.), А сегодня его служанка“ Спр. 312, 25) мо-
гут быть связаны со сказочным мотивом: Служанка топит (у-
бивает, прогоняет) царевну и замѣняет ее собою, пока не от-
крывается обман.

дочь, которую она спаряжает и выдает замуж. Нѣкоторые из этих пѣсень, по видимому, представляют связь с русскими:

А) „Солнце (мать) *вьет вѣночек*“ (т. е. своей дочери, собираясь выдать ее замуж), сидя на вербѣ. „Свей, солнышко, дай и мнѣ один (говорит дѣвица — пѣвѣста): мнѣ (тоже) пужно ити в чужіе люди!“ (Спрог. 311, 14). Вѣнок по другим лот. п. дѣлает для дѣвицы: а) родная мать (Спрогис 162, 17), так что без матери „кто станет: мнѣ, сиротѣ, дѣлать вѣнок из свѣтлой (ч. зеленой) мѣди?“, Бривземп. в Сб. Дашк. N 904; б) *Лайма*, добрая доля „которая дѣвица хранит честь, той Лайма вьет вѣнок из чистаго золота, серебра; которая нехранит чести, той — из терновых вѣтвей и листьев репейника“, Бривзем. N 113, 701; Спрог. 305, 5; в) Марія дѣва, замѣстившая Лайму: „Крест на крестъ (вдоль и поперек) растут цвѣты в саду милой Марьи; которая дѣвица бережет честь, той она из цвѣтов свивает вѣночек“, Бривземп. ib. N 757.

Небо, рай в мр. и др. слав. п. нераз представляется церковью. Так же можно понять и один из варіантов п. „Воротарь“:

... Церква замикана,
Церква одмикана,
А хто в тій церковці?
— Золотее дитятко. —
А щож воно робит?
— Золотого ножика держит.
А що-ж воно крає?
— Срібнее яблучко.

(Шейков. Быт подол. I, 27; Чуб. III, 40). С этим ср. то, что выше (стр. 52) царевна в городѣ, которая по вр. „золотым перстнем сіяет“, по одному из мр. вар. находится *в раю*.

Согласно с этим с вышеприведенною лот. п. ср. мр. свадебную („як вінок вьють“, при вінкоплетинах“):

Ой из суботоньки та на неділеньку
Та отворилося небо,

Та видно церкви и монастирі
И святії престоли,
А конець престола Мати Христова
Шлепа віпочки стоя:
Що из руточки та из мняточки
Молодому Василечку,
А из роженьки та из повної
То молодій Марусеньці.

(Ромеи. у. Ср. Чуб. IV, 135; Гол. II, 626; сравненіе этого вѣнка с мѣсяцем и звѣздами—Гол. IV, 370; „Виїся віпочку гладко, Як червоносє ябло“, Гол. II, 627, 117). Может быть к тому же ряду представленій („отворилося небо“) относится само по себѣ неясное выраженіе свад. п. сиротѣ, когда она сидит на посагѣ:

Втвори, Боже, ворота:
Сіла на посаг сирота;
Єї ся серденько вздригас,

Що свого батенька немає, *Ж. Р. I, 118.*

Если же Бог отворяет ворота для того, чтобы в них вышла или глянул с того свѣта покойный отец молодой, то все же это ворота небесныя. При представленіи того свѣта подземным, отец, по котораго сирота посылает туда зозулю, отвѣчает:

„Сирая земелька, тяжкії дверейка,

Годі їх вітворати,

Ані віконця — ясного сонця

На тебе ся подивити, *Ж. Р. I, 76.*

Б) *Солнце мать выдает свою дочь.*

Латышскія пѣсни:

а) „Я добыл бѣлую бобину, посадил на вершинѣ горы. Она выросла большая высокая до самого неба. Я взлѣз на небо по тѣм вѣтвям боба, там увидал божьяго сына (dēvu dēlu) сѣдлающаго коня. „Добрый день, божій сын! Куда ушли (твои) отец и мать?“ — Отец и мать в Нѣмецкой землѣ „пьют“ (празднуют) свадьбу солнцевой дочери. Солнце (мать) само везет „схринию“ (с приданым, лот. *pūrs*), одаряя вершины деревьев: дубу — рябыи рукавицы, липѣ —

зеленую „виллайну“ (женская накидка из шерстяной ткани), маленькой ивѣ—золотистыя подвязки“ (Бривземн. в Сб. Дашк. 33, N 88). Начало пѣсни (взлѣзанье на небо по быстро взрослому стволу растенія, ср. Спрогис 72—3)—сказочный мотив, извѣстный и из русс. сказок (см. Mannh. Lettische Sonnenmyth. в Z. f. Ethnol. VII, 230).

б) „Перкуи ѣхал за море по ту сторону моря брать жену. Солнце со скрипю за ним, раздавая подарки деревьям: дубу—золотыя рукавицы, клену—золотыя перчатки, маленькой ивѣ—золотыя витыя кольца“, Бривз. ib. N 40; Спр. 316.

в) „Свою дочь отдавало солнце (ж. р.) далеко в Нѣмечину за море. Скрипю везли божьи сыновья“ (как бояре), щедро одаряя деревья... (и пр.), Ulman у Mannh. Lett. Sonnenm. l. с. 77.

г) Солнце (ж. р.) заходит вечером, украшая верхушки деревьев. Липѣ оставляет золотый вѣнец, дубу серебряный, а маленькой ивѣ надѣвает золотое колечко“, Бривз. ib. 48, N 169.

Последняя пѣсня заставляет думать, что и в предыдущих в видѣ свадебнаго поѣзда изображен не восход, а закат солнца. Это, по видимому, подтверждается вариантом 1-ой пѣсни (Спрогис, 72—3), в котором божій сын говорит: „Отец и мать (уже) на морском берегу, а я остался в этой землѣ, чтобы сковать себѣ меч. (Сковавши) я разрубил чортову мать на девятеро, я запятнал свой смурый кафтан этою... кровью“. Эта черта (кровь; ср. Бривз. ib. N 41—3) может быть отнесена только к зорѣ, слѣдующей за солнцем, а не предшествующей ему. — Поэтическим образом выхода за муж, уже лишенным мифологичности, служит тоже не восход, а закат солнца: „Серебряное солнце всходило, когда я родилась у ма-тушки; золотистое заходило оно, когда повели меня в чуж-жп люди“, Спрогис, 192, 59. Так и в сербских свадебных:

Жарко сунце на залазу, хоће да зађе (в. да пане),
Наша Мара на походу, хоће да пође (Кар. П. из Херц. 299);

Сунце нам је па заходу, брзо ће нам заћ,

А невјеста на отходу, брзо ће нам поћ (К. П. I, 35).

Чужај, заморская земля, куда уводят дочь солнца, называется в лот. п. Нѣмеччиною, т. е. представляется лежащею на западѣ; но, по видимому, эта земля под нашей простирается до востока, пбо к восходу солнца нужно отнести слѣдующее изображеніе: „Солнце провожало невѣсту (соб. „ведомую“, м. б. именно свою дочь) из *Пилецкой* земли в эту...“ Бривз. ib. N 65.

„*Saules meita*“, солнцева дѣвка, дочь, есть во всяком случаѣ представленіе свѣтового явленія, связаннаго с солнцем. В нѣкоторых случаях под ней можно разумѣть зорю (зареву) утреннюю и вечернюю; но распространять такое толкованіе на всѣ случаи, как дѣлает Маннгардт (Lett. Sonnenm. I. с. 295), трудно, если дѣйствительно в вышеприведенных п. 1—3 говорится о закатѣ солнца: в них солнце-мать ѣдет с приданым за дочерью ¹⁾, так что послѣдняя неможет быть вечернею зарею слѣдующею за солнцем. При том, до появленія доказательств, нѣтъ нужды считать за обмолвки или искаженія пѣсень, в коих солнцева дочь прямо называется солнцем (*saule*):

„Солнцева дочь сидит на морѣ, украшая свой вѣночек. „Сплети *солнышко (saulite)*, дай миѣ один: миѣ пужно ити на чужину (=за муж)“, Бривз. ib. N 103. Выше приведен вар. из Спрог. 311, N 14, гдѣ вѣнок плетет солнце, т. е., как миѣ кажется, мать.

„Сонцева дочь бредет через море, виден (уже) только

¹⁾ „Поляне... брачный обычай имяху: нехожаше зять по невѣсту, но привожаху *вечеръ*, а заутра приношаху по ней, что вдадуче“. Лавр.² л. 12.

Из серб. свадебной п. видно, что невѣста оставляет родительскій дом послѣ заката солнца; она говорит:

Ој лагле, лагле, моје сунце жарко;
Ој немој нагло за гору заходит,
Ој да још будем у мајкином двору,
Ој да још носим вјенац дјевојачки.

(Stojanović, Руске припов. і пјесме 271).

вѣнчечек. Гоните лодку, божьи сыновья, спасайте душу (жизнь) *солнца*“, Бривз. N 90=Спрог. 312, 22.

Согласно с этим нельзя ли думать, что в вышеприведенных п. а, б, в „дочь солнца“ невеста находится за сценой, что она—солнце будущего дня, тогда как на сценѣ—солнце-мать, солнце нынѣшнее? Что солнце сегодняшнее и завтрашнее различны, об этом свидѣлствуют двѣ п. приведенныя выше (стр. 58, 63).

Та черта, что солнце-мать, провожая дочь-невесту в „чужіе люди“, раздает деревьям подарки, как величанье, переносится и на дѣвицу сироту, которую латышская пѣсня, как и русская, в замѣн человѣческой родни, снабжает божественною ¹⁾:

„Чужане (=сваты) велп сиротку, *украшая всѣ лѣса: соснѣ—сагшу* (род женской накидки, застегиваемой запонкой на груди. См. рисун. в Сб. Дашк. II), ели—сагшу, можевельнику (раегле, жен. р.)—шерстяной платок“, Спрог. 182, 30.

Возможно, что свадебный поѣзд представляется здѣсь поѣздом мифологическаго лица (солнца или зори); точно так, в вр. п мр. пѣснях, на которыя я обратил уже вниманіе в своем соч. О миф. зн. нѣкр. вѣр. 203—4, величаемая невеста или сравнивается, или прямо называется зарею:

Заря—зорюшка Наталья, Вдарила в ворота грозою

Заря бѣлая Ивановна Пустила сплѣн дождь по

Пришла ко двору тучею, [двору...

(за тѣм слѣдует величальный мотив, который будет рассмотрѣн в другом мѣстѣ). Или:

Бурею Наталья-свѣтъ всѣ лѣса прошла...

(v. Сободем лѣса прошла)

... Крыла лѣса (bis) алым бархатом,

Катила она (bis) золотым перстенѣм

¹⁾ „Бери, братец (за себя) сиротку; сирота — великаго роду: Бог—отец, Лайма (счастье)—мать, божьи сыновья—братцы“, Спрогис, 177, 1. Ср. лит. п. у Юшкевича, Лит. п. Слб. 1867, 5—6 (Сб. статей, чит. в Отд. Русс. я. И. Ак. Н., II).

(ч. По пути катил крупным жемчугом)

Прикатила (bis) ко круту берегу,

Кличет она (bis) громким голосом:

„Есть ли здѣсь (bis) перевозчики?

(Перевозчиком является жених: мотив требующій особаго разсмотрѣнія), Кохаповская, Остатки боярских пѣсень (Ст. Осколь. у. Кур. г.) в Русс. Бес. 1861, II, 139—141; Гуляев, Этн. Оч. южн. Сиб. Б. для чт. 1848, ХС, 10.

Эта невеста, *кроющая лѣса алым бархатом, катящая золотой перстень* ¹⁾ (=солнце) к рѣкѣ, конечно, древнѣе того, впрочем неопредѣленнаго времени, с котораго на Руси пзвѣстен алый бархат. Она запрашивается на отождествленіе с лот. „saules meita“, солнцевой дочерью.

Бытовое основаніе этого „украшенія лѣсов“ заключается в том, что по свидѣтельству Преторіуса (XVII в., у Мангарта, Lett. Sonnenmyth. 220—1) у Литвы того вѣка на пути в дом жениха, перед каждою живою изгородью (heske), на каждой межѣ (границѣ), наконец перед двором (клѣтью) жениха, бросали гдѣ платок, гдѣ пояс, что подбиралось для деверя и золовки. В домѣ молодого невеста одаривала запасами из своей скрини (=серб. бје-ле даре, вр. дары полотняные) между прочим *каждое пло-довое дерево в саду*. И теперь у Лотышей сохраняется подобный обычай. Везущій скриню останавливается по временам перед изгородью (? heske) и т. п., под предлогом, что порвалась упряжь. Невѣста дарит ему подвязки, пояс и т. п., яко бы на починку. Б. м. нелишено значенія по отношенію к мр. игрѣ в Воротаря то, что *ворота женихова двора отворяются для невесты лишь тогда, когда послѣ долгих переговоров, она одарит воротарей свитками полотна, перчатками и пр.* Мангарт l. с. указывает на подобный сербскій обычай. Мы можем считать его славяно-литовским. По отношенію к его видоизмѣненію в вышеприведенных лотыш. пѣснях, в коих дарит мать невесты (солнце), замѣтим мр. обычай: мать невесты дает хустики всему поѣзду молодого (Чуб. IV, 566; ib. 560 и пр.).

¹⁾ Ср. выше стр. 58.

Я думаю, что обычай повязывать свадебными дарами (ручниками, поясами и пр.) неодушевленные предметы, между прочим деревья ¹⁾, был и на Руси, т. к. оставил косвенно слѣды в пѣснях. Признать вѣроятность этого можно таким путем:

Та дочь солнца, которая выходит за-муж за море, представляется также тонущей в морѣ. Чтобы прослѣдить теперь же эту черту в славянских пѣснях, пришлось бы сдѣлать длинное отступленіе. Поэтому на сей раз ограничусь голословным предположеніем, что и в лот., и в слав. пѣснях тонущая дѣвица есть зори или, что вѣроятнѣе, солнце. Если она сама бросается в воду, то побужденія ея выставятся различныя. В одной лот. п. они тѣ же, что и причины бѣгства дѣвицы от отца или брата во многих вар. сказки про свинячий (мышачій) козушок (=Попелуга, Cenerentola и пр.), принадлежащей тоже к кругу солнечных:

„Ой Боже! что мнѣ дѣлать? Хочет братец меня (за себя) взять! Брошу свое колечко в густой куст лозы, надѣну свой вѣнок на верхушку зеленого камыша, брошусь сама в рѣчку в стадо (полчок) плотниц. Лучше рѣчной плотницей, чѣм братней милой!“ Бривзем. в Сб. Дашк. N 345.

В другой п. молодец жлет своей милой, а она рвала цвѣты черемухи, уронила в рѣчку перстень, а доставая его и сама упала тудаже ²⁾. Рѣка вынесла ее в море, море

¹⁾ Ср. серб. обычай повѣсом льна перевязывать кочергу из того дерева, из котораго был бадняк (Кар. Рјечн. Бадняк); мр. бр. серб. болг. поль.—обвязывать плодовыя деревья перевяслами из соломы, которая настлана была в хатѣ на канунѣ Рождества, чтоб деревья родили, Kolb. Lud V, 194; Карадж., Рјечн, Божић; Чолаков, Българскій нар. сборник, 29.

²⁾ Ср. Гамлет, акт IV, сц. 7:

Там ива есть; она, склонивши вѣтви,
Глядится в зеркало хрустальных вод.
В тѣни се плела она (Офелія) гирлянды...
Вѣтки цвѣтушіе на вѣтвях ивы
Желая размѣстить, она взобралась
На дерево; вдруг вѣтвь под ней сломалась

выкинуло на берег. Там выросла густая липа о 9-и вѣтвях. Из девятой—Рижскіе молодцы сладили гусли, и говорят: „жалобно звучат эти гусли, как одинокая милая“, Бривземп. ib. N 938. К этому прибавлю, что липа = дѣвица (Спрогис, 34, 1 и слѣд.; Бривз., N 217—8, 221, 437, 789) и вмѣстѣ имѣет отношеніе к солнцу: „Густая липа выросла на концѣ тропы солнца (ж. р.), там каждый печер уходя (спать?) солнышко вѣшает свой пояс“, Спрог. 38, 14 с чѣм ср. „Дубок (стоит) за горкою, за дубом озеро. Там божій сын вѣшает пояс, а солнцева дочь — вѣпочек“, Бривз. N 98. В Калевалѣ солнце садится на крепкую березу, или мѣсяц—на верхушку березы, а солнце—сосны, откуда их похищает старая Лоухи. Захожденіе—смерть, почему дѣвица говорит: „Когда я умру, матушка, куда дѣнешь мой вѣпочек? Повѣсь, матушка, на липкѣ, пусть солнышко его бѣлптъ...“ (ib. 38, 26).

Но если дѣвица (resр. *saules meita*) утонула, то куда матери ея дары дѣвать будет? *Неужели украшать ими деревья?* Этот послѣдній мотив находим в бр. купальской п. (размѣр 5+3, свойственный мр. веснянкам и купальским, переходит в 5+4):

Ой рано, рано, на Яна
Пашла Ціхоня на кірмаш ¹⁾,
Пашла Ціхоня танцаваць.

Меньшій брат дает об этом знать матери.

Пришла Ціхоня да дому,
Стала (яе) маці караці:
„Любо ты, Ціхоня, втапіся,

И в воды плачущія пали с пею
Гирлянды и цвѣты. Ея одежда
Широко разстилаясь по волнам
Несла ее с мнугу, как спрену.
Несчастная, бѣды непостигая
Плыла и пѣла, пѣла и плыла...
... Одежда смокла, и пошла ко дну;
Умолкла жизнь и нѣжные напѣвы.

(Перев. Кронеберга).

¹⁾ П. kiermasz, нѣм. kirchmesse, kirmes.

„Любо ты, Ціхоня, гдзе дзеся!“
 ... Пашла Ціхоня па воду ...
 Паклала сукні на пяску,
Павышала істужкі на кустку,
Панізала персеўкі на дубцы ...
 ... Ой сама стала втанула ...
 ... У нядзелью раненька
 Ціхоніна матка плакала:
 „Ой зяцю, зяцю, Дупаю!
 „Да паволі йдзі, негудзі,
 „Майго дзіцяці нестамі.
 „Да істужачкі чирвопыя!
 „Чи кусты вамі вбіраці?
 „Пярсеўначкі залатыя!
 „Чи бочкі вамі набіваці?
 „Да сукенкі мас дарагія!
 „Чи пнёвья вамі вбіраці?
 „Палацспцы мас белыя,
 „Чи горы вамі высцілаці?
 „Ручнічкі мас шавковыя,
 „Чи старву ¹⁾ вамі дариці?
 „Невідаць майго дзіцяці валаска,
 „Непачую яе галаска.

(Безсон., Бр. п., 38—9)

Начало п'єсы, приведенной в числѣ купальских у Шейна (Бр. п. 158, N 243), именно ст. 1—14, взято из другой п., отличной по размѣру (4+4) и лишь внѣшним образом связанной с концем (ст. 15 сл.), гдѣ цевзятая замуж причитаєт:

Абрусы маі шавковыя,	Рушнічкі маі кружковыя,
А ці горы вамі высцілаці?	Ци дубы вамі абвсаці?
Негдзе мне младзе падзеваці.	

¹⁾ Г. Безс. объясняет: „мертвечину“. В таком случаѣ было бы „сперву“. Вѣроятно какое либо искаженіе. По звукам подходит лот. *sta'ra* промежуток (и *starpas*=лит. *tarpas*). Форма без с перешла в бр. *тёрпа*, промежуток между двумя столбами (в клунѣ); м. б. и вообще засторонка в клунѣ.

Далѣ: „неужели поясами—вожжать, перстнями ковать, кораллами уздать коней“, что б. м. указывает уже на забвение происхожденія образа. Древним здѣсь может быть то, что причитает не мать, а сама невѣста. Во всяком случаѣ этот мотив, как плач самой невѣсты, существовал до того времени, когда по горячим слѣдам событій примѣнен к положенію и вложен в уста Ксенія Борисовны Годуновой:

А свѣты бранны убрусы,
Береза ли вами крутити? ¹⁾
А свѣты золоты ширинки,
Льсы ли вами дарити?
А свѣты яхонты—серешки.
На сучье ли вас задѣвати
Послѣ царскаго нашего житья,
Послѣ батюшкова преставленья
А свѣта Бориса Годунова?

(Из запис. Р. Джемса, 1619—20, Бусл. Ист. Христ. 1034).
Первые 6 из приведенных стихов служат несомнѣнным свідѣтельством, что почти три столѣтія могут непроизвести замѣтных измѣненій в размѣрѣ [в настоящем случаѣ, за вычетом начальнаго А (как vorschlag) — 5 + 3, рѣже 5 + 4, почти с постоянным удареніем на предпоследнем слогѣ] и отдѣльных выраженій. На несравненно большую древность первообраза этой пѣсни, имѣвшаго тот же размѣр 5 + 3 и тѣ же главныя черты содержанія (невѣста тонет, причитая, „кому дары останутся?“) указывает то, что есть именно такая Дубровицкая пѣсня:

Бѣлила Маре дарове
На вѣлу рѣку на море,
Утони прстен у море. (См. выше стр. 76).
За нѣме млада пловила
А грозне сузе ронила . . . :
. . . „Ах пусти мої дарови!
„Коме ми ѣсте остати?

¹⁾ Крутитъ молодую—убирать ее послѣ вѣнца по бабѣ.

„Ал' моме тајку, ал' брату?
 „Ал' мојој худој маћехи,
 „Која ме често куп'јаше:
 „Нестекла, Маре, срећнице,
 „Колик' ни паун кућнице!“

(Кар. Пјес. I, 383).

Небесныя ворота. Как „мизилночка дочка“ игры в „воротаря“ м. б. одна из солнечных дочерей, так и ворота, которые отпирают в этой пѣснѣ, могут быть, солнечныя ¹⁾. Такія ворота нѣсколько раз упоминаются в лот. п. по поводу выхода замуж солицовой дочери. Так, когда „мѣсяц брал солнцеву дочь, Перкун поѣхал в сваты. *Вѣлзжая в ворота*, он разбивает золотой дуб...“ (Бривземн. N 41); „Чьи эти кони, чей этот воз (колли) у ворот солнцева дома? — Божьи кони, воз Лаймы (счастья). (Это пріѣхали) сваты к солнцевой дочери“ (ib. N 63); сивые кони, хороший воз у ворот солнцева дома. Солнце-мать отдает свою дочь, приглашает меня в „догонщики“ (поѣзжане невьсты), ib. N 64; это послѣднее событіе м. б. одновременно со сборами жениха: „Я нашел своего коня у ворот мѣсяцева дома. Мѣсяц берет дочь солнца, зовет меня в увозчики“, ib. N 89.

Ворота в которыя вѣзжала солнцева дочь, были *мѣдныя* (между прочим; были, конечно и золотыя), судя по тому, что этот образ примѣнен к земным событіям. Невѣста говорит: „Чужіе люди (=родственники жениха) лишь до половины отворяют свои мѣдныя ворота (=несовѣм дружественно принимают в семью). „Отворайте, чужіе люди, на-стежь! Со мною вмѣстѣ идет Счастье (Лайма) под бѣлым покрывалом“, Спрогис 192 (53). В другой п. та-

¹⁾ „Могут быть“. Конечно здѣсь можно вспомнить спену из Недоросля: *Софья*. Да он никогда неумирал. *Простакова*. Неумирал! А развѣ ему и умереть нельзя? *Скотинин*. Сестра! ну да коли неумирал? *Простаков*. Избави Боже коли еще неумирал! *Пр-ва*. Как неумирал? Что ты бабушку путаешь? Развѣ ты незнаешь, что уж нѣсколько лѣтъ от меня и в памятках за упокой поминались? Неужто таки и грѣшныя-то мои молитвы недоходили?

кія ворота упоминаются в смыслъ неодолимой защиты: „Живи смѣло ты, сестрица; не войдутъ в двор чужіе люди (сваты): у брата мѣдныя ворота с серебряными столбами“, Спрог. 194 (68). Этого происхожденія, вѣроятно, „желѣзный тын, вереп булатный, ворота мѣдныя... от земли до неба“, как ограда от враждебной силы в вр. заговорах (на прим. Майков, Закл., стр. 534), а равно „желѣзный тын, медзяныя ворота“ (бр.), „ворітечка з жовтої меди“ в дворах лиц, величаемых в бр. полочобных п. и мр. колядках.

Трое ворот. Слѣдующая лот. п., хотя не говорит о свадьбѣ и представляет христіанскія подновленія, закрывающія первоначальный смысл, кажется важною потому, что ведет к сближеніям, которыя опять возвращают нас к связи ворот небесных и свадьбы:

„Что за пышный двор там за горою в долину? В него ведет *трое* серебряных ворот: в одни *възъезжает* сам Бог, в другія *милая Марія*, в третьи *солнце* на парѣ золотых коней“ (с нѣмец. перевода у Mannh. Lett. Sonnenmyth. I. с. 77—8).

„За горою“ указывает, по видимому, на то, что рѣчь — о закатѣ солнца, которое и по славянским свидѣтельствам заходит за гору (Чуб. I, 4; „Мој Дамлане, моје жарко сунце! Лѣпо ти ме бјеше обасјало, Ал’ ми брже за горицу зађе“, Кар. Пјес. I, 406).

В мр. колядкѣ:

... На сивім морі корабель па воді
В тім кораблейку *трое* воротці:
В перших воротейках місячок світит,
В других воротейках сонейко сходит,
В третіх воротейках сам Господь ходит...

... Ключі тримає рай відмикає... (Гол. II, 156).

Эта колядка принадлежит к обширным семействам, которыя будут разсмотрѣны в другом мѣстѣ. Сравненія заставляют меня думать, что „*трое* ворот (ч. окон) с солнцем, мѣсяцем и Богом (ч. ангелом, соколом)“ в колядках есть мотив совершенно отдѣльный от двух других, связанных

с ним позднѣе: „корабля“ и „Бога“ (Христа, св. Петра) отпирающаго рай и пекло и выпускающаго грѣшныя души, кромѣ одной. Этот послѣдній мотив и по моему мнѣнію весь христіанскаго происхожденія, из чего для меня неслѣдует, чтобы всѣ болѣе-менѣе мнѣологическіе ключи вели свое начало от Петровых, о чем — ниже. Поэтому, несоглашаясь и в частностях толкованія с Аванасьевым (П. В. III, 756—7), считаю невѣрным прежде всего то, что он неотдѣляет мотива „3-е ворот“ от его позднѣйших ассоціацій и объясняет приведенное мѣсто колядки как цѣлый образ: „корабль — туча, рай — ясное небо, ключ — молнія“.

По главному мотиву (грѣшныя души и пр.) к вышеупомянутой колядкѣ и в щедровкѣ „Ой сів Христос вечеряти“ примыкает серб. п. размѣра щедровок:

Свети Петар цркву гради
Ни на небу, ни на земли,
Но под небом у јајеру.

Ту је цркву освештао
Легурђију отпојало...

(ее слушают, стало быть уже находятся в церкви — раю, всѣ души, кромѣ 3-х смертно согрѣшивших, которыя страдают в пеклѣ). Кар. Пјесме из Хер. 324.

Стихи 1—3 этой пѣсни считаю христіанскою перелицовкою начала слѣдующей колядки того же размѣра ¹⁾:

Град градила бјела вила	... Што су врата од скерлета
Ни на небу, ни на земли,	На та вила шѣер удава;
Нег' на грани од облака.	Штол' су врата од бисера,
На граду је троје врата...	На та вила сина жени;
(багрянныя, жемчужныя, золотыя)	Што ли врата сухог' злата,
	На та вила сједи сама,

¹⁾ Особо стоит пѣсня у Кар. Пјес. из Херц. 265, размѣра свадебных (4+4+5) „Град градила бјела вила, коо Цариград“ представляющая сочетаніе мотивов: „построеніе вилоу города“ (стѣны из конской и юнацкой кости, по углам людскія головы) и „избіеніе ею царскаго войска“. Ср. Кар. Пјес. I, 157, 159 (N 232, 234, особенно послѣдній).

Вила гледа у облаке, Муна грома надиграла,
 Ђе се муна с громом игра, Мила сестра оба брата
 Мила сестра су два брата, И невјеста два ђевера,
 И невјеста с два ђевера. А то вили мило било.
 (Чубро Чојковић, Пјеванія Церпогорска, 3). Варіанты Караджича (Пјесме I, 151—2) записапы тоже в Черногоріи.

Из отличій замѣтим: вмѣсто „на грапи“ (v. в формѣ винит. в значеніи мѣстнаго „на грану“) „од облака“, т. е. на вѣтви облака, так что облако представляется деревом, — „на дело (?) под облаке“. Караджичъ догадывается, что это — „на делу“ v. „на дијелу“ = „на брду“ v. „на бријегу“, на горѣ, на холму. За тѣм:

Што су врата суха злата,
 На них вила сина жени;
 Што су врата од бисера,
 На них вила кѣр удава;
 Што су врата од шкерлета
 На них вила сама сједи,
 Сама сједи погледује и пр., как выше.

У Караджича эта пѣсня отнесена к субъективнс-установленной категоріи пѣсень „особенно-миѳологичных“ и не названа колядкой. Это незначит, что свидѣтельство Чојковича (Милутиновича) невѣрно. Миѳологичность сохраняется не в силу своей собственной устойчивости, а потому, что примѣняется к житейским обстоятельствам, становитса образом постоянно обновляющагося значенія.

Эта пѣсня есть такая же колядка, т. е. величанье, как а) „пјесма од коледе“, Кар. I, 115, N 191 (величанье старой матери семейства); б) безыменная, Кар. I, 161, N 235 [величанье дѣвицы: „ты так прекрасна, как будто плела косы солнцу (дѣвицѣ) и мела двор мѣсяцу!“ — Нѣт, отвѣчает дѣвица, ни то, ни другое,

Ван (=вѣн, но) стајала те гледала

Ђе се муна с громом игра,

т. е. она или отождествляет себя с вилою вышеприведенной пѣсни, или говорит, что она была свидѣтельницей того, что происходило в вилином городѣ, и от того — ея кра-

сота]; в) безыменная у Кар. 161, N 236 (величанье молодцу: он выслужил у Божьей матери волов, яворовое ярмо и пр. См. мое соч. О мно. зн. нѣкр вѣр. 230).

Так и рассматриваемая колядка есть величанье матери-хозяйки и ея дѣтей. Изображеніе ея семейнаго счастья мифологическими чертами, его обожествленіе есть лишь поэтический прием.

Каково бы ни было мифологическое значеніе этой колядки, величальное значеніе образа

Вила гляда :

Мука (=молнія) грома надиграла,

Мила сестра оба брата . . .

. . . И то вили мило било,

в общем явственно видно из сравненія с болг. весеннею (Лазарскою) п. того же размѣра и характера (Миладиновы Бѣлг. н. п. 488):

Три се сѣнца разиграе

Во майкини рамни дворе.

Это были не солнца, а сыны.

Помали—от 'и надиграл.

Мать смотрѣла на эту побѣду меньшого и, конечно, наиболѣе любимаго сына и, вѣроятно, в душѣ радовалась, как вила в серб. п., но не обнаружала этого. „Недѣлай, говори, стыда старшему брату. Отец рѣшил, чтобы кто одолѣет в игрѣ („кой понапрет ке излезит“, м. б. именно обгонит?), того я первым женила“. И вот младшій обнаруживает и нравственные достоинства. Он просит неговорить отцу, что он, хотя меньшой, оказался большим кунаком. Мать на вопрос отца об исходѣ игры отвѣчает двусмысленно, и введенный этим в заблужденіе, отец рѣшает женить старшаго.

Град (арх, замокъ; в этом смыслъ и русс. город) ни на небѣ, ни на землѣ (стало быть на склонѣ неба?) может быть отнесен к восходу или закату солнца. Так как зари представляется пожаром, то к восходу и к закату может

быть отнесена лотыш. п.: „Жавороночек малая птичка! что ты видѣл в небеси? Я видѣл как сгорѣл один замок, видѣл как построили другой“ (Спрогис, 106; Бривземн. 67 (288).

Лотышская п., приведенная выше (стр. 65) и взятая мною за начало ряда сближеній, говорит о закатѣ солнца. Миѣ кажется, что стихи серб. п.

Што си врата сва од злата

На них вила сина жени (Кар. I, 151)

связывались с тѣм же явленіем. Иначе трудно будет объяснить слѣдующее серб. „бајане“ („басму“, заговор и сопровождающія его дѣйствія, чары) от дѣтскаго плача (русс. плаксы, криксы):

„Когда вечером увидят какой либо огонь за водою (по ту сторону, „преко воде“), набирают воды в зеленую миску и, держа дитя на руках, умакают головешку (горящую? „угарак“) в эту воду, говоря: „Вила сина жени и мога Марка (имя ребенка) зове на свадьбу. Ја нешилем (=непосылаю) Марка, него негов плач“, (трижды). Этой водой поят дитя, а остальную выливают на собаку или кошку (ср. п. „на рса угок“ и т. п.), а миску—ставят вверх дном на всю ночь (Милићевић, Живот Срба и пр. Гласник Срп. уч. друштва, кн. V (XXII), 158). Такое же лѣчение от лихорадки: спечь головку чесноку (чеснок см. в моем соч. О миѣ. знач. пѣкр. обр., 305), вечером, когда зайдет солнце, выйти перед избу и увидавши гдѣ либо огонь, говорить оборотясь в ту сторону: „Онде ватра гори, онде вила сина жени и зове мене на свадьбу. Ја немогу да идем, него шалем грозвицу (=шлю лихорадку) и лукову главицу“. За тѣм бросить (в ту же сторону) чеснок (Милић. ib., Гласн. XXXVII, 142).

По очень распространенному повѣрью солнце заходит в море (=за воду). По видимому, огонь горящій за водою, изображает именно закат солнца ¹⁾. Тоже представля-

¹⁾ Ср. вр. загад. о восходѣ солнца: „без огня село горит“ (Этн. сб. VI, 112); лотыш. п. о закатѣ солнца: „Там спали ночлежники (что стерегут ночью лошадей на паствѣ), там раз-

ет и головня, погашаемая в мискѣ воды (тушенье горячих угольков при заговорах от болѣзней, см. на пр. Чуб. I, 134—5). Гашенье головни здѣсь нужно потому, что огонь, горящій за водою во время заговора не погаснет, а между тѣм ход мысли, лежащій в основаніи множества чар и заговоров требует, чтобы в дѣйствительности происходило то, что служит образом желаемого событія ¹⁾: как тухнет уголь, как потухает зоря (Майк., Закл., N 211, 236), так бы погасала болѣзнь; как уходит за воду солнце, так и вмѣстѣ с ним или в слѣд за ним ушла бы болѣзнь. Ср. „когда солнце заходит, больной, ставши лицом к западу, говорит: „сунце за гору, а главобода у гору (=в лѣс)“ и бросает туда грудку соли“ (Милич. ib. Глас. XXXVII, 144); от крика („од вриске“) выносят дитя на двор вечером, когда мѣсяц заходит, и, как бы подбрасывая его трижды вверх к мѣсяцу, говорят: „месец за гору, а мога Марка (N.) вриска у гору“ (ib., кн. V (XXII), 158) ²⁾; „солнце на запад, день на исход, сучек на глазу

вели огонь, там грѣлся бог, там оставил свой плащ“ (Бривз. в Сб. Дашк., 28); Кто там зажег огонь на краю этого поля? Кузнец кует на небесах, уголья падают в Двину... (ib.). Закат солнца — пожар дома настѣкомаго „солнышка“ (coccinella), см. Mannhardt, Germ. Myth., 353—4; мое соч. О мнѣ. зн. и пр. 218—9, 224—5; Ае. П. В. III, 295—8. Португальскій заговор в Liebrecht Z. Volksk. 373—4.

¹⁾ Об этом см. в моем соч. „Мр. п. по сп. XVI в.“ 21 сл. Заговоры, построенные по формулѣ „Я вижу то-то; подобно этому пусть будет то-то“ на пр. у Майк. NN 5, 9, 12, 19, 22—3, 199 и пр.; Ае. П. В. I, 169, 636, 679—80 и пр.; или „невозможно то-то; так бы было невозможно то-то“, Майк., N 139, 199, 206, 221, 226 и пр.

²⁾ Этими отчасти (т. е. кромѣ спеціальнаго отношенія мѣсяца и (его) зайца к зубам) объясняются обращенія к мѣсяцу в заговорах от зубной боли. 1. Просят мѣсяц сойти, снять и унести (с собою) зубную скорбь (Сах., Ск. Р. н., кн. 2, N 15; Чуб. I, 124). 2. Тот свѣтъ, куда по закатѣ уходят свѣтила, есть царство мертвых. Сам старей мѣсяц, находящійся в той странѣ и представляемый отцем молодого, есть мертвец (Ефимен-

(=ячмень) на извод: сам пропадет, как чело (=устье пещи) почернѣет“, Майк. N 83.

С закатом солнца связывается то, что „вила сына жени“. На эту свадьбу приглашается сам больной, по вѣсто него отсылается его болѣзнь. Первую из этих черт ср. с лот. п.: „Сѣрые кони, кованый воз у ворот дома Солнца (ж. р.). Мать солнца выдает за мужь свою дочь приглашает меня (пѣвца) в поѣзжане („в догонщикп“, в бояре невѣсты). Как мнѣ ѣхать в поѣзжане? У меня нѣтъ доброго коня“ (Спрогис, 312—3; Бривз. 1. с. 30, N 64). Вышеупомянутыя серб. п. о службѣ у солнца и мѣсяца (Кар. I, 161) ср. с лот.: „Ночью ѣдет мѣсяц, Я у мѣся-

ко, Сб. мр. заклпи. Чтен. в Об. И. и Др. 1874, I, N 13—4). Отсюда: „мѣсяцю, молодой княже! Чи бував ти в старого (т. е. мѣсяця)? чи болять у ѣго зуби [вар. „у мертвого“, „у неживого“; „питається син (=молодик) батька (старого мѣсяца): чи болять зуби у неживого“, т. е. у этого батька]? Ні неболять. Нехай же и у N. неболять“, Чуб. 125. 3. Вм. стараго мѣсяца появляется безымянный мертвец (Майк., N 62, 64—5), мертвцы (Майк. N 66—7, 73; Чуб. I, 125), евангельскій Лазарь, причѣм вопрошают его три (sic) сестры (Майк. N 70; Сах. Ск. кн. 2, N 17; Чуб. I, 124). Эти сестры б. м. отождествляются с зорями (ср. Майк. N 63, 70 с N 236) Сах. Ск. N 14.

Представленія мѣсяца мертвецом нѣтъ необходимости водить к книжному вліянію, хотя заимствованіе от книжных людей, буде в нем была надобность, могло произойти уже в началѣ X в. В Шестодневѣ Іоанна Экз. Болг. читаем: Да небес'ное тѣло и величество нѣс(тъ) безъ коньца ни безъ начела, да и подобенъ начелоу и коньць имать, яко же и оучитель твои Платонъ оучитъ, рекъ: лѣто же (=время) съ нѣсмъ быс(тъ), да коуп'но бывъша, коуп'но же и расыплетесе. А нѣ ли и тако и солнце и звѣзды и мспъ? Явѣ бо и величествомъ и вѣроую (?) с коньцемъ соут', яко же и видимъ по все мѣсе кон'чаваюшоу-се лоуноу и охоудѣвшоу (=умалившуюся), и свѣтъ из нес, яко и доушоу исхोдешоу и акы мртво тѣло имоушоу... (Чт. в Об. И. и др. 1879. III, 15) ... многачьскыи акы и доуши исходеши из неѣ (доуны) свѣтоу и мртвъ се явлюючи, и пакы ожив'шии приств(и)мъ свѣтовнѣимъ“ (ib. 115).

на возникчим. Мѣсяц мѣ дарит свой звѣздный плащ“ (Спрог. 314—5).

2-ая черта, отсыланье болѣзней за море на свадьбу находит соотвѣтствіе: а) в латыш. заговорѣ от тараканов (*prûsis*, прусак, К исторіи звуков, III, 105): Один отворяя и затворяя двери спрашивает: „Гдѣ тараканы? Другой:—На свадьбѣ и пр. [Трейланд (Бривземніакс), Матер. по этн. лат. пл., Тр. Эгн. отд. Общ. люб. естествозн. VI, 161); б) в замѣчательном вр. заговорѣ, по ркп. XVII в., изображающем свадебный поѣзд:

„Се — уломвити червь в человекѣ, или в конѣ, или в пивѣ“.

„Как зайдет солнце... глаголи:

„Сѣдла гремят, узды брепчат, в порожные мѣхи ѣхати по хмѣль, по легкой товар, червем, и полетѣти за море. Тамо у червей сватьба, овча, яловица печена; а здѣсь червям огонь сѣра горячая и смола кипящая. Побѣгите черви отсель за море“ (Майк., N 202). Ср. *ib.* N 203: ... „подите вы, черви, на запад солнца, на зеленую дуброву“ ... Здѣсь червям (и болѣзням) грозят всякія бѣды, а там за морем—приволье: „поди (червь) за море, к попу Перфилю; многа у попа Перфиля поля капуста изнасяны, медом изпольваны, тебѣ обѣд изложен“ (*ib.* N 204). „На Сіянском болотѣ“ — „скопища и игрища“ „протошниц“ (*ib.* N 222); от ворона, мѣшающаго охотнику: „полети с моей тропы, с моего сгодья, за сипее море ко Ироду царю. Там Ирод царь бьется-дерется, кровь проливает; тут (там?) тебѣ, черный ворон, столы разставлены, ѣства сподоблены; а) на моем лѣсѣ, на моей тропѣ — ...смоливая спица в правый глаз тебѣ“ (*ib.* N 310). Сходно с этим и в серб. заговорѣ „од далка“ (*далак*, *splenis in duratio*), болѣзпи, названной в самом заговорѣ „бедена“ (бѣдна? ѣ и ѣ=ѣ в Черногоріи см. Серб. посл. XXVII): „Што ѣш ту, бедено? Овде за тебе места нема, за тебе нема постеле, за тебе нема вечере. Ти да идеш у Леки-гору: тамо ти се кућа гради, тамо ти се вечера готови, тамо

ти се постела стере: мекап душек ¹⁾, свилен јастук ²⁾, сребрна синија ³⁾, златна папца ⁴⁾, медена ложница ⁵⁾. Одавде да идеш: овде ти је место опогањено белолуковином... ту је и трње глогово“ (Мплић. ib. Гласн. V, 177).

Небудет неумѣстно, хотя и нѣсколько отклоняясь от главнаго („трое ворот“ и связь их со свадьбою), остановиться на высказанном выше мнѣніи, что серб. п. „Вила стронит город, женит сына, выдает дочь“ принадлежит к величальным пѣсням. Подтвержденіе этого мнѣнія дает мнѣ случай разсмотрѣть семейство сербских и болгарских колядок, сколько мнѣ извѣстно, не находящих соотвѣтствія между колядками малорусскими:

К названной серб. пѣснѣ примыкает болг. того-же размѣра (=мр. щедровка, 4+4), в которой второго мотива (свадьба и пр.) нѣтъ, но первый (построеніе замка) развит своеобразно:

Град градила самовила
 Ни на небо, ни на земи,
 Туку (=но) така под облака.
 Што диредзи ⁶⁾ ми рѣдеше
 'Се ⁸⁾ юпаци отбирани;
 Што пармаци ⁷⁾ ми рѣдеше
 'Се ⁸⁾ девойки отбирани;
 Што пенджерѣ ⁹⁾ ми рѣдеше
 'Се дечина ¹⁰⁾ одбирана.
 Едно не е дофтасало,
 То'а што е сироти сѣнце.
 Марко имат мѣшко дете,
 Мѣшко дете прегалено ¹¹⁾.
 И го зеде ¹²⁾ мѣшко дете
 Да го кла'ит на прозирци.
 Марко с се милпо молит:
 „Самовило милна сестро!

¹⁾ Матрац. ²⁾ Подушка. ³⁾ Стол. ⁴⁾ Миска. ⁵⁾ Ложка.
⁶⁾ Клада балкп. ⁷⁾ Перила. ⁸⁾ Все. ⁹⁾ Окна. ¹⁰⁾ Дѣти. ¹¹⁾ Избаванное, нѣжное, малое. ¹²⁾ Взяла.

„Тебе-ти се мило молям,
 „Да ми гледаш ¹⁾ мъшко дете:
 „То'а ми е прегалено;
 „Бърго вода да му даваш!“ (Милад. 3).

Марко — имя счастливаго, величаемаго здѣсь отца, у котораго сын ребенок — такой красоты, что самовила берет его, чтобы сдѣлать из него в своем дворцѣ то окно, что против (восхода) солнца. Отец этому рад и просит только: „дitia пѣжное, так ты за ним смотри и не давай терпѣть жажды“. Самый дворец построен из того, что дороже золота: из отборныхъ молодцев, дѣвиц, дѣтей. Т. о. пѣсня несомнѣнно величальная, но не непременно колядка, а м. б. великодная („велигденска“), соответствующая бр. волочобнымъ. Слѣдующая, того же размѣра, прямо и названа великодною:

Самовила град градила
 Град градила, зид зидила.

Приказывала горожанам, чтобы прислали ей по парѣ молодыхъ и дѣвицъ сговоренныхъ по невѣчаннымъ. Горожане отвѣчают: какая мать согласится на это? А юда (=самовила) им: „нехотите добромъ, будетъ имъ хуже“:

„Два юнака ке ги клада
 „Ке ги клада два дѣрека ²⁾;
 „Две дѣвойки ке ги клада
 Ке ги клада до две порти ³⁾:
 Кой ке види, да завиди!

(стало быть судьба этихъ паръ завидна, какъ и ребенка в предыдущей п.). Такъ самовила и сдѣлала (Верковић, Нар. п. Макед. Буг., 4). В другой, тоже великодной, тотъ же мотивъ видоизмѣненъ согласно с другимъ, болѣе грознымъ представленіемъ самовилы:

Заградила самовила
 Заградила вито кале ⁴⁾

¹⁾ Досматривай. ²⁾ Положу ихъ какъ косяки. ³⁾ Двери

⁴⁾ Высокій замокъ. Dozon, Бѣлг. и. п., переводитъ „viti планини“ — *monts viticins*, извѣстныя горы, вм. высокія горы

Ни на пебе, ни на земя,
Загради го в темен облак.

Строила она этот замок из стогоренных юнаков, бѣлолн-
ких дѣвиц, чернооких жен, бѣлобродых кметов и бѣлопо-
лых кметиц (старух). Нехватило ей на крышу 70 дѣтей
в пеленках и послала она к Прасковчанам чорбаджіям, что-
бы они дали их ей выбрать из густых сел край Дуная.

Тѣ собрались, сговорились и педали ей сел, а дали ей лѣс:

Давале ѣ планинѣ-то,
Да излезе со вихрушка ¹⁾
Да обере вѣти ѣхли,
Вѣти ѣхли и борове,
Да покриѣ вито кале.

Она разсердилась

Па излезе на планина,
Три дни нала, три дни духа ²⁾,
Искубала вѣти ѣхли . . . (Мил. 9—20) ³⁾.

яне лѣса. Болг. *вит* в *вито* кале, в „вѣти порти“ (высокія во-
рота, двери, Милад. 84 et pass.), в серб. *вито* копле (долго-
мѣрное копье), серб. и болг. *вита јела* (болг. вѣта јехла, Ми-
лад. 20), соб. высокая (и лишь потому гибкая), серб. *танко-*
вит, *танковѣаст*, тонкій и высокій (длинный), относится, я ду-
маю, не к тому семейству, к которому *вити* = лят. *vyti*, *vyti*,
лат. *vies* (куда между прочим болг. *вито* (х)оро, Милад. 82
и пр. и русс. *виться* о хороводѣ), а к *вити* = лят. *vyti*, *vyti*,
гнать Ср. русс. *юнкій лѣс*; о человѣкѣ: „эк его выгнало!“.

¹⁾ Вѣтер, вихорь.

²⁾ Дует.

³⁾ Если бы и оказалось вѣрным предположеніе, что „са-
вила“ возникло из „сивилла“ (проф. Веселовскій), этим не
объяснилось бы сложное содержаніе, вкладываемое в эту фор-
му. Здѣсь Самовила, как в нижеприводимой п. Юда, сблн-
жается с вихрем. В сербском заговорѣ „вештице, *вила* и *ве-*
трови“ отсылаются „у гору (=лѣс), лист да пребројите и пр.“
(Милић. Гласн. V, 194). Серб. *вила* „гонит облака“ (мое соч.
О мнѣ. зн. 172; ср. 279), из чего неслѣдует, чтобы в других
случаях, с этим словом несвязывалась мысль о свѣтовых яв-
леніях.

Та черта, что горожане не дают вилѣ дѣтей, а вмѣсто них заставляют ее вихрем обнести хвою с елей и сосен, напоминает сказку о том, как человек заставлял смерть грызть дубы вм. людей и, если меня память не обманывает (ссылка утеряна), в этом самом видѣ („хвоя“) встрѣчается в русс. сказкѣ о том, как человек обманывает смерть (чорта). Как от свисту змѣя (или чорта) осыпается лист с деревьев—см. Ао. Ск.¹, V, 21; Рудч. I, 61.

Ср. также болг. п. с очень испорченным размѣром:

Сам си се Господ подкани ¹⁾

Черкова да си сагради

Между двѣ вѣти планини

И под два тѣнки облаци.

Он зовет Вил, вихри и самодив: кто из них скорѣе доставит матеріал. Самою скорою слугою оказалась Чума. Она поморила для кирпичей—стариков, для цемента—баб, для плетеных стѣн молодцев и дѣвиц и пр. (Dozon, Бѣлг. н. п. 9—10).

Нѣкоторым указаніем на то, что была или есть болг. пѣсня, в коей было соединено, как в серб., построеніе вилою дворца и женитьба ея сына, замужество дочери, служит болг. великодная

Вихор ми впе в гора ²⁾ зелена;

Не ми е вихор, лю (=а) ми е Юда:

Гора трошеше ³⁾, дворц градеше,

именно: фундамент из стариков, стѣны, вм. кирпичей, из малых дѣтей и пр. В слѣд за этим: она (вила, юда)

Снаха доведе, керка одведе...

Эта снаха молчит девять лѣтъ, пока нерождает ребенка—мотив разрабатываемый в болг. пѣснях о том, как солнцева мать женит своего сына—солнце на дѣвицѣ, которая 9 лѣтъ соблюдает обѣтъ молчанія (Запис. М. Ст. Дрино-

¹⁾ Вознамѣрился, собрался.

²⁾ Лѣс.

³⁾ Ломала.

вым, Перпод. Спис. на Бълг. книж. дружество, год I, XI—XII, 152, другія ссылки ниже) ¹⁾.

¹⁾ Возвращаюсь к вышеприведенной п. „Град градил Самовила...“ Милад., 3. Велпчанье отца и его ребенка, состоящее в том, что этого ребенка самовила берет для окна в своем дворце, может быть сопоставлено с несколькими другими, столь же грациозными:

а) В хорв. величальной, на канунъ Ивана („Ладарица“, „на предивайски дан“), размѣра щедровок, по содержанію сходной с колядками, величальники говорят, что если им не дадут всего обѣщаннаго,

„Ми вземемо ваше дите,
Ваше дите то најмлајше...
... Ми га јочмо јоправити:
З чрешње-вишне попелише,
З мака-цвита робачицу,
З шипковине зелен вецек.
Ми га јочмо јодводити
В темне луге, прашне путе,
Кај се бомо ш џим играле,
Как јунаки стрелицами,
Как дивојке з јабукама,
Как снашице з иглицами,

Kukuljović, Dela, IV 255.

В серб. кралицкой (тропцкой), величальной ребенку, дѣвѣицы грозят: если мать не даст выкупа за своего ребенка,

Ми ћемо г' однети
Там' у нашу земљу,

(Гдѣ лучше, чѣм здѣсь, ибо:)

Там у нашој земли
По два сунца греју (свѣтит), 2
По два ветра веју;
Чедо нами треба,

Као струк босилка, Кар. I, 108.

б) В болг. пѣснѣ, которая встрѣчасым в ней выражением „стане нине“ (о коем буду имѣть случай говорить в другом мѣстѣ), уже непонятным и ошибочно принятым за титул или соб. имя, роднится с мр. колядками, колядовщики говорят:

„Стане нине, господине!
Чуде сме тя, та сме дошле:

Выше (стр. 33) было замѣчено, что хотя а priori нѣтъ ничего невѣроятнаго в том, что древніе припѣвы могут приставляться к пѣсням новаго происхожденія; но отдѣльными случаями это, сколько знаю, неподтверждается, так что, пока необнаружится противное, древность припѣва можно считать указаніем на древность основных черт самой пѣсни. Это примѣняю я к пѣсням с припѣвом „Ла-

Имаш сна златнокоса,
Златнокоса, среброглава.

Дай го, дай го, цар да бѣде!“

Хозяин отвѣчает, что у него есть такой сын, но он еще не может быть парем, не может строить пойска и начальствовать (п. ч. еще дитя).

Коледаре отговарят:

„Дай го, дай го, Стане-нинс!

Ние му штем лефе дели,

Лефе дели, аскер реди!“ ¹⁾

„На здраве ти, домакине!

Тебе неем славословим!“

(Милад. 116, N 83, под коим соединено двѣ самостоятельныя колядки).

Сходный мотив в лазарскоі (весенней) п., как подпчанье малому дитяти и косвенно — его матери. Размѣр — 4+3+припѣв (как и в лазарских у Милад. N 576, 584, 609), уже отмѣченный выше в нѣскольких веснянках:

Малечко'о 'убо'о ²⁾, о Лазаре!

На диван ми седеше,

Со яболко играше.

Майка ле му викаше:

„Малечк'о 'убо'о! ²⁾

„Доста седе на диван,

„Доста играш с яболко,

„Да н' те цар-от догледат,

„Да н' ти царство поклонит!“ ³⁾

Уште ⁴⁾ реч-та нерече,

Ми го цару догледа

И му царство поклони. Милад. 487 (N 577).

¹⁾ *Левер* (серб. из турец.). воин, получающій от царя плату, *аскер* (из турец.), войско. ²⁾ = *Хубаво*, прекрасное. ³⁾ Подарит. ⁴⁾ Еще.

до, ладо“ и мр. свадебным, колядкам, бр. волочобным с припѣвом „рано, рано“, отзвук котораго б. м. слышится в Словѣ о П. Иг. (см. мое изд. Сл. о П. 136).

В одной из таких свадебных величальных пѣсень, с замѣтным в нѣкоторых, я думаю, болѣе древних вариантах размѣром (4 + 4), затемняемым лишь правильными растяжениями и приставками (а, то), стало быть с размѣром серб. колядки „Град градила бѣла вила“, нахожу в своеобразном и фантастическом видѣ соединеніе нѣкоторых черт этой колядки: *построєнія города и матери, выдающей дочь за муж, или женящей сына.*

А. А славен вечор да дівич-вечор,
 рапо, рано!
 А ще славпій мій чорний ворон,
 да рапесенько!
 Чорпій ворон збудував город
 Да й у три стіни кам'яні,
 А в четверту золотую,
 А на той стіні терем стоїть,
 А на терему маковочка,
 На маковочі ластовочка
 Звила гніздечко з чорного шовку,
 Вивела дітки однолітки:
 Перше дитятко роженес,
 Друге дитятко суженес;
 Роженес та Ивашко,
 Суженес та Мар'єчка.

(С незначительными измѣненіями. Чуб. IV, 148—9, гдѣ еще 6 вар. из различных мѣстностей).

Другія вар. разнятся началом:

Б. Тепер у нас (ч. дивец вечор) дівич-вечор,
 Дівич-вечор хороше зряжен,
 Та не так зряжен, як обсажен
 У (ч. на) три стіни и пр.

То, что здѣсь дѣвичь-вечер принят за город, б. м. удобѣе всего объясняется недоразумѣніем, в силу коего

припѣв впесен в самый текст пѣсп. В нѣкоторых вар. стих раздѣлялся пополам припѣвом:

В. Славный город
да дівич вечор!
рано, рано! да дівич вечор!
Хороше зряжен

да дівич вечор! и пр.

Стоило только, вмѣсто того, чтобы отнести „славен город“, минуя припѣв, к „хороше зряжен“, счесть припѣв за продолженіе стиха, и получалось:

„Славный город да дівич вечор“, Новосельскій (Lud Ukraїński, I, 192), у котораго взят этот вар., виновен здѣсь лишь в том, что на недоразумѣніи строит объясненіе: „Diwycz wieczor odbywa się nie na ziemi; miejsce działania jego jest gdzieś na mistycznych stopniach góry świętej etc.

По началу лучше Львовскій вар.

Г. Ой дівно Львів збудований
На три угли ставлений и пр.

(Гол. IV, 267), но в нем вѣрны основному размѣру только ст. 1 и 6.

Д. Вр. свадебн. (пз мр.), Староосколь. у.

За горою каменною

Ладо, ладо!

Не стук стучить, не гром гремитъ,

Наши бояре терем строятъ

Во три стѣны каменные,

Четвёртая золотая,

А пятая маковая ¹⁾.

На маковкѣ двѣ ластовки,

Они вьютъ гнѣздо с алаго шолку...

... Вывели дѣток однолѣток:

Первое дитя—Иван-от-свѣт,

Другое дитя—Марья-свѣт;

¹⁾ „Маковая“ в силу вліянія слѣдующаго стиха, в коем рѣчь о маковкѣ.

Не вмѣстѣ 'пи родилися,
В одну семью сгодилися
(Коханов. Остат. бояр п. Р. Бес. 1861, II, 83).

Е. Бр. купальская (Шейн, Бр. п., 160):

Иван, Иван да Марья,	А на кружолце ластавка.
А на гарѣ купальня,	Яна сядзіць висока,
А на купальне царковка,	Чуіць і відзіць далёка,
А на царковце макавка,	Што ў Полоцку дзеіцца:
А на макавке кружолка	Дзевяць панснак заручоных,
(в. крыжечик),	А дзісятая павянчаная.

Это собственно не варіант, а особая пѣсня, родственная с предыдущей, по размѣру 4 + 3, сходная с веснянками. „Купальня“ попала сюда только в силу припѣва купальских пѣсень „купала“ или, чего впрочем в дошедших до нас пѣснях несохранилось, „купалья“ (Ип.² 565, под 1262 г.). Из этого припѣва вышло обозначеніе мѣстности, гдѣ стоит церковь. То, что ласточка здѣсь не вѣет гнѣздо (черта, без которой предыдущая свад. п. обойтись не может), а лишь сидит высоко, видит далеко, предполагает существованіе варіанта, в коем построение города (терема) и витѣ гнѣзда представлялось, как видимое с высока птицею. Это ведет к предположенію, что и вар. А возник из болѣе древняго, в коем ворон не строитель города, а лишь зритель, предположенію, подтверждаемому лотышскою п., в коей ворон видит, как строят чудесную клѣть для невѣсты и жениха:

„Ворон сидит на дубу, играя на золотых гусях.
„Невидал ли ты, ворон, куда повели (за муж) нашу сестрицу?“ — Туда повели вашу сестрицу, *через скользкое озеро* ¹⁾: сивые коня, бѣлые покровы, пышный наряд у ведущих (=сватов). Пышные провожатели „скрини“

¹⁾ *Скользкое озеро* — ледяное небо, первообраз стекляного (Ав. П. В. I, 120, 192). В Шестодневѣ Іоанна Экз. читаем: „Въ вторыи же днь рече Бъ: „боуди тврѣдь посрѣд(ѣ) воды ти (=и) боуди разлоучаю (=и) посрѣд(ѣ) воды и воды“. Створи же небо видимою се, акы ледъ сътевъ.... Почто же ю зовѣть тврѣдь? Не им' же лі от жыткы воды и рѣдкы оутврѣди ю и ожесточи?“ (34. Ср. ib. 143).

(„кубла“, лот. *piņs*) рубят клѣть из гусиных костей ¹⁾, павлиньими перьями кроют крышу, из розового цвѣту стелют постель, из маковаго — покрывало (простыня). Туда легла ваша сестрица, как та искра огня (=так прекрасна); туда вкатился „людекой сын“ (жених, чужанин), как комок (бѣлой) пѣны“ (Спрог. 106—7; ср. Бривземп. в Сб. Дашк. N 285, 287). Что здѣсь величанье посредством примѣненія небеснаго брака к земному, можно заключать из слѣдующей п.:

„Божьи сыны рубят клѣть, ставя золотыя стропила.
Сквозь них (?) проходит солнцева ночь, дрожа, как листочек“, Спрог. 303.

В заключеніе экскурса „трое ворот и свадьба“ приведу вр. весеннюю хороводн. п., упомянутую выше (стр. 45) по поводу дѣйствій, сопровождающих „сѣянье проса“. „Которая пибудь крайняя пара дѣлает ворота; через них проходят все играющіе под пѣсню:

Вокруг города, вокруг Архангельскаго
Остров мой, да зелен мой!

Были трои ворота, трои широкія.
Как во первые ворота сундуки ²⁾ провезли,
Как во вторые ворота бояре прошли,
Как во третѣ то ворота женихи прошли,
Женихи прошли и невѣст провели.

„Уж как кто-то сына женит, у кого дочь берет?
— А N сына женит, у N дочь берет.

Т. о. паруют всех играющих (Гуляев, Этн. Оч. ю. Сибири, 74—5).

Указаніем на первоначальное тождество этих троих ворот служит вар.:

Уж как в первы ворота проходили корабли,

¹⁾ Ср. в упомянутой выше (стр. 76) серб. п. „Вилин град“:
... Па бедеме (вила) гради граду чудом чувене
Све од силне коцке кости и од јуначке
(Кар., П. из Херц., 265).

²⁾ = Лот. *piņs*, скриня невѣсты.

Во вторые ворота пролетали соколы,
Уж как в третьи ворота добры молодцы прошли,
Добры молодцы прошли, красных дѣвиц провели.

(Иркутск, Зап. Г. Общ. по Этн., II, 385),

ибо, как видно из других данных, которых здѣсь непри-
ножу во избѣжаніе новаго отступленія, соколы—тѣ же же-
нши, а на корабль жених перевозит невесту. Этот вариант
заключает в себѣ черту („сокол пролетает в ворота“), ко-
торая понадобится ниже, при объясненіи одной веселки.

В рассматриваемой игрѣ „Воротарь“ дано сочетаніе
черт: „отпирание ворот (в одном вар. отмыканье и замы-
канье церкви)“ и „мед“ („ярпї бджоли“, „фасойка меду“).
Одно из существующих объясненій предполагает здѣсь лишь
ту связь, что ворота города или замка отпираются для
выпуска людей, привезших дань медовую. Но, мнѣ кажется,
такое рационалистическое объясненіе, оставившее слѣ-
ды в самой пѣснѣ („фаска меду“), касается лишь предпо-
лагаемаго позднѣйшаго наслоенія пѣсни и потому непе-
ключает другого, мифологическаго объясненія, к тому же
основаннаго на большем количествѣ данных.

Если и это объясненіе будет вытѣснено вполне или
отчасти третьим; если на пр. окажется, что мифологичность
тут, если и есть, то вторичная, христіанская и легендар-
ная: то, конечно это послужит лишь на пользу дѣлу.

Пока я считаю удовлетворительным объясненіе, если
неошибаюсь, подготовленное предыдущими сближеніями.
Первоначальная сцена здѣсь не земля, а небо. Ворота—
суть небесныя ворота, в которых восходит и заходит солн-
це и другія свѣтила. Их отпирает и запирает, отмыкает
ключами и замыкает зоря (а может быть и мужескій образ
того же явленія), выпуская при этом росу, отождествляе-
мую по одному воззрѣнію с ключами зари, по другому с
медом. Это послѣднее воззрѣніе восходит ко временам
гимнов Вед — явленіе не болѣе странное, чѣм то, что са-
мое слово мед, даже по своему склоненію (тема на -у) не-

прерывно и независимо от посторонняго вліянія сохраняется от времен еще болѣе отдаленных. Черты утренней зарри были перенесены на весну, „утро года“ (Пушкин). По моему мнѣнію, не есть измышленіе мифологов по крайней мѣрѣ то, что в слав. народной поэзіи существует ассоціяція:

Зоря, ключи, роса, мед, к коей примыкают и нѣкоторыя другія:

Недостаточно засвидѣтельствовано, что вр. загадка „Дѣва Марія по воду ходила, ключи обронила“ говорят именно о молніи (Худяков, Загадки, Этн. сб., VI, 80), согласно с чѣм Аванасьев объясняет: „богиня громовница, чтобы добыть дождевую воду, бросает ключ—молнію“ (П. В. II, 401). Другіе извѣстныя вар. этой загадки говорят о *зорь* и *росѣ*: „Заря заряница, красная дѣвица, по полю (по лѣсу, по церкви) ходила (играла), (врата отпирала), ключи потеряла. Мѣсяц увидѣл (неказал), солнце скрало (взяло, подняло, нашло)“, Худяк., I. с. 99—100; *Ном. Приказ.*, 291—2; „*Минда Миндолина* ¹⁾ ключе изгубила, нашао их месец, отело му сунце“, Ст. Новаковић, Срп. загонетке, 194. Соответственныя литовскія загадки о *росѣ*,

¹⁾ М. б. *Манда* (Кар. Рјечн.), *Мандалена* (=Магдалина)? Это послѣднее имя встрѣчается в хорв. сказкѣ Бендеш-вила-Мандалена (Valjaves, N. pripovjet.. 21), содержаніе коей таково: а) Младшій из 3-х братьев ловит птицу, которая ночью поѣдает плоды с его дерева (сходный мотив — в мр. колядках). Эта птица в его руках превращается в Бендеш-вилу-Мандалену, прекрасную дѣвицу, которая своей золотой косою освѣщает все поле (зоря?). Когда она засыпает вм. с героем сказки на золотом столпѣ, баба отрѣзывает ей косы. Мандалена исчезает. б) Герой находит ее, живет с нею в ея градѣ. Уходя на время она оставляет ему ключи. Он освобождает запертаго в одной из комнат змѣя в бочкѣ, который похищает Мандалену. в) Герой при помощи благодарных животных добывает у нѣкоей бабы коня, на котором освобождает Мандалену. Другіе вар. см. в моем соч. О миф. зн. нѣкр. обр. и пов. 15 сд. Впрочем мотив б) (передача ключей) может находиться лишь в случайной связи с пнем героини.

в коих говорит от своего имени неназванное лицо (зоря), росу представляют запонкой (или пряжкой, *saktis*) или перстнем: „шла я ночью, потеряло запонку (*sakti*), мѣсяц нашол, солнце отняло (схватило)“ или „мѣсяц нашол, отдал солнцу“; „потеряла я перстень под мѣдным мостом, нашел (его) мѣсяц, истребило солнце“ (*Schleicher, Litauisches Lesebuch, 63—4*; что говорит здѣсь женщина, это, конечно, догадка, т. к. грамматич. род *verbi fin.* необозначается). Несмотря на вар. „врата запирала“, рѣчь идет, по видимому не о вечерней (О. Милл., Оп. Ист. обзор. Р. Слав., I, 65), а об утренней зорѣ, отмыкающей небо при мѣсяцѣ перед восходом солнца. Если бы говорилось о вечерней, то трудно было бы объяснить упоминаніе утренней зари слѣдующаго дня. К этой же порѣ относятся выраженія: „утренняя зоря размыкается, Божій свѣтъ разсвѣтается“ (Майк, Заклин., N 337); „как ты, матушка бѣлая зоря, разрѣшаешь (отдѣляешь от наступающаго свѣта?) тьму, также разрѣши хищника (=тьму; в мр. загадкѣ „темнота“=волк) от имѣнія сего“, *ib.* N 266, впрочем — книжнаго склада.

Судя по пѣснѣ, записанной мною в 1852 от женщ. из под Валок (мое соч. О нѣкотор. симв. в слав. и. п. X. 1860, 136; Чуб. V, 445), в коей за достовѣрность послѣдних 4-х стихов до сих пор, к сожалѣнію, ручаюсь я один, утренняя зоря, неотмыкая неба, может продлить ночь, время, когда мертвые являются на землю:

дѣвица сирота:

К сирій землі припадала:

„Земле-ж моя, мать (*sic*), сирал!

„Приняла ж ты отця й неньку,

„Прийми й мене молоденьку...

... „Коли б знала я відала,

То-б я в зорі ключі взяла

Та нічепьки доточила,

Из ненькою говорила.

Лот. пѣсня, по видимому, отождествляет ночь с могилой, приписывая „дочери солнца“ („*saules meita*“, здѣсь вечер-

няя зоря?) отпирание могилы. Дѣвица говорит: „дочь солнца, дочь солнца! дай миѣ ключи от могилы; миѣ нужно идти отпереть могилу для родного брата“ (Бривземн. в Сб. Дашкова, II, 37, N 105). То-же желаніе, что в мр. п., но по другому поводу, высказывает дѣвица в морав. нѣспѣ:

Dybych měla klíče od toho svítaní,
Nedala bych svítat zětra do snídání...

... Aby se vyspalo potěšení moje
(Suš., Mor. n. p., 293; Erben, P., 321).

Слѣдующая замѣчательная бр. п. (жатвенная, по содержанию родственная с дѣвичьими веснянками), говорит сначала о вечерней зарѣ, потом — об утреннем отмыканьи неба:

- А. Пара, жонкі, дамов іці:
Пацэрала зара ключі,
Кала пастаці ідучи
4. А з меслцом гуляючи,
А з соўнішкам гуляючи.
6. А ўзайдзіце, ясны зоркі,
А знайдзіце ключі дзвонкі:
8. Пара зямлю адмыкаці,
Пара расу выпускаці,
А первую лядавую,
А другую мядавую:
Лядавая свікратавая,
Мядавая таткавая;
Лядавая—кала плоту,
Мядавая—кала стола;
Лядавую калом прабью,
Мядавую з дюдзьмі прабью.

(А. Киркор, Этн. взгляд на Вилен. г. в Этн. Сб., III, 212; ср. Зап. Г. Об. по Этн., V, 95). Ст. 5-й есть лишь неудачный вариант 4-го.

Б. 1—3 = А. 1—3.

4. Постаць раўнуючі,
З месяцам гуляючи.
А хто тые ключі знайдзіць,

Тот се-лета (v. за караля) замуж зайдзіць.

А N (на пр. Ходоска) ключі знайшла,

И се-лето (v. за каралл) замуж зайшла.

(Шейн, Бр. п., 190—1; ср. ib. 119. N 168).

По ввидмому, зарѣ приписано заплітє самих пѣвиц:
заря, как и они, равняет „постать“ ¹⁾ ²⁾, и при этом те-
ряет свои ключи—росу. Значит, пора жницам ити домой.
Ср. в другой жатвенной:

„Сцюдзёная раса пала:

„Пусці мяне дамоу, папе“,

(Шейн, Бр. п., 185).

В вар. А., если ст. 6—7 достоверны и связь их с
8 слѣд. не вѣщная, зори—звѣзды приглашаются найти
ключи вечерней зори ³⁾ и, вѣроятно, передать их утренней

¹⁾ Мр., бр. *постать* = серб. *постат*, вр. и *постать* (Даль),
сколько за раз захватывает перед собою жнец, полоса кото-
рую он гонит; мр. „за постать заходити“ начинать такую по-
лосу. Тоже, что у косарей *ручка*.

²⁾ В этом направлении пѣсня пошла и дальше. В вар. В
(Шейн, ib. 190) вмѣсто „з месяцем гуляючи“ стих: ... Зара..
Из панамп танцуючи, С козаками жартуючи“. Инд. *ушас* (зоря)
как танцовщица—В. Мплл. Оч. Ар. мнѣ, 240. В числѣ лот. за-
говоров „от крови“, указывающих на зорю, есть один, говоря-
щий о „красной (по цвѣту) дѣвицѣ“, которая пляшет и пры-
гает [Трейланд, Матеріалы, 143 (260)]. Сюда же, предполагая,
что *бля*=*пля*..., можно отнести:

Ясны місяцу светі мні,

Ясные зпронькі *бляшытс*,

Близкіе сусіде глядіте, Zienk., P. I. P., 86.

Ой заселі піті да гуляті,

Ой заселі ні рано ні лузно (= *žno*)

Покі зпшло три зпронькі рузно (= *žno*):

Одна світїт Щодричу (=сп) Василью,

Друга світїт святому Михайлу,

Трейця світїт, оно только *бляше*—

Не для себе, вражи сыну Ляше,

Що ты ходїш, по ночи віляеш

Мні молод(свѣк)ой спатенькі недаеш (ib. 287).

³⁾ В связи с этим может находиться вѣрованье, что ро-

зорѣ, которая выпустит утреннюю росу. В вар. Б ключи зори находит величаемая дѣвица, и это связапо со скорым и счастливым выходом ея замуж. Б. м. здѣсь—перенесеніе на дѣвицу черт зари, основанное на том, что и дѣвица в домѣ родительскомъ есть „ключница“ и ключи—знакъ ея власти и вмѣстѣ ея самой, ея дѣвства ¹⁾; и заря есть невѣста ²⁾. Такое же перенесеніе, какъ величанье невѣсты, и в слѣдующемъ. В Вит. г. дружко, на вопросъ потѣжанъ жениха, дома ли невѣста, отвѣчаетъ:

„Наша княгиня маладая хадзіла гуляць па лясам, па лугам, па сіню морю — астравам і чаго дагуляла? з’латы ключі пацерыла. Таперь пашла ключов сачиць (=искать). Такъ вот, пріяцілі, вамъ приходзіться время прастаяць“ (по-

са (и дождь) зависит от зорь-звѣзд („твоја се среѣа... звѣздама сјајнимъ росила“, Кар., Пјес., I, 191; в первой половинѣ слова *волосожары*, *pleiades*, мнѣ кажется, заключено названіе дождя, см. мое Сл. о П. Иг. 22—3) и у нихъ же находятся ключи: „и глаголетъ мнѣ Михаилъ архангелъ: заслоню я тебя, р. б. желѣзною дверью и замкну тридевятьма замками и ключами, дамъ ключи звѣздамъ, 1-ой Маріи, 2-й Прасковіи, 3-й Ерпеси: возьмите ключи, отнесите на небеси, и кто эти ключи достанетъ, тебя, р. б., отмыкать станетъ“ (Майков, Вр. закл., N 344). То, что в Ворон. г. плеяды носятъ названіе *Петровыхъ ключей* (Ав. П. В. II, 403—4) лишь на половину объясняется „церковно-художественнымъ преданіемъ объ ап. Петрѣ ключникѣ рая“ (А. Кирпичниковъ, Св. Георгій и Егорій Храбрый, Спб. 1879, 147), какъ и названіе раст. *cuscutum intybus*, *Петрівъ батій* (вр. солнцева сестра), с голубыми цвѣтами, сидящими какъ узлы на плети, не можетъ быть вполне выведено изъ христіанскаго преданія.

¹⁾ Сах., Ск. Р. н., кн. 2, 18; лот. „я была у своей матушки хранительницей ключей, теперь в чужихъ людяхъ стою за дверью“ Спрогис, 193. В мр. пѣснѣ молодая и замужемъ—„до комори ключница“, *Wasł. z Ol.*, 28.

²⁾ По лит. п. утренняя заря — любовница мѣсяца (Schl. *Leseb.* 3), невѣста (*ib.* 4); в лот. п. Сама приходитъ заря (*gaišumīna*) ни покупаемая, ни ведомая (какъ невѣста), а „ладу“ (*līgamiņa*, желанная, молодая) братцу надобно покупать, *встп*“ Спрогис, 158.

ред воротами). На это дружко жениха: „Эта, пріяціль, твая сказка нашим дзялам пі павязка (не помѣта). Наш князь маладыі пігулял, сѣзділ в горад, шолку пакуплял, с шолку сяцей павязал і в сіня моря пакідал, там бялу шуку ён паймал, шукі серца разрызал, златы ключи выні-мал. Ключи княгініны в нас!“

Др. невѣсты: „Ну, так і княгіня будзя в вас!“ (Этн. Сб., II, 175). Ключи, потерянные здѣсь невѣстой и *про-пущенные рыбой* (один из странствующих поэтических мотивов) в заговорѣ принадлежат красной дѣвицѣ на золо-том стулѣ (=зарѣ), замыкающей недуги (Сах., Ск. Р. н., кн. 2, 18).

Во второй части варианта А (ст. 8 слѣд.) ледовая и медовая роса, выпускаемая утренней зарею, отождествля-ются: первая с несчастной *долей* женщины в домѣ свекра, вторая — со счастливой в домѣ отца ¹⁾.

¹⁾ Такой взгляд на долю у отца и у свекра свойствен веснянкам. В нѣкоторых свадебных — на оборот, по пословицѣ „доля лучшая Божая, ніж матчиная“, Пом. 45. Чтобы убѣдись-ся, что это значит „лучше замужем, чѣм у матери“, нужно взять во вниманіе слѣдующее:

Богодаными в вр. называются свекор и свекровь („Бого-данные будут угрюмые, Милый ладый невесел с тобой“, Рыбн. IV, 113—4) а равно и другіе родственники мужа, как чужіе, в противоположность родным, своим, которыя, стало быть, не-даши Богом. Так: *братец богоданой*, Барс., Припчт., 41,—деверь; *богоданые сестрицы* (Арх. Волог.) — не родныя, а по мужу, зо-ловки; *богоданый, -ая*, не только свекор и свекровь, но и тесть и теща по отношенію к зятю; посаженный отец, мать (перм. крестный); *богодана матушка*, не родная, а мачеха (=„названа лиха мачиха, Барс. ib. 86—7); *богоданой отец* — вотчим; *богода-ное дитя* — подкидыш, приёмш; *богдан, богадашка*, общее назва-ніе всѣх некрещенных дѣтей, а в бр. *богдан*—нзаконнорожден-ный. Это дает возможность иначе смотрѣть на собств. имя *Бо-гдан*, когда оно является не переводом христіанско-греч. θεόδω-τος, θεόδωρος. В скр. *дѣвадатта*, по В. Р. и Benf., очень обыкно-венное мужское собств. имя и отсюда нарцательное имя не

Есть и другія указанія на то, что *долю* дает между прочим *заря* и что черты этой послѣдней вошли в состав

опредѣленнаго лица (нѣкто); однако в Папчатантрѣ I, 4 (Benf. Pantschatantra, II, 38) это нарицат. имя любовника, стадо быть чужого, песвоего мужа. В нѣкоторых мѣстностях южной Русп молодой и молодая (в вр. свадьбы?) называются богданками (Nowosiol., Lud ukr., I, 106, 196).

Согласно с этим названіе жениха *суженый* (кого Бог—судил, дал) равносильно с *чужой—чужанин*, лот. *tautas dēls* (жених, как чужой), а „богосуженая“ (Шейн, Вр. п., 524—5) м. б. противопологалось *своей*, т. е. сестрѣ.

И в мр. свадебной п. *доля божая* (Богом данная) противопологается *батьковой*, как замужество-жизни в дѣвках:

Ой славен, славен Марини посаг:
По всіх віконцях янгелі сидять,
Янгелі сидять, доленьку судять,
А надо дверьми сам Господь стоить,
Сам Господь стоить, книжечку читає,
Книжечку читає, доленьку роздає,
Доленьку роздає, Мариню питає:
„Мариню дитятко! чия ліпша доленька?
„Ой ци Божая, ци батенькова?“
— Ліпша Божая, як батенькова:
(Батенько дає води корови,
А Господь дає щастя здоровля),
Батенько дає та й вимовляє,
А Господь дає ще й причиняє.

(Гол. II, 651; ср. IV, 211, 8; 225, 14; в скобках стихи из вар. записаннаго в зап. ч. Подольской г.). Н. И. Костомаров (Истор. знач. ю.-р. нар. пѣс. творч., Бес. 1870, XI, 50) замѣчает по этому поводу: „как будто языческія представленія сталкиваются с христіанскими: является двѣ доли разом; одна дается невѣстѣ Богом, другая—родителями“. По моему, столкновенія тут нѣт. Раз то, что Бог судит замужество, а отец дает жизнь до него; другое — то, что Бог, как податель доли—черта языческая, вѣроятно согласная и с этимологич. значеніем слова *Бог*.

Противоложеніе своего, родного Божьему видно и в сербо-хорв.:

За војна би косу одрезала,
За браца би чрне очи дала,

мѣстическаго образа *Доли*, серб. *Сречи*, лит. и лот. *Лаймы*. Так в серб. пѣснѣ вилы указывают юнаку его добрую долю (Срећу):

Твоја се срећа родила,
Суичаном ждраком ¹⁾ повила,
Мјесецем сјајним гојила ²⁾,
Звјездама сјајним росила,

Кар., Пјес., I, 191. ³⁾.

Кто же эта срећа, родившаяся при звѣздах и мѣсяцѣ, и повитая солнечным лучем, как не утренняя заря?

Запѣв серб. пѣсни:

... Кад се д'јели срећа од несреће, (то есть),
Тавна ноћца од бијела дапа,
Удбинска се отворише врата

(Кар., Пјес., III, 278),

который я в своей статьѣ *О долѣ* (II т. „Древност.“ Тр. М. Арх. Об.) разсматривал лишь по отношенію к вр. *сутычки, сутники*, сумерки (когда день смыкается с ночью), я понимаю теперь так: отворились ворота г. Удбина на разсвѣтѣ, когда отворяются небесныя ворота и отдѣляется несчастье—ночь от счастья—зари. Подобное сближеніе заключено в припѣвѣ мр. п.:

Јер је војно од божјега дара,
Братам ми је одкуд сам и сама.

(St. Маџугаиѣ, Нгв. п. рјес, 134).

В слѣдующем извѣстная причина болѣзни противоположена неизвѣстной:

Што је сине, врло добро моје?
Ал' је болест од јашиковаца,
Али болест од Бога послана?

(Кар., II. пз Херц., 166).

¹⁾ Солнечным лучом.

²⁾ Кормилась. Тут могло имѣться в виду „молоко мѣсяца“.

³⁾ *Срећа* есть также вѣроятно та голая дѣвпца серб. сказки, свѣтлая как солнце, с распущенными волосами, которая спя над озером, вышпавает солнечными лучами и которой один красный волос обогащает бѣдняка. Кар., Припов., N 31.

Ніч моя темна, зоря моя ясна,
Яка моя доля нещасна (v. прекрасна)!
Родиться на зарі—счастьє, п. ч. зоря дає счастьє и красоту:

Пасхав Павлушка жанища,
Забыв зорінькі вклапища.
—А я ж табе, зара, свящїла,
Як цябе маменька радзіла.
Хадзіла маменька, як пава
И радзіла цябе, як пана, Шейн, Бр. п., 182.

Aj Nanynko má milá,
Jak jseš ty hezký děvče!
Musela's se narodit
Spíš, než dennice vyšla.
— Ja sem se narodila,
Dennice vyházela,
Už mě moja maměnka
Na rukách kolíbala, Suš., Mor. p., 204.

В мр. свадебной п. вечерняя зоря приводит невѣстку в дом свекрови:

Івасунева мати двері підхилила
і з зорою розмавляла:
„Ой зоре моя, зоре, зоренько вечерняя!
Тож-єсь ми присвітила
„До дому мі(?)тницю, до поля робітницю,
до комори ключницю.

(Wacł. z Ol., 20).

Отношеніе лот. *Лаймы* (доброй доли), сплетающей дѣвицъ вънок (подобно солнцу-матери, см. выше стр. 99), выдающей замуж и устроивающей брачную жизнь (Брицз. N 109—123; Спрог., 303 слѣд.) если не прямо к зарѣ, то к зарѣ или солнцу, видно из слѣдующаго:

а) „Счастьє, счастьє той дѣвицѣ, которая рождается при солнцѣ: для нея Лайма отливаєт запонки (брошки), обмакивая их в серебро“, Спр., 305, 8; ср. ib. 305, 7.

б) Как тонет в морѣ или Двишѣ солнце, или дѣвица (вечерняя заря) окрашивающая воду в кровавый цвѣт

(Спрогис, 13, 5—6; Бривземи., N 181—2), так тонет Лайма:

„Всѣ говорят: моя Лайма (доля) потонула, а моя Лайма сидит на горѣ, на серебряном креслѣ (Спрог., 305, 9; 307, 20; „солнце и мѣсяц, на золотом креслѣ“ Бривземи. (Трейланд) Матер. по этн. лит. пл., 116, 14; ср. также выше стр. 62). Это, мнѣ кажется, бросает свѣтъ на обычный образ мр. пѣсень: доля тонет в морѣ.

На зарю, частью утреннюю, частью вечернюю, во всяком случаѣ на свѣтовое, солнечное явленіе указывает разсмотрѣніе мноических образов нѣкоторых частных случаев, входящих в общее понятіе о долѣ, судьбѣ.

Отпирание небесных ворот и утробы матери при родах.

Если раз сложилось воззрѣніе, что для восходящаго солнца отпирают небесныя ворота (б. м. подобно тому, как на зарѣ дѣвица отворяет ворота, чтоб выпустить скот на пашу ¹⁾); то этот образ легко мог быть перепесен на выход уже взшедшаго солнца из-за туч. Впрочем образы того и другого могут оставаться сродными и при ошибочности предположенія относительно порядка, в каком они возникли. Вот пр. дѣтская п. во время дождя:

Дождик, дождик, перестань!

Я поѣду в Верестапъ (?)

Богу молиться,

Христу поклониться.

А я в Бога сирота;

Отворяйте ворота

Ключиком, замочком,

Золотым платочком.

(Ср. Шейн, Р. и. п., 53—4).

¹⁾ Ср. „Солнце (мать) вело невѣсту (т. е. слѣдуя за нею) из Нѣмечины в эту землю; сотнями гнали коров и быков, сотнями карых коней“ (т. е. в приданое?), Бривземи. в Сб. Дашк. II, N 65.

Между 3-м и слѣд. ст. связь та, что солнце грѣет особенно сирот (мое Сл. о П. Иг. 61), а ворота — для солнца. Маннгарт (Germ. Mythen) разсматривает нѣсколько семействъ подобных нѣмецких дѣтских пѣсень (собств. заклинаній обращенныхъ к солнцу), большею частью связанныхъ с вышеприведенною упоминаніемъ о небесныхъ воротахъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ положительно извѣстно, что онѣ поются во время дождя; но б. м. в нихъ есть указанія и на разсвѣтъ (Mannh. G. M. 389, γ) и ясный закатъ солнца, предвѣщающій хорошую погоду на другой день ¹⁾. Ключникомъ небесныхъ воротъ является в нѣкоторыхъ п. Св. Петр и Павел ¹⁾, но большею частью открываетъ двери солнцу женщина. Содержаніе одного типа этихъ пѣсень приблизительно таково: „Солнце вверх, тьма—вниз“ (ib. 527). На склонѣ неба (v. на межѣ неба, am himmelsrain; ср. выше градъ ни на небѣ, ни на землѣ)—золотой домъ или замокъ. Там—

¹⁾ ... Peter schliess die tür zu, Wirf den schlüssel über den Rhein (т. е. rain, за склон неба или за межу, Mannh. l. c. 393) (какъ заря теряетъ ключъ): Morgen solls gut wetter sein“, ib. 390; Sonne, sunne schein! Treib die wolken von dein, Hin affn gatterspitz, Wo Peater und Paule sitzt, Wo kein häne krät, Wo kein mader mât, Wo kein ochse liegt Und keine blume blüht (ib. 391). Это удаленіе облаковъ в нездѣшнія страны есть чрезвычайно распространенный мотивъ заговоровъ, отсылающихъ болѣзнь „на луги, на доли, на очерета, на болота, до синѣго моря“, „де козакъ на коні не гуляе, де дівка косою немас, де чоловічий голосъ незаходить, де скотина неходить, де птиця нелітає“, Тр. 3-го Арх. съѣзда, II, 174—5); „у гору п у воду, у високе висине, у дубоке дубине, где певацъ испева“ (Гласн. Срп. уч. друштва, V (XXII), 179), „где говеда нерпчу, где петли непоју etc.“ (ib. 169; Ао. П. В. I, 478); „да п джт (уроки, почюди и пр.) в пусто горѣ Тилилейско, дѣто штыркъ немжти, лѣстовица непѣе, дѣто куче нелає (v. дѣто пѣтел непѣе и пр.)“ (Чолаков, Бѣлг. нар. сборн., 115—6); лотыш. „в лѣс“, „в глубокое море, в глубокий морской пѣсок“ (Трейланд=Бривз., Матер. по Этн. лат. пл., 135 et pass.); у Осетия: „о св. Аларды! отъ тебя идетъ дѣтская болѣзнь (оспа), отъ которой соблюди дѣтей этого аула, прогоняя ее в далекія моря и горы“ (Сб. свѣд. о Кавк. горахъ, IX, Педразс. у Осет., 42).

три дѣвѣцы (или три Маріи). Одна прядет шелк, другая вьет (золотую) вить (русс. *вить*, поль. *wić*, нѣм. *weide*), третья, которой нѣкоторы вар. дают *красное платье* ¹⁾, прядет золото, *отмыкает небо, выпускает солнце в дверь*, или идет к роднику и *находит ребенка* (Mannh., G. Mythen, 255=379, 524 слѣд., 703 сл.). Маннгарт видит здѣсь Норн, дѣв судьбы (как и Гримм), а в основаніи этого значенія—облачных жен (ib. 538, 706). Первое вѣроятно; что же до второго, то в той связи, в которой здѣсь разсматриваю эти пѣсни, скорѣе можно видѣть здѣсь столь обычное в вр. заговорах утроеніе зарн. Отчасти сродная шведская дѣтская пѣсня (ib. 657, 664, 706) говорит о *Fru Sole, Frau Sonne*, которая за три часа (т. е. за долго) до дня прядет на золотой прялкѣ.

Послѣдней чертѣ вышеупомянутых нѣмец. пѣсень соотвѣтствует отпирание ложесн матери в вр. и лот. заговоръ для облегченія родов:

„В восточной сторонѣ с небес стоит серебряная лѣстница“, по ней „ползет (вм. древ.-русс. *льзеть*, т. е. идет) мать Пресв. Богородица с золотыми ключами, с шелковыми поясами, отпирать — отмыкать мясной ларец“ (Ефим., Матер. по этн. Арх. губ., II, 198; ср. Майк., Закл., N 49).

По другому представленію матка—ворота (в лот. заговорѣ *мьдныя*, т. е. небесныя), а дитя—путник, акт рожденія — поѣзд: для ускоренія родов бабка входя в двери, говорит: „отпирайте (bis)! отперли (bis)! запрягайте (bis)! поѣзжайте (bis)! поѣхали (bis)! ѣдут, ѣдут!“ (Ефим., ib. 197); лот. „Милая Марья (bis), одѣнься в шолковыя платья, отвори ворота (bis)! Вот ѣдут господа (bis)!“ (Треитланд=Бривз., Матер., 119, N 40); „Путник (bis)! (=рождаемый ребенок), встань, сядь в повозку, возьми вожжи

¹⁾ Ср. лот. п.: „Почему что вечер края неба краснѣют?—Солнце (ж. р.) что вечер провѣтривает свое шолковое платье“, Бривз. в Сб. Дашк. N 83; „... (утром) встала дочь Солнца (ж.) прасть золотыя нити“ ib. N 104; мр. „за лісом, за пролісом—червоне плаття“ (сонце), Пом., 291.

в руки, поѣзжай домой! Спѣшите, спѣшите отворить ворота! Вот ѣдут господа, как рыба по Двинѣ ¹⁾ (ib. N 39). С большим, я думаю, удаленіем от первообраза: „Отомкни, *Исус*, горныя ворота! Путник стоит уже на пути, чтобы он мог проѣхать!“ (ib. N 41) ²⁾.

Как зоря не только отмыкает небесныя врата, но, что м. б. первообразнѣе, сама „размыкается“ (Майк., Заклин., N 337); так в лот. заговорах „от матери“ (mate, matka) мать Марія отождествляется с олицетворенною маткою: „Марьюшка (Mária), святая жонка! отвори мѣдныя ворота... сядь на свое золотое кресло с серебряной спинкой, в лѣвый бок, под пупок“ (Трейланд, ib. стр. 116, N 7); „я хочу уложить (сошедшую с мѣста) N (такой то) матку на свое мѣсто. N (такой то, sic, а не „такого то“) мать и Исусова мать обѣ онѣ—одно...“ (ib N 33); „Исусова мать, N (такой-то) matka, надѣнь золотое кольцо, сядь на золотой стул, как бариц, на серебряный престол, как солнце и мѣсяц“ (ib. N 15; ср. N 14, 4, 5). Этому соотвѣтствуют русс. послѣродовые заговоры: „золотник мой золотник... стань... на свое дорогое мѣсто“ (Майк. N 50); „тобі, матко, на золоте крісло сидати“ (Иващ. в Тр. 3-го Арх. сѣзда, II, Прил. 177).

Как маткѣ приписаны здѣсь черты небеснаго существа, так на оборот это послѣднее или другое подобное названо *золотой ступою* („чортова ступа“, ругательство, обращенное к женщинѣ; в мр. п. „коли-б мені ступка та

¹⁾ Сравненіе взято из другого заговора при родах же: „Шмыгни, зеленая щука, вон из очера! Господа ѣдут, *золотыя паруса* выплбаются (=надуваются“ ib. N 42.

²⁾ Выздоровленіе ребенка по слав. и нѣмец. повѣрьям есть как бы новое рожденіе на свѣт, почему больного пропускают сквозь рубаху матери (и сквозь штаны отца), сквозь нарочно разщепленное деревцо, сквозь дупло (=ложесна). Этим объясняется в лот. заговорѣ „от родимца“: „Отвори Божьи ворота, затвори адскія ворота! Пусть (ребенок) выйдет сквозь Божьи ворота свѣжим и здоровым... как братцы и сестрицы, что в горкѣ (=на том еще свѣтѣ) лежат“ ib. N 72.

жорна! Коли-б мені *жінка* моторна, Я-б її цілував—милував...“):

„В чистом полі, в зеленых кустах, в поморьѣ стоит вертеп. В том вертепѣ сидит *матерая жена* на золотом *стулѣ* между трохъ дверей... И тут... матерая жена *мплостивала*... *золотая ступа*, покидаєт *шолковой кужелек*, *веретенцо серебряное*, *молптєся* и пр., Присушки, Майк., Зкл. N 11.

Обращеніє к зорѣ в заговорах от разныхъ болѣзней.

а) В нѣсколькихъ случаяхъ, по моему, болѣе древнихъ, тогда как по другой теоріи, о которой будетъ упомянуто ниже, они должны бы считаться болѣе поздними, зоря не имеетъ никакого христіанскаго имени:

„Заря *заряшца*, *заря красная дѣвица*! возьми *криксы* и *плаксы* и пр.“, или „твое дитя плачетъ, пить—ѣсть хочетъ, а мое дитя плачетъ, спать хочетъ. Возьми свое *безсонье*, отдай намъ свой *соп*“ (Майк., N 58; ib. 93, 109).

б) Эта зоря одна, или 2 (утренняя и вечерняя), 3, 4 носятъ разные христіанскія имена:

„Какъ зоря *Амтимарія* (=мати *Марія*) *исходила* и *потухала*, тако... всякіє *педуги* *исходили* бы и *потухали*“, Майк. N 211; „*Матушка* *заря* *вечерняя* *Дарья*, *утренняя* *Марія*, *полуночная* *Макарида*! Какъ вы *потухаете*“ и пр. (ib. N 236; см. также ib. N 56, 57, 102, 194).

в) К тому же образу—молитвы „*рудѣ* *унимать*“: „На *восточной сторонѣ* стоитъ *серебряная лѣстница*“, по ней „идетъ *Мать Пресв. Богородица*... своими *ризами* *рану затыкаетъ*“ (Ефим., Матер. по этп. Арх. губ., II, 212, N 67); „*красная дѣвица*“ (или три дѣвицы), в. *Мать Пр. Богор.*, сидитъ на *золотом стулѣ*, пьетъ (на *золотыхъ пальцахъ*) *шелковою ниткою*, *золотою иглою*, *раны зашиваетъ*, *кровь унимаетъ* [Майк. N 139—152; Рыбн. IV, 259; Ефим. I. с. стр. 211—2; Аоан. II. В. I, 223; сюда же лот. заг. Трей-ланд=Бривз., Матер. 143 (270)]. *Затыканье* здѣсь тоже что *замыканье*: „... сидитъ *красная дѣвица* на *золотом стулѣ*... Возьми ты, *красная дѣвица*, в *правую руку* 12 *клю-*

чев и замкни 12 замков, и опусти... в окиян море.... а в водѣ бѣлая рыбица тѣ ключи подхватила“ и пр. (Сак. Ск. Р. н., кн. 2, 18; в той же роли Богородица, Майк., N 216).

Трудно сказать, на сколько первообразен примыкающий сюда мужескій образ небеснаго воротаря. Mr. заговор, записанный в Каневѣ и сообщенный мнѣ В. С. Гнилосыровым, связывает этот образ с вечерними сумерками: „*Od voroiv*. Святій Смеркаче (зіс) божий замикаче! Замикаеш комори, обори, монастирі и костел; замкни моему ворогу N рот“ (ср. Драгом. Mr. н. пред. 38). Очевидна связь этого с латыш. заговором: „Исус идет впереди (v. по дорогѣ), связка ключей в руках. Замкни, Исус, церковныя двери, замкни врагам (завистникам) сердца“, v. „замкни И., злыя рѣчи и разговоры, как церковныя двери“ Трейл.= Бривз., Матер. по этн. лат. пл., 173 (521), 179 (570); ср. ib. 170 (502). Остается вопрос о первенствѣ во времени в этом заговорѣ Иисуса (или Петра?) и безыменнаго замыкача, имѣющаго отношеніе к вечерним сумеркам. Остается также неясным, почему в шалопутской молитвѣ при исходѣ души, по основному мотиву восходящей по самой меньшей мѣрѣ ко времени невольничьих дум, проводник душ (ψυχοπομπός) отождествляется с понедѣльником? Не потому ли, что понедѣльник слѣдует за *dies Solis*, как вечерняя заря за солнцем? „Святій Понедѣлочку, божій (господній) ключнику, Що по морям кладки кладеш, а неволника з неволі визволяєш! Прийми душу р. б. N да понеси на небеса и пр.“ (Драгоманов, Mr. н. пред., 36, 38, 39). „Кладки по морю“ требуют особаго разсмотрѣнія.

г) Вышеупомянутых заговоров от крови, в копях появляются и христіанскія имена, я бы неотдѣлял от ниже слѣдующих латышских, как кажется, вполне объясняемых туземными средствами.

Прежде самих заговоров, приведу слѣдующія справки:

Уже выше упомянут очень распространенный взгляд, что солнце, как бы оно в частности ни представлялось,

вечером опускается в море ¹⁾. Лот. п. говорит: „Кто сказал, кто видал, что бы солнышко (ж. р.) спало ночью? Днем оно *бредет* по зеленой (березовой) рощѣ, ночью по *водѣ моря*“, Бривз. N 86. Дочь солнца тоже *купается* (Спрог. 311—2, N 20; Бривз. N 100). Она, в этой п. названная солнцем, бредет чрез море и тонет, так что всплывает только ея вѣнчик, Спр. 312 (22); Бривз. N 99; Mannhardt, Lettische Sonnenmyth. 79, N 35. Как поясненіе естественности этого образа, устранивающей всякую мысль о заимствованіи, Машигарт приводит из соч. Ширрена „Maunmythus und wandersagen der Neuseländer“ 164: „На Новой Зеландіи заходящее солнце представляется утопающим, выброшенным из лодки. Приставая к берегу спутники солнца бросают в море его головной убор“. Вообще в сказаніях о солнечном богѣ Мауи и сродных с ним часто встрѣчается выбрасыванье за борт красной головной повязки или царскаго вѣнца, при окончаніи плаванья, у порога того свѣта“ Mannh. ib. 296). К этому слѣдует прибавить, что в лот. п. вѣнок дѣвицы, невѣсты—солнечный [Спр., 161, 10; 162, 14; Бривз., N 444 (стр. 99), 459] в силу ея обожествленія, отождествленія с солнцем или солнцевой дочерью. Согласно с этим к этим послѣдним, а не к земной дѣвицѣ относятся лот. п.: „Пѣнься, пѣнься, озеро, красною пѣною: вчера утонула наша сестрица в красном вѣнчикѣ из роз“ (Бривз. N 182); „Теки (v. пѣнься), Двина, красною пѣною: вчера провели (замуж) сиротку в красном вѣнкѣ из роз“ или „этим лѣтом упал в Двину мой красный вѣнок из роз“ (Спр. 13, 5—6; Бривз. N 181). Замѣчу, что рѣшеніе вопроса, как давно извѣстна занесенная к нам не менѣе, чѣм двумя путями роза (гр. троянда, τριαντάφυλλον) и перенесено ея латинское имя на *рожу*, *althea*, *malva* (которой некультивируемые породы на югѣ Россіи, по видимому, тузем-

¹⁾ Между прочим у Ингушей: „днем солнце освѣщает живых, ночью мертвых; при закатѣ оно погружается в море“, Сб. свѣд. о Кавк. горц., VIII, 11.

ны ¹⁾), имѣет значеніе лишь для опредѣленія древности послѣдней формы вышеприведенных и других подобных пѣсень, а не их древности вообще.

Из сказапшаго видно, к какому явленію, как основѣ, мы должны до повых, пока несуществующих изслѣдованій, отнести красную дѣвицу, кровавое море, розы в заговорах от крови и рожн:

От крови. „Красная (по цвѣту, а не красотѣ, „*saḡ-kaṇa*“) дѣвица бредет (v. „3 кр. дѣвицы раздѣвшись до гола“, „5 дѣвиц“, тридевятъ д.) по морю (v. кровавому морю) и перевязывает“ (v. „мѣдная плотина, стальная заставка...“), Бривз., Матер. по этн. лат. пл., 143, N 259, 262—4. „Темно-красная рѣка течет пѣнясь, красная дѣвица бредет по средишѣ, в рукѣ стальная палка. Дошла до берега, плотина перед ней, за плотиной твердо как желѣзо, как сталь“ *ib.* N 266.

„Три красныя дѣвицы запруживают кровь. — Гремит Перкун, бросает молніи и запруживает плотину (v. засовывает заставку) крови“, *ib.* N 258; ср. „красный Нѣмец (v. человек) со стальным креслом“ *ib.* N 261, 265.

От кроваваго поноса у скотины. „Ты, Марія, которая прошла через кровавое море и через девять морей! вытекай так чиста из скотины, как чиста ключевая вода“ *ib.* N 105 и 115. Отождествленіе Маріи и крови такое же как выше зори и размыканья, Маріи и матки.

От крови (обычным латыш. размѣром 2[(4+4)+(4+4)]: „Рѣка крови быстро текла, дѣлая излучины. Побѣжала милая Лайма (добрая доля), остановила рѣку крови“, N 277.

Я думаю, Марія — произошла от солнечной дочери или безыменпной красной дѣвицы и Лаймы, а не на оборот.

От рожн. „Девять роз плавают по морю: 3 черныя, 3 бѣлыя, 3 сѣрыя. Тонут черныя, тонут сѣрыя, а бѣлыя цвѣтут на горѣ (на верху?). Так пусть гибнет (исникает) недуг (соб. недоля, *nelaima*), как потонувшія розы! Так

¹⁾ Серб. *трандовиде* уже не роза, а рожка.

пусть цвѣтет здоровье, как цвѣтут бѣлыя на верху“ ib. стр. 220—1, N 20, 25.

„Женщина сидит на горѣ, девять роз в рукѣ, 6 свѣ-
жых, 3 вялых. Женщина тонет в морѣ вмѣстѣ со всѣми
(розами)“, ib. стр. 131, N 148.

Как необходимо признать производность той формы
заговора от матки (см. выше), по которой „Исус ѣдет по
водѣ и по землѣ, три матки у него в рукѣ“, ib. N 35;
так производна форма заговора от рожи: „Исус (v. три
мужа) бредут по морю, 3 розы (v. рожи) у него в рукѣ:
одна упала, другая пропала, 3-я погибла и пр.“, ib. N 146,
154—5, 166.

Роса (медовая)—коса (дѣвство), дѣвичья краса. В вы-
шеприведенной (стр. 94) бр. пѣснѣ, давшей повод к от-
ступленію о долѣ—зорѣ, зоря отмыкает землю и выпуска-
ет росу медовую, которая отождествляется с дѣвством, с
жизнью у отца, и противопоставляется росѣ ледовой—нена-
вистной жизни у свекора. Ассоціація „роса . . . краса“ мо-
гла возникнуть из того, что заря—красная дѣвица, ключ-
ница. В этом могло участвовать и представленіе свѣта зо-
ри косою. Ср. в мр. свад. п.:

Ой тепер же-сь нам, молода Настуню

Ой тепер же-сь нам мила:

Росою косою, румяним лпчком

Світлоньку розсвітла, Гол. IV, 211.

Как есть загадка о солнцѣ „барыня на дворѣ, а рукава
в избѣ“ (Худяк. в Этв. сб. VI, 111) и о ключѣ, лот. „кто
первый входит в церковь?“ и „дѣвица (невѣста) в клѣти,
косы на дворѣ“ (Bielenstein, 1000 Lett. räthsel, 29); так
могла существовать загадка о зорѣ: „красная дѣвица си-
дит в темницѣ, коса наружѣ (на верху, на улицѣ), Худяк.
I. с. 81, „дівка в коморі, коси на дворі“, Ном. 296, хо-
тя теперь эта загадка примѣняется к моркови в землѣ.—
Каково бы однако ни было происхожденіе упомянутой ас-
соціаціи, поддерживается она таким tertium comparatio-

nis: как „русая коса, дівоцькая краса“ (Zienkiew., Piosen. l. Pińskiego, 54—6, et caet.), так лїтняя роса недолговѣчны. Солнце скрадывает утренняя росу (см. выше), вѣтер ее развѣвает. Отсюда в лот. заговорѣ: „пусть выйдет болѣзнь из тѣла этого человѣка, как мгла (исчезает) в лѣтнее утро, как утрення роса в теплый день, как тѣнь при солнечном свѣтѣ“ (Трейл., Матер., 123, N 83). В мр. п. с росой на том же основаніи сравнивается „пригода“ (несчастье), „жаль“, „худоба“¹⁾, гнѣв отца на незамужнюю дочь, тогда как гнѣв мужа (п свекра)—мороз:

Ой небійся батенька свого.

Ой бійся мене та й молодого:

Батенька гроза—як лїтняя роса,

Моя гроза—гірш лютого мороза

[Wasł. z Ol. 2; Гол. IV, 221. Противоположеніе здѣсь болѣе точно, чѣм кажется: лїтняя роса противопоставляется,

¹⁾ Моя пригодонька, моя пригодонька,

Так як лїтня роса:

Як вітер повіе, а сонце пригріє

Спаде вона вся,

Гол. III, 298; I, 250; Метл. 42—3.

Жалі ж мої, жалі! то-сьте ми на зраді,

Як дрібна росонька на зеленій траві.

Як вітер повіе, та й росоньку звіс;

Вже-ж мое серденько з жалю неотіє,

(Гол. III, 194. неотіє? М. б. неоще=неошає. Ср. ц.-сл. *ошати*, -сѣ, *removere*, *abstinere*).

Невеличка поляночка, мало на ній сіна;

Я си таке дівча вибрав, що немає віна.

... Худобиці (=я) як росиці (=я): буде, таї небуде;

Коли мені буде мило вийти межп люде

(Гол. IV, 451),

а в случаѣ женидбы на богатой не по сердцу:

Худобиця—як росиця: ци буде, небуде?

Ні с кім вийти погуляти межп чужі люде

(Гол. II, 441; Щастн. Соломон Коломыйки, 45; на ту же тему „не с богатством житъ, с человѣком“, вр. Этн. сб., II, 39; Коханов., Остатки бояр. пѣсень, Р. Бес. 1861, II, 112).

как выше в бр. пѣснѣ, зимней, ледовой, т. е. инею, ожеледи, ибо таково болѣе древнее значеніе слова *мороз* (см. мое соч. К исторіи зв., III, 7), отчасти сохранившееся в серб. („*маде* му мраз на образ“ застидје се) и хорут. В врѣстностях есть мнѣніе, что иней—это „самая лютость и есть“, согласно с тѣм у Даля *лють*—блестка, искра инея, летающая по воздуху в солнечный мороз].

Таким же образом (т. е. росой) представляется в свад. п. („як од вінця йдуть“) распушенная перед вѣнчаньем коса молодой:

Невій, вітре, дібровою,	<i>Як літнюю росу</i>
Повій, вітре, дорогою	По червоному поясочку,
За нашою молодою,	По одному волосочку

Розмай її косу,

[Метл. 169; тоже сравненіе в сжатом видѣ — „розвій її косу росу по червонім поясу“ (Гол. II, 660; Чуб. IV, 137) дает повод принимать *росу* за прилагательное (=русу), откуда выраженія: „косу росу чесала“, Гол. II, 635; „росу косу чесала“, ib. IV, 213; „мені серденько мліє По моєй росі косі По моєй слічної красі“, ib. IV, 213; „Іно мені жаль росої коси И дівоцької краси“, Чуб. IV, 117. Крімъ этихъ случаев, форма *рос* в значеніи *рус*, *fluvius ruscus*, итал. *rosso*, извѣстная в хорутанском, ни в русском, ни в серб. и болг., сколько извѣстно, не встрѣчается].

Согласно с этим *молодой*=*вѣтер* (см. выше стр. 54—5) = „розмай-коса“:

Моя матюнка рідна,	Чи стучить дороженька,
Вийди на дорогу,	Чи їде розмай-коса,
Послухай на дуброву:	Чи спала з личенька краса . . .
Чи шумить дубровонька ¹⁾ ,	. . . Як з калиноньки роса?

Чуб. IV, 291.

Та же рима, основанная на соотвѣтствіи смысла слов, примѣняется и к молодому:

¹⁾ Тут жених—„нелюб“, ибо в (веснянкѣ)

Куди нелюб поїхав . . .

. . . Туди трава полягла

У діброва загула. (Веснянка)

Стоїть Івашко как сонце,
Коничок припав росю,
Сам він молодий красою,

Чуб. IV, 323; ср. ib. 414.

Отлично от этого, *мед*, *медвяная роса* („киша паде, медна роса у полу“, Кар. Пјес. I, 153), как член ассоціаціи „роса . . . краса“, остается вполне архаичным, неподдерживается, по видимому, никакими позднѣйшими примѣненіями и соображеніями. Как на археологическую справку можно указать, что древне-индійскія божества связанные с ранним утром, „приводящіе день“ „медвяные“ Асвины „источают медвяную рѣку“ (которая называется между прочим „*расâ*“ = слав. роса), „орошают медвяным маслом поле“, „окропляют (людей) бичем“ который „каплет медом“ и приносит людям всякія блага, на своей колесницѣ „везут мед в медо-обильном мѣхѣ“ (Вс. Миллер, Оч. аріій. міа., 120—2).

Если, наконец, обратим вниманіе, что *весна*, кромѣ сродства по корню с названіями утренней зари (скр. *ушас*, *ушâ*, лит. *auszra*, лат. *aurora*) отождествляется с зарею [лит. *rawasaris iszausztâ*, весна (как „утро года“) разсвѣтает

серб. Бога моли Вишки ђу Јоване

Да му рано сване премалеће,

У пролеће весел данак ђурђеу,

Чуб. Чојк. Пѣв. 64];

то получим ряд: „весна (заря), краса, роса, мед“ вполне заключающийся в слѣд. веснянкѣ (гаївка):

А. Ранняя (ч. А вже) весна воскресла.

„Що же-сь нам принесла?“

—Принесла бо я росу ¹⁾

(I) Паняньскую красу.—

Паняньская краса

Як на весні роса:

В меду ся купала,

В вині випливала . . .

...Ранняя весна вскресла.

„Що же-сь нам принесла?“

— Принесла бо я росу ¹⁾

Парубоцькую красу.—

Парубацькая краса

В мазі ся купала

В дѣгти випликала...

(Гол. II, 177—8; другія и с подобным началом—ib. 677; Чуб. III, 109, 160; Крачковскій, Быт западно-русс. селян, 88 в Чт. О. И. и Др., 1873, IV).

Из дальнѣйшихъ стиховъ видно, что краса представляетъ какимъ то платьемъ, которое моютъ (парубоцькое—в смолѣ и дѣгтю, дѣвичье в пивѣ винѣ), вѣшаютъ сушиться, качаютъ, складываютъ в скрини.

Противоположеніе меду и дѣгтю соотвѣтствуетъ двумъ вортамъ нѣмец. сказки (Grimm, Märch. I, N 24): когда дѣвица (=сирота, дѣдова дочка соотвѣтствующихъ русс. сказокъ) проходитъ в одни изъ нихъ, ее орошаетъ золотой дождь; когда другая (=бабина дочка) проходитъ в другія, ее обдаётъ смолою.

Противоположеніемъ „дівоцької“ и „парубоцької“ (за тѣмъ „бабеської“) красы разсматриваемая пѣсня примыкаетъ къ другимъ многочисленнымъ веснянкамъ, основное содержаніе коихъ—вражда (война, насмѣшки) дѣвицъ и паробковъ. Черта эта, в этихъ пѣсняхъ варьиремая на разные лады, кажется глубоко древнею. Б. м. она послужила поводомъ къ разсказу Козьмы Пращскаго о войнѣ чешскихъ амазонокъ съ мужчинами, окончившейся бракомъ ³⁾.

¹⁾ Ст. 3-ій поправленъ мною, вм. „принесла я вамъ красу“ или явно испорченнаго „Принесла бо я вамъ“.

²⁾ Ср. овеществленіе любви (родственной):

Осиротѣлая дочь вопитъ:

Ужъ я стану пскать, бѣднушка,

Какъ желаньца во дядюшкѣ; (но)

У желаннаго у дядюшки

Поверхъ платьца желаньце:

Какъ шинь (=скоро) платьце прскинули,

Все желаньце откпнули. Барс. Прич. I 50.

³⁾ Одна изъ варьяцій на эту тему — „что будутъ ѣсть дѣв-“

Б. Другая семья вариантов отличается от А. чертою: строится терем (город) или замыкается замо́к, чтобы сокол (или другая птица) не вынес „дівоцької краси“.

- а) Дівки молодиці терем будовали,
Терем будовали, вікна нерубали
(v. віконця вставляли),
Ой щоб невилітав сивий соколонько,
Ой щоб невиносив дівоцької краси;
Бо дівоцька краса—як літняя роса,
В меду ся купала, в меду вигравала.
На парубочках краса—як зімняя роса:
В смолі ся купала, в дёгті вигравала.
(Чуб. III, 33—4; ср. Гол. IV, 164).
- б) Пан Коколенскій (?) по городу ходит
По городу ходит, челядоньку будит...
...Город городити, тернянком тернити,
Щоби незлетіла сива зозуленька,
Щоби несофатила панянской краси,
Бо панянка краса у меду мочена...

ки, паробки, молодцы“ повторяется в пѣснях: серб. (Кар. Пјес. I, 487), мр. и болг. Последнія двѣ, недающія основанія предполагать заимствование с которой нибудь стороны, сложены тѣм же размѣром (4+3), который мы видѣли выше в „сѣяньи проса“ и других веснянках. Ср. мр.

... Пішли дівки на войну... А жіночки горілку,
... (Ой) пьють дівки мед-вино, А парубки помийки
(Чуб. III, 85; ср. Гол. II, 681).

и болг.:

Пиле лѣта по море	Сос прво накачено.
На моми-те кажува,	8=1, 9. На момчета кажува
Да невезѣт неделя,	Да неорат неделя.
Че ке болне полежат.	11=4, 12=5,
Та што ке им понуда?	Рудо ягне печено,
Црно куче печено	Ройно вино точено.

Верковић, Н. п. Мак. Буг., 116.

Если бы это пѣли дѣвпцы, как в предыдущей п. того же размѣра *ibid.*, то было бы на оборот: им ягня, а парубкам червяное щеня.

Пав Конкол. и пр.

Парубоцька краса в помях мочена...

(Гол., II, 180—1).

- в) „Чом ти, жавороньку (нь?) рано з вир'я влітав?
„Ище по гороньках сніженьки лежали,
„Ой ще по долинах криженьки стояли“.
—Ой коли пора прийшла, неволенька вийшла,
Ой я тиї криженьки крильцями розжену,
Ой я тиї сніженьки ніжками потопчу.

Загорожу річку тай на поставничку ¹⁾

Щоб невилітали пташата чирята,

сиві голуб'ята,

Щоб невиносили молодецької краси.

Молодецька краса—хустонька в пояса...

...Загорожу и пр.

Дивоцькая краса—коса до пояса, Чуб. III, 110.

Ст. 1—6 составляют зап'яв, об отношеніи коего к выходу
замуж—см. ниже.

- г) Молодая ключница по замках ходила,
Молодого сторожа за руку водпла.
„Стороже, жарты (?) замкни в чотирі замки,
Щоби незалітав сивий соколенько
Щоби невиносив паненьської краси.
Панська краса, як на барвінку роса...
В сирватці мочена...

Молодая ключница и пр.

Парубоцька краса, як на смітью роса...

(Гол. II, 681).

Разм'яр 3-го ст. испорчен. Б. м.

„Стороже, замкни жарты у чотирі замки,
„Щоби невилітав и пр., т. е. „нежартуй“, что-
бы сокол неунес д'ївства?

Если бы нашелся вариант, подтверждающий за'сь сло-
во *жарты*, то можно бы сравнить в вышеприведен-

¹⁾ ? пастовничку?

ных вар. (Гол. I., 181; IV, 164) и в самой этой то, что „дівоцькая краса“, как платье „до скрині схована, ключиком замикаєна“, или „у скриню зложена колодков замкєна“ ¹⁾). Однако я скорѣе готов думать что здѣсь—искаженіе, внесенное даже не пѣвцом и записывателем, а переписчиком, и что вм. „замкни жарты“ слѣдует „замкни замки у чотирі замкї“, а вм. этого, во избѣжаніе тождезвучія— „замкни *варты*“ (нѣм. warte, сторожевая башня).

¹⁾ Ср. также овеществленіе *пѣсни*:

Весн.

Співали дівочки, співали,	Да й скинули пісьні до долу;
В решето пісьни складали,	Час вам дівочки до дому,
Да й поставили на вербі	А ти, Галочко, зостанься,
Де ся взялися горобї,	Да з Ивасем звінчайся,
	Метл. 302; Чуб. III, 181.

С этим ср. в лот. „корзина полная пѣсень“ (Бривз. в Сб. Дашк. N 25, 31), которую дѣвѣца выйдя замуж, опрокидывает; дѣвѣца наматывает клубок пѣсень, выйдя замуж разматывает (ib. N 29); три скрип пѣсень (ib. N 24); „Я (выходя замуж) скатила скриню (пуру) пѣсень с горы в долину. Будет мнѣ счастье в жизни (за мужем) вскачу их опять на гору“ ib. N 36. И в Калеваль: смотать пѣсни в клубок и спрятать их в мѣдный ящик, или замкнуть их костяным замком зубов.

По поводу слѣдующаго превращенія пѣсень — соколов в цвѣты

Доків була я в мамочки, куда йшла, співала,
А як пішла від мамочки, всі позабувала.
Співаночки-соколки! де я вас подіну?
А в городі на зілечку, там я вас посію.
Ой мут туда вівчерки свої вівці пасти,
Мут зілечко изривати, за капелюх класти

(Гол. I, 222; ср. ib. 230)

припоминается индійскій миф: Боги посылают метры (размѣры гимнов Вед) на тот свѣтъ за царем Сомою (олицетв. амр'та, амвросіи, напитка безсмертія). Метры для этого превращаются в птиц. Двѣ устают на пути; трегья, размѣр гаятри (по сходному мифу—сокол) когтями и клювом схватывает Сому и уносит. Сторож Сомы, Крѣсану, пускает в слѣд стрѣлу и отбивает у гаятри коготь или крыло. Упавши на землю, коготь превращается в терновник, крыло (парца) в дерево парца с красными цвѣтами и красным соком (Kuhn, Die Herabkunft des Fe-

Произвольно ли будет, если существенное в этих пѣснях передать так: лѣтняя=медовая роса=дѣвичья краса представляется в теремѣ, городѣ, замкѣ, огороженною, обтерненной (как двор невѣсты в коляд.; в этом смыслѣ слѣдует понимать колядку у Чуб. III 357); похищеніе ее соколом представлено нежелательным, как и в других веснянках выход замуж. Но рано или поздно это похищеніе (бракъ, выход замуж) совершается. На необходимость его намекает запѣвъ варіанта в) смысл коего объясняется слѣдующими свадебными п.:

Зажурплась перепелочка:

„Бідна моя та головочка,

„Що я рано та з вирѣя вийшла ¹⁾:

„Нігде мені (та) гнізда звити,

„Нігде мені діток наплодити;

„Що по горах сніги лежать,

„По долинах води біжать“.

Озоветься соловеечко:

„Нежурися, перепелочко:

„Есть у мене три сади зелені:

„Що в першому та гніздо зовѣм,

„А в другому діток наведем,

„А в третєму діток погодуєм.“

Метл. 211—2=Чуб. IV 387.

В вар. у Чуб. IV, 177, утѣшает сокол:

„Ой є в полі да три тополі“ и пр.

2-я параллельная с 1-ю половина объясняет: перепелка=молода N, з вирѣя=замуж, сокол=молодой N, три тополі=(увы!) три нагайки.

Видоизмѣненіе того же образа:

„Зажуриться соколонько и пр.

с глубочайшим поэтическим чувством примѣнено к ранней,

перс., 147—8). Я думаю, что и *кѣсану* находит соотвѣтствіе в русс. *корочюи*. Но и помимо этого, случайное ли это сходство? Или никакого сходства нѣтъ?

¹⁾ 2-е полустишіе мною поправлено, вм. „із вирію вилетіла“.

невольной и вѣчной розлукѣ сына—козака с родительским домом, в пѣснѣ болѣе извѣстной с другим началом: „гомін, гомін“ (мое соч. О мнѣ. зн. и пр. 100, гдѣ послѣ „козаки йдуть“ слѣдует „туман поле покриває“; Укр. пієні, вид. Балліної, 45; Чуб. V, 937, 952—3, 890; Zienkiewicz, P. l. Pińsk., 218—20.

Приведу здѣсь лишь немногое из многочисленных пѣсенных подтвержденій того, что сокол, птица—жених. Сокол (жених) перелетает через неприступную ограду сада невѣсты (Гол. IV, 303; ib. 298; Kolberg, Lud I, 64; Kozłowski, Lud, 38—9); он ломает сад у невѣсты (колядка у Чуб. III, 280) ¹⁾. Вм. сада—изба („бьется сокол в избу летуци“ когда жених входит в сѣни, Шейн, Р. н. п., 543), гора и серб. гора (лѣс):

Для (возлѣ) сватняго двора

Да высокая гора:

Ні узыйші, ні узъехаць,

Сакалом неузлещець.

Што даці, то даці,

Тую гару раскапаші...

...Сакалом узлещець

(А Яначку узъехаць), Этн. сб. III, 249.

Серб. сватовска:

Дивна ли је гора брштанова

¹⁾ На случай желанія объяснить рассматриваемое из христіанской мнѣологии, привожу, как вар., щедровку:

Ой там на горі, Ш. в. на в. в.

Там Марія сад садила

А садивши та зивляла:

Рости саде повище мене!

С того саду видетів сокіл

Та й полетів помід небеса.

Усі небеса растворилися

Усі святі поклонилися.

(Ольшана. Богод. у.; сообщ. И. И. Манжура).

2 послѣдніе стиха дѣйствительно принадлежат одному из христіанских семейств колядок.

Мирисом је село подичила
А висином поле окитила.
А соко је прелећет неможе,
А данас је свати преиграше,

Кар., П. из Херц., 298.

Ассоціація „сокол, небо, брак“, мифологическая по происхождению, б. м. лежит в основаніи пѣсеннаго сравненія:

Ой високо соколові до неба літати;

Ой далеко козакові до осени ждати, Метл. 7, 8,
гдѣ „до осени“—до сватанья.

Обычная в свад. и других пѣснях пара сокола есть галка, к которой в весенней хороводной пѣснѣ дѣвицы обращаются с какою-то просьбой:

Ой галко, галко,

Золотая клюшнице!

Стань же пам на (=до) помочи

З молодими молодицями,

З красными дівчатами,

Терещ. IV, 315; Чуб. III, 72.

Болѣе опредѣленно в бр. п. (Аѳ., П. В., II, 405 со ссылкой: Цебриков, 271, 288):

Благаславѣ, Боже,

Весну клікаць,

Зіму праважаць

Лета дажыдаць!

Вылеці, сізая галачка,

Вынесі залаты ключи,

Замкні халодную зіманьку,

Атамкні цѣплое лещечко!

С этим сходится мр. повѣрье, что ключи от ирья были когда то у воропы, а теперь у soi (Кул., З. о Ю. Р., II, 36) ¹⁾.

¹⁾ Нельзя до подтвержденія другими варіантами считать достовѣрным заговора от волков, записаннаго А. Шпшацким—Илличем, с пменем коего напечатаны нѣкоторыя явныя поддѣлки (на пр. Метл. 373): (послѣ упоминанія Бога и Святых)

Существованіе версії: „сокол выносит, росу — мед, красу“ подтверждается Волын. варіантом, пошедшим в сочетаніе с пѣснею „Воротарь“, б. м. не без смутной мысли о сходствѣ значенія с этою послѣднею:

Тече муравель (bis) горами та долинами.

А що ж він виносить? Парубоцьку красу,

Парубоцька краса в смолі потопає,

В огні погорає . . .

. . . А дівочька краса в огні виграває,

А в меду поплаває.

(Ант. и Драг. Ист. п., I, 329).

Это напрашивается на сравненіе с индоевропейским мифом, разсмотрѣнным в знаменитом соч. Куна „Die herabkunft des Feuers und des Göttertranks“, Berl. 1859. Девы, свѣтлые боги, были во враждѣ с Асурами, богами тьмы. У одного из Асуров, Сусны, находился тогда напиток безсмертія (амрта=αμβροσία, тоже что *сѡма*, живая, цѣлющая вода). Девы умирали. Для спасенія их Индра, а по нѣкоторым гимнам Риг-веды другое лицо, для Индры, похищает этот напиток (I. с. 144—6). Этому соотвѣтствует похищеніе Зевсом в видѣ орла — Ганимеда, выпотерпія богов (ib. 176). По скандинавскому мифу, чудесный мед, напиток, сообщавшій мудрость и поэтическое вдохновеніе, достался Суттунгу, одному из великанов, враждовавших со свѣтлыми богами Асами. Суттунг помѣстил его в горѣ и отдал под охрану своей дочери, Гуннлед. Один буравом просверлил эту гору, змѣю прополз в отверстіе („муравель“ мр. пѣсня?), провел с Гуинледою три ночи, за что она „на золотом креслѣ“ подарила ему глоток (v. 3 глотка) драгоцѣннаго меду“. Один в 3 глотка вобрал в себя

„и тебе прошу краснее солнце, и тебе прошу, ясный місяць, и вас прошу, зорі зорениці, Божіі помішниці, и тебе прошу чорна малочко, и одверни злих собак од мого скота; и тебе прошу царя Давида и кротости твоеї: *стань ти мені в поміщи*“, Ефим., Мр. закл., N 155 (Чт. в О. И. и Др., 1874, I); ср. ib. N 75.

весь мед и, улетѣвъ орлом, спасся от погони Суттунга и принес мед Асам“ (ib. 148 сл.; Simmrock Edda III, 330).

На основаніи вышеизложенных славянских данных можно думать, что первоначально здѣсь рѣчь не о дождѣ и грозѣ (Kuhn I. с. 151), а об утренней медвяной росѣ, при чем хранительница меду, дѣвица—ключница была бы зоря.

В. Третій вар. вводит *Урая*, под которым слѣдует разумѣть весенняго святого Юрья (Безе., Бр. п., N 32—4; Шейп, Бр. п., 89, 95 и пр.; Зап. Г. О. по эти., V, 83; Ао. П. В., II, 402 сл.):

Та Урай матку клпче:

„Подай. матко, ключа одімкути небо,

Випустити росу, дівоцькую красу,

Та дівоцькая краса—як літняя роса

У меду потопає, в вині виринає.

Та Урай и пр. . . парубоцькую красу

Парубоцькая краса, як зімія роса

В смолі потопає, в дѣгтю виринає,

Чуб. III, 30—1.

По бр. волочобным и весенним пѣсням Св. Юрій „Боски ключник“, „Божій пасол“, берет ключи (у Бога, у своей матери) „залащенькіє“, „отмыкает“ землю и выпускает росу. Что выпускает ее именно он, достаточно объясняется популярностью его и временем празднованья (23 Апр.). По второй из этих причин Св. Марко (Евангелист, 25 Апр.) тоже пазывается ключником, владѣет ключами от дождей, почему ему молятся, чтобы незапирал дождей (Чуб. III, 32).

Проф. Кирпичников думает, что ключи здѣсь—„реторпическій мпо ¹⁾“; в таком же смыслѣ рыболовы молят в заговорах ангелов отомкнуть золотыми ключами море (Ао. П. В. II, 411); Иван креститель замыкает в заговорѣ кровь ключем Божиим (ib. 406) и т. д. Кромѣ того ключи, в болѣшей мѣрѣ, нежели простой кусок желѣза,—символ высшей культуры и потому имѣет силу разрушать чары. Ключи были у Озириса и у Мптры, но недумаю, чтобы ключи

¹⁾ Понятіе для меня неясное.

Егорья слѣдовало вести так далеко; ближе к дѣлу церковно-художественное преданіе об апостолѣ Петрѣ, ключникѣ рая (в Ворон. губ. Пляды — *Петровы ключи*, Ае. П. В. II, 404). Как тѣсно соединяется народное представленіе с церковным преданіем, показывает бр. юрьевская п. в которой мать приглашает Юрья отдать ключи Петру „зямлю одомкнуші, траву выпусциші (Бес. 1872, IV, 262; Безс. Бр. п. 22)“, (Св. Георгій и Егорій Храбр., 146—7).

Вопрос, конечно, состоит здѣсь не в том, отвергать ли вліяніе церковнаго преданія, или нѣтъ. Это вліяніе признавалось мнѣологами всегда, начиная с Гримма и Вольфа. Подобным образом вряд ли кто либо из этимологов, заслуживающих вниманія, думает, что словарный состав любого европейскаго языка и даже любого из существующих языков может быть выведен из одних туземных и унаслѣдованных по прямой линіи элементов. К какой бы сторонѣ языка и вѣрованій, да и вообще народной жизни, ни направились бы историческое изслѣдованіе, оно натолкнется на вопрос о степени устойчивости преданія, о силѣ того, что с одной точки представляется инерціей, а с другой — жизненностью, способностью народнаго или племеннаго организма уступать виѣшнему вліянію не иначе, как превращая его и ассимилируя при помощи прежедепознаннаго. Чтѣ виѣшнее, чтѣ внутреннее; гдѣ сила, гдѣ уступчивость; становится ли изслѣдователь на сторону вѣтра, или же на сторону лоз, которыя он клонит: это зависит частью от видимаго свойства данных, которыми человек располагает, частью от болѣе глубоких и труднѣе разложимых пристрастій и отвращеній, навязываемых впечатлѣніями всей жизни, принадлежностью к извѣстному народу, литературному и учоному направленію и пр.

В частности вопрос не в том, знает ли русское простонародное преданіе о Петровых ключах от царствія небеснаго, ибо очевидно, что знает и пользуется (ср. на пр. Ае. П. В. II, 408, 411, 412); а в том, удобно ли этими ключами одними или с прибавкою ключей Богородицы объяснять всѣ прочіе ключи народнаго преданія, как ключи

зари, звѣзд, галки и сои (см. выше), или нѣмец. названіе раст. *primula veris: schüsselblume, himmelsschlüssel, Frauenschlüssel* (Аѳ. П. В. II, 411), которому, судя по названію, приписывается отпиранье неба для весны, так в мр. пѣснѣ соловью приписывается разсвѣтъ (Мр. п. по сп. XVI в., 35). Мнѣ кажется, что такая прямолпнейность объясненія столь же мало вынуждена свойствомъ данныхъ как и противоположная, которая состояла бы в признаціи устойчивости лишь за однимъ туземно-языческимъ преданіемъ. Ни примѣненіе замыканья и отмыканья к явленіямъ природы (как разсвѣтъ и сумерки, зима и весна) ¹⁾, ни сами по себѣ отмыканье и замыканье, ключ и замок не составляютъ принадлежности такой высокой степени культуры, какая не могла бы быть приписана праславянскимъ и даже дославянскимъ временамъ ²⁾.

То, что в мр. и бр. п. мать передаст Юрью ключи, сходно: а) с тѣмъ, что, как мы выше видѣли, зоря теряетъ ключи, которые достаются слѣдующему за нею солнцу; б) с чертою чешско морав. пѣсець при выносі смерти и при-

¹⁾ „Благославп, Божія (?) маці, веспу гукаці,
Зіму замыкаці, лѣто адмыкаці.

(Зап. Г. Об. по Этногр., V, 80).

²⁾ Рѣчь не о позднѣйшихъ формахъ замка и ключа (на пр. в вр. былпнахъ „замки нѣмецкіе“) а о ихъ первообразахъ. Первообразъ замка есть засов. *Мѣк-* (куда—*мыкаться*, соваться туда и сюда, п. *wutknąć się* легко и быстро высунуться; *wutknęło się słowo*=*ἐφύγεν ὁ λόγος το ἔρως οὐδύντων*; вр. *мичать*) предполагаетъ *му-к-*, которое находимъ в дот. *tuk-t* (и *mûkt*), выскальзывать, поль. *zmykać, umykać*; сюда же дот. *mîkēt*, отмычкою отпираеть замок, и лпт. *maukti*, дот. *maukt*, *streifen* и пр., родственное, но не тождественное с *мыкать* (К ист. зв. III, 63). *Му-к-* предполагаетъ -*му* или -*мау* (=moveo) оставившее явные слѣды в славянолитов., греч, лат., скр. (Р. Ф. Вѣст., 1881, I, 124—5). *Ключь*, слово родств. с *clavis, clavus*, κλεις, κλάξ до нынѣ сохраняетъ мѣстами значеніе *uncus* и в частности простѣйшаго, вовсе не непременно желѣзнаго снаряда для отпиранья снаружи внутренняго, до нынѣ нерѣдко деревянаго засова. По формѣ такого ключа названъ *ключь журавлей*.

носѣ мая, лѣта, на 5-й недѣлѣ в. поста (Sušil, Mor. n. p., 768—73; Erben, Prostonár. čes. p., 57—9). В них „smrtná neděla“ (v. smrtolenka, smrtnička, Mořena) передает ключи Св. Юрью, Св. Ивану, которые отпирают небесные двери. Или же „smrtná neděla“ передает ключи „květné neděli“, эта понедѣльницу, этот зеленому четвергу, который уже — Юрью, который отмыкает землю, чтобы росла трава. Это сходно с мотивом бр. волочобной п., в которой праздники (=святочки, святые) перед престолом Божиим „шикуютца-рахуютца, каторому святу напярод пайці“ и идут в календарном порядкѣ от Рождества до Юрья и дальше (Зап. Г. Об. по Этн., V, 82, 378—9).

В названных чешско-морав. п. упоминаются и sv. Markyta (Маргарита), Kateřina, Maria.

Обыкновенно такое смѣшеніе христіанскаго и по видимому, языческаго (о топлениі чучел Dzievannaie et Margannaie у Поляков говорит Длугош, XV в.) понимается как наслоеніе христіанскихъ именъ и чертъ на языческія повѣрья и обряды. Для повѣрки во всякомъ случаѣ полезно спросить, что выйдетъ, если принять за первое—явно христіанское, а за второе — то что считалось ископно-туземнымъ. Такую попытку дѣлаетъ акад. А. Н. Веселовскій (Разысканія в области духовныхъ стиховъ, II. Св. Георгій в легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ. Зап. Имп. Ак. Н., т. XXXVII). Отсылая читателя къ этому сочиненію, особенно къ стр. 85 сл., 92—104, я готовъ думать, что онъ вынесетъ большую чѣмъ я вѣрю в возможность того, что Марена, Marzena, Marzana (Murěna, Mamurěna, Sb. Mat. Slov., I, 186) mór (Roger, P. l. pol. w Gór. Szlasku, 205) славянскаго весенняго обряда „восходятъ“ къ св. Маргаритѣ—Маринѣ (Маранѣ) (l. c. 100), такъ или иначе, вообще слабо связанной съ Юрьемъ. Относительно зори в разсматриваемыхъ здѣсь сочетаніяхъ мнѣніе акад. Веселовскаго таково: „Покровительницею родовъ является св. Маргарита, в Греціи Марина... В одной кипрской колыбельной пѣснѣ св. Марину призываютъ уложить ребенка... другая пѣсенка обращается съ такою же молитвой къ Ἀγία Μαρτίνα καὶ Κόρα

(м. б. хор(а=Марія). Русскіе заговоры при родах призывают главным образом Богородицу, при чем знаменательным является образ ключей, отмыканья, но . . . всплывает, хотя в искаженных формах, имя Марины . . . : „Заря Дарья, заря Марья, заря Катерина, заря Маремьяна (т. е. въ-роятно Марина) . . . *Слѣдует* полагать, что эпитет „заря“ не что иное, как народное приуроченіе какого нибудь другого, м. б. ненародного и полупонятаго (хорѣ?)“ (I. с. 101). Слѣдует ли? Приуроченіе к чему?

4. Мосты.

Мр. веселій хоровод „мосты“ состоит в слѣдующем. Нѣсколько дѣвиц, взявшись за руки, становятся в ряд (А). Против них особо — двѣ (Б). Кланяясь одинъ другимъ поютъ поочередно. Начинаютъ Б, а А отвѣчают.

Б. Царівно, мостіте мости,
Ладо мое, мостіте мости!

А. Царенку, вже й помостили,
Ладо мос, вже й помостили,

и т. д. с такими же повтореніями: Б. „Ми ваші гості“. А. За чим ви гості? Б. За дівчиною. А. За которою? Б. За старшенькою. А. Старшенька крива. Б. Так ми підемо. А. Так вернітеся.

Тоже поется во 2-й раз с измѣненіем: Б. За підстаршою. А. підстарша сліпа.

В 3-й раз: Б. За меньшенькою. А. Так незряжеша. Б. Так ми й зрядимо. А. Вже ж ми й зрядили. Б. Так ми й візьмемо.

При послѣднемъ стихѣ Б дѣлаютъ из рукъ ворота, под которыми пробѣгаютъ А, оставляя послѣднюю дѣвицу при парѣ Б (Черноморія. Чуб. III, 83—4).

По припѣву „ладо мое“ и содержанію, эта игра — того же разряда, что „просо“ и др. разсмотрѣнныя выше. Она изображаетъ сватовство и брак. Слова пѣсни несогла-

спы с дѣйствіями, ибо в пѣснѣ мостят мосты отдающіе дѣвицу (А), так что идти по ним (=проходить в ворота) должны берущіе (Б.).

К размѣру этой пѣсни $[(3+5)+(4+5)]$ ближе всего из сходных по содержанію подходит слѣдующая, с размѣром первых двух стихов $=3+3+5$:

а. Б. Пустіте, пустіте *на вой воювать!*

А. Непустимо, непустимо мости поламать

Б. А ми мости помостимо

По пуд гряззю положимо

Та й підем гулять

(Чуб. III, 42—3. Так начинается впрочем отличная по содержанію вр. хороводная:

Кто со мной (2) на вой воевать идет, кто со мной?)

β. Б. Пустіте нас (2) *сей світ воювати!*

А. Непустимо (2) мости поломати,

Б. А ми, як схочемо, мости поломимо

Та всі гроши заберемо,

Та поїдемо геть преч, геть преч,

Гол. II, 191.

γ. Б. Впустіте нас (2) *до райської землі!*

А. Невпустимо (2), мости поломите.

Б. Заплетемо (2) дрібненькими грішми (?)

А. А ми того нехочемо, бо свої маємо.

(Галагівка, Гаївка. Зоря Гал. 1860, 513).

Вар. γ м. б. намекает на мифическое основаніе игры (стр. 58); α и β представляют сторону Б (поѣзд жениха) войском, что ведет к сравненію со слѣдующим:

Камен мосте, нецибајсе,

Е пр'о ¹⁾ тебе војска иде:

Млади момци неженени.

Жените их, недржете их,

¹⁾ Е=что, пбо; пр'о=преко, через.

Да их брци ¹⁾ непреваре ²⁾

А ђевојке незабавс ³⁾.

Кажется относительно-позднѣйшей разработкой мотива то, что во 2-й строфѣ этой пѣсни по мосту идет войско дѣвщ, в 3-й войско молодых вдов (Кар. П. из Херц. 263—4). Впрочем во всѣх случаях переход по мосту имѣет отношеніе к браку, как и в ю.-русс. свадебной (когда жених ѣдет к невѣстѣ):

Гніся—погніся, свидовы ⁴⁾ мосте,
Гніся—погніся, да неполамліся,
Бо сюдею схаті славному паняті,
Славному паняті, молодому Януську.
А кто зачує, то позавідус ⁵⁾:

Бог тому дає, чий то сын еде,
А поліпше тому, кому зятем буде.

(Zienkiewicz, P. 1. Pińsk., 90) ⁶⁾.

Мост гнется от тяжести, т. е. многочисленности поѣзда, и в этом слава. Ср. лот.: „мѣдный мост гнулсѣ, когда я шла в чужи люди: гнали коров, везли скриню, ѣхало верхом девять братцев“ (Бривземн. в Сб. Дашк., II, 112, N 519; ср. Фортунатов и Милл., Лот. н. п., 54, 46) и мр. свад. Будемо їхать бором зеленим,

Бором зеленим, мостом камъяним:

Бор буде шуміти, а камень звеніти,

Да зачують люди, нам слава буде. (Метл. 181).

Если, как в приведенной ю.-русс. пѣснѣ, мосту слѣдует гнуться, потому что по нем поѣдет N (жених), то ему негнуться, есля N непоѣдет. Отсюда сопоставленіе в болг. п.:

¹⁾ Усы.

²⁾ Преварити упредить, неожиданно застать.

³⁾ Забавити, найти недостаток, о дѣвицѣ: отказать („тѣ-бе ђе ми забавит дјевојка“).

⁴⁾ Свидина, cognus sanguinea; ср. калиновый мост.

⁵⁾ Ср. выше стр. 84: болг. „кой ке види, ке завиди“.

⁶⁾ В этом сборникѣ написаніе непослѣдовательно, чѣм оправдываются фонетическія невѣрности моих заимствованій из него.

Камнени мост, немишай се ¹⁾);

Лудо младо ненадей се:

Мене майка не ме дават за тебе.

(Милад. 366—7). С этой точки сближеніе (впрочем засло-
ненное другими образами) колебанія моста и неудавшаго-
ся брака может быть понято как противоположеніе:

Proti fáře mostek kolébá se,

Pod ním jatelinka zelená se.

Jatelinka drobna, nekosená;

Už je má panenka odvedená.

Před naše je mostek, prohýbá se,

Teče tam vodinka, nestaví se...

... Ani má panenka nevratí se.

(Suš., N. morav. p., 312).

В числѣ веснянок у Чуб. III, 159, помѣщена игра,
очевидно однородная с разсматриваемою:

„А Буг помагай буг, аворови люде!“

—Бодай здорови були, замостови люде!

„А деж ви бували, а. л.?“ — Над морем сиділи, з. л.

„А шо ж ви робили, а. л.?“ — Замки будували, з. л. „А

з якого дерева, а. л.?“—С кленового мосту (?), с писано-
го листу, з. л. (Полоски, Бѣльск. у.). В польской игрѣ,

сопровождаемой тѣми же движеніями, как мр. „мости“,

яворовых людей изображают двѣ дѣвочки, стоящія отдѣль-

но с поднятыми руками: А. Jaworowi ludzie, czego tu

stoicie? Б. Stojemy, stojemy, mosty budujemy. А. Z cze-

go je budujecie? Б. Z dębowego liscia, z brzozowego kis-

cia. А. Przejechał tu nasz pan? Б. Przejechał. А. А ja

przejadę? Б. Przejedziesz. Б. задерживают послѣднюю из

ряда А. (Kolberg, Lud, III, Kujawy, 220; ib. ссыла на
подобную нѣмец. игру „die goldene brücke“).

¹⁾ Негнись, срб. „нецибајсе“, гдѣ ц из ζ=г.

Размѣръ „сѣянця проса“ и, по видимому, весьма древ-
ній припѣвъ, о котором уже упомянуто выше, сохранился
в словенской игрѣ „na kralovnú“. Играющія дѣлятся на
двѣ стороны:

А. Hoja dunča, hoja! ¹⁾

Poslala nás královná,

Hoja dunča, hoja! ¹⁾

Б. Na čo že vás poslala?

А. Po tri vozy kamenia.

Б. Na čo vám to kamenia?

А. Zlaté mosty staväti.

Б. Či sú mosty hotové?

А. Už sú mosty hotové...

... Б. Či nás cez ne pustíte?

А. Če nám za dar ²⁾ nesiete?

Б. Čiernooke pacholá...

А. No bežte a pospešte...

Б пробѣгают под руками одной пары из А. При повторе-
нии игры пробѣгают А под руками Б и вм. „čiernooke
pachola“ поют „čiernooke dievčatko“, так что, значит,
А—сторона невесты, Б—жениха (Sb. Mat. Slov., I 144).

Хорватскій вариант:

Б. Hoja djundja hoja!

A ča vi to delate?

А. Mi si moste gradimo.

Б. Iz česa je gradite?

А. Iz dragoga kamika.

Б. Kade ste ga nabrale?

А. U sudca ³⁾ na dvori.

Б. Puščajte nas kroz at most.

А. A ča nam za to date?

Б. S črnim okom divojku.

А. Je li dobre majke dci?

Б. Ona 'e bolja, neg' ste vi.

¹⁾ Припѣвом начинается и оканчивается каждый стих.

²⁾ Как в мр. п. „воротарь“: „що нам за дар дасте?“

³⁾ М. б. в том дворѣ, откуда одна из играющих.

(Kurelac, Jačke, ili n. p. puka Hrvatskoga na Ugrih, 293). С этим сходен морав. вар. (Suš. 731):

А. ...Јаке даре несе?

Б. Černojoké divčátko.

А. Је ли оно поштивѣ?

Три другіе вар. (ib. 730—1) — размѣра вышеприведенной серб. „камен мосте, нецибајсе“:

А со ву нам за то даѣ,

Dyž vy nám ho (kamenné most) porócháte?

... (mostek) tvrdý, jako kamen,

Sú mosažne tramy na nem.

В мр. свадебных и других п. остались многочисленныя слѣды того представленія, что именно *невъста* в ожиданіи жениха мостит мосты, гатит гати, кладет кладки. Отсюда эти образы переходят к значенію ожиданія молодю своей родни и к зн. родственной связи вообще.

Так, когда ѣдут по молодую:

Коби-сь знала, Марусенько,

Звідки молодий іде,

Клала би-сь лавки ¹⁾

З червоної китайки ...

... Клала би-сь мости

З червоної покости ²⁾, Гол. II, 107.

Коби молода знала,

Що молоденький іде,

Гатила би гати

Дорогими шати

Аж до самої хати;

Та клала би в'на мости

¹⁾ Кладки.

²⁾ Покоста — *покост*, т. е. *по-кост* — *с* *с* *из* *т*. Ср. бр. *по-кот*, *накат*, *потолок*. Корень м. б. **ска-т* (ср. *ска=ску*, Fick, Vergl. Wörterb.³, I, 240). *Покост* собств. покров, в поль. лак, подмазевка и пр.

З калинової трости,
Умітала би двори,
Застилала би столи,
Та помила би повни ¹⁾,
Та витала би гості
Все вином зелененьким,
Та й медом солоденьким, Гол. IV, 307—8

Вода дуги позадивала,
Дороги позабирала,
Нікуда переїхати
Федунєви на заручини.
Єго *тестенько* любить,
Єму мостоньки мостит
З *каменя дорогого*,
З *перстєня золотого*.

При повторенні, ім. „тестенько“, поєтся тещенька, *дівонька*, *сватоцька*, *родонько*“, Гол. IV, 220.

Когда провожают молодых в дом жениха:

Тещенька зятя женила,
Колдрами двір застилала,
А коби єї сила,
То би озолотила, Гол. IV, 290.

Ну-те, бояре, до коней,
Небійтеся темної ночі;
Бог вам та до помочи,
А Пречистая мати
Буде вас зострічати.

Марусенька догадалася
Да помостила мости
З калинової трости,
Да погатила гатки
То з рутки, то з м'ятки.

(Метл. 219, Чуб. IV, 416), т. ч. путем к дому жениха,
к счастливой брачной жизни, служит дѣвство невісты (ка-
лина, рута, мята).

¹⁾ Кубки. Ср. Гол. II, 101, 104 et pass.

Так и у Курпей, когда молодой собирается домой:
Narządzajcie belki w kalinowém moście,
Bo tędy pojadą Jasieńkowe goście,
Wojs. II, 105.

В воскресенье вечером, у жениха:
По за Дунаєм коні
Сивий, ворошиї;
Журився старостонько,
Кому би поплинути,
Стаденько завернути.
Учула тое сваненька:
„Нежурпся старостоньку!
Положу тобі мости
З білої риби кости.
Туда ж ти переїдеш,
Вороне стадо вернеш, Гол. IV, 235.

Когда родители молодой ѣдут с ея скарисю в дом ея мужа:
Коби Мариня знала,
Що ей батенько їде,
Ставила би мости
З золотої трости... Гол. II, 674.

Вѣроятно тогда же, а не до вѣнца:
Коби я знала, коби я відала,
Що мій батенько їде,
Сипала би я гроблі
Дрібними шелю(я)гами,
Слала би я хату
Білими талярами,
Клала би я мости
З білої риби кости. Г. IV, 270.
... Ай коби Марька знала,
Ож ей родина їде
Она (Вна ?) би мостила мости
Жовтыма покосты, у Лемк. ів. 409.

Этот образ:

Мостила мости з зеленої брости; =
=Сподівалась батенька (матінки, брата, сестри,

много) в гости (Чуб. V, 509, N 117) вполне соответствует вышерассмотренному:

Ждала я (батька... много)

Ворітечка одчиняла (ib. N 116, 506).

Сходно с этими мр. пѣснями построена „круговая“ (хороводная), в частности не представляющая указаний на заимствование с той или другой стороны, но по размѣру (6+5 или 6+6) тождественная с нѣкоторыми вариантами малорусской (ср. Чуб. V, 509 и Гуллев, Этн. оч. юж. Сиб. Б. для Чт. 1848, XC, 92—4).

В таком же значеніи кладка (лавка) для много:

Уже бучка стяли, спаднул до поточка,

Уж ми ся справила до милой лавочки,

(Угорская Русь, Гол. III 249).

... Пред вашима дверьма велика мочар:

Полож, міла, дручки, пойду помалючки

Каждый вечер (Гол. III, 406),

с тѣм ср.:

Trzęsawa, trzęsawa, na trzęsawie ława;

Czemuż, ty dziewczyno, na mnie niełaskawa,

т. е. любовь, по видимому, возможна, а между тѣм... (Wasł. z Ol. 123).

Ой небуду водов плисти, піду де на лавку;

Як см любив, так и буду тоту кучеравку

(Гол. II, т. е. легче перейти по кладкѣ, чѣм переплыть, как лучше любить по прежнему, чѣм измѣнить).

Ой у полі річка, через річку кладка;

Непокидай мій милешкий: неказала матка

(Гол. II, 370), т. е. нѣтъ разумных основаній расходиться. Этот послѣдній образ прамѣняется и к родственной любви, к разлукѣ сына с отцом:

Ой у полі річка, через річку кладка;

Непокидай, козаченьку, рідненького батька:

Як батька покинеш, сам марне загинеш...

(„У полі могила“).

Пиймет ли этот живой, понятный и теперь символизм мифологическія основанія, или же лишь чуждой мифологичности идеализаціей слѣдуетъ объяснять встрѣтившіяся выше выраженія, какъ „впустите насъ (по мостамъ) до райської земли“, мостъ изъ мѣди, золота, „зъ камня дорогого, зъ перстенья золотого“, „зъ червоної покости“? Я склоняюсь къ первому предположенію и придаю значеніе сходству образа „моститъ мостъ дѣвица, переходитъ черезъ него и вмѣстѣ служитъ платой за переходъ молодецъ“ со слѣдующимъ сказочнымъ мотивомъ того же типа, что и приключеніе Одина съ Гунпледоу (см. выше стр. 122):

Царевичъ на копѣ (или на соколѣ, Аѳ. Ск. VIII, 54, т. е. оборотившись соколомъ) проникаетъ за ограду дворца *спящей* (Аѳ. П. В. II, 424, 427) царь-дѣвицы, похищаетъ у нея живую воду (или и моложавыя яблоки, см. въ Эддѣ: Локи въ видѣ сокола похищаетъ Идуну и ея яблоки, сообщавшія богамъ безсмертіе, *Simrock, Edda* 327) и наслаждается ея любовью („воды испилъ, колодезь незакрылъ“, „квашню раскрылъ“; см. выше въ мр. веснянкѣ „щобъ (сокіл) невиносивъ дівочкої краси“). Царь-дѣвица идетъ на корабляхъ въ его царство требовать виноватаго и, подошедши, отъ корабля до дворца „строитъ мосты калиновыя... поверхъ моста краснымъ сукномъ устланъ“ или „хрустальный мостъ“, по которому безнаказанно можетъ пройти только женихъ похититель, тогда какъ братья его платятъ за это голову (Аѳ. Ск. VIII, N 4). Только предположивъ (обратное) перенесеніе божественнаго образа на дѣвицу, можно понять всю силу обращеннаго къ ней величанья въ слѣдующей колядкѣ:

Ой зъ Підгіренька та зъ під соненька

Ой дай Боже;

Надіялася свого милого:

Гатила гати дорогими шати,

Мостила мости жуковинами,

5 Садила сади все виногради,

Вберала ліси наволоками

Сіяла поле дрібною жемчугомъ.

„Та якъ мій милий на гать поїде,

- „Гатітєся, гатп, дорогими шати!
 10 „А як мій милий мостом поїде,
 „Звеніт му мости жуковинами!
 „А як мій милий садом поїде,
 Садітєся, сади, все виногради!
 А як мій милий лісом поїде,
 15 „Шуми му, лісе, паволоками!
 „А як мій милпй полем поїде,
 „Ряхти му, поле, дрібнов жемчугов,
 „Дрібнов жемчугов, яров пшеницев!“

(Сводный вар. Гол. II, 87; IV 73, Стрый. у.). Ст. 3—7 напоминают вышеприведенные (стр. 68—73) пѣсенные образы „крыла лѣса алым бархатом“, „...золоты ширинки, лѣсы ли вамп дарити“ и дают возможность отнести весь образ к той же мифической личности, солнечной дочери, зорѣ. Происхождение этого образа врядли может быть объяснено обычаем украшать храмы драгоценными одеждами ¹⁾).

Архаизмы этой пѣсни встрѣчаются и в других. „Мостила мости жуковинами“ ср. с вышеприведенным (стр. 133) „мости... з перстєня дорогого“ и „катила она (зоря) золотым перстєнем“ (стр. 68). *Жуковина*, мр. (у Бойков, Васильевич, *Вojkové Čas. Čev. Mus.* 1841, 53) и вр. (Даль), перстєнь, вѣроятно, по щитку со скарабеем. *Паволоки* упоминаются в свад. п.:

Розточено поволоченьки по сінях,

... Куда ми ишла N на посаг

(Гол. IV, 224; *Wasł. z Ol.* 6=Гол. II, 649, гдѣ уже непонято: „розточено... поволочено“);

¹⁾ Под 1185. В Володимирѣ „перкы святая Богородиця Златоверхая... п та загорѣся сверху, п что баше в ней дѣѣ (внутри) узорочий... п портѣ золотомѣ шитыхъ и женцююмѣ, п книги, п паволокы, укси (читай *усси*=*вусси* от *вуссъ*, гр. *βύσσος*, *byssus*) церковныѣ, иже вѣшашу на праздникѣ... все огнь взя безъ утеча“, Лавр.² 372.

Под 1203. „Порты блаженныхъ первыхъ князѣн, еже бяху повѣшадл вѣ церквахъ святыхъ на память собѣ“, *ib.* 397; ср. тоже под 1237, *ib.* 440.

Зазвонили два колоколи в полі...

...Злинули два ангели з неба...

...Пустили паволоченьки до землі,

Постелили білесенько по дворі,

Ішла ж ними Марічка на посаг (Гол. IV, 349).

Еще ближе подходит к упомянутому сказочному мотиву с одной стороны и к обычному в весенних и лѣтних пѣснях противоположенію нелюба и милого слѣдующая веснянка (или русальная?), записанная мною от женщины из Волчанскаго у. (село Рубіжня) и напечатанная в моей ст. „Переправа через воду, как представленіе брака“ (Древности. Арх. Вѣст. М. 1868, Ноябрь, Дек.):

Ой снодо, снодо тонкая,

Ой як то (?) снодо тонкая!

Була в мене невіхна така:

Та мостила мости из трости, 2

5 Та гатила гати из м'яти, 2

Становила стовпи золоті, 2

Вішала шнури шовкові, 2

Та чіпляла дзвони спижові, 2 ¹⁾

Слала китайку по морю. 2

10 Ой туди їхав нелюб мій. 2

Та небряжчіт, мости из трости! 2

Та непахніт, гати изъ м'яти! 2

Та несяйте, стовпи золоті! 2

Та немайте шнури шовкові! 2

Та недзвоніт, дзвони спижові! 2

Та немай, китайко на морі

17—25=1—9

Ой туди їхав милий мій, 2

Та забряжчіт мости тростеві!

28—33 = 12—16 ... Забряжчіт

зассяйте ... замайте ... задзвоніт

... замай ²⁾.

¹⁾ Спиж, поль. *spiz*, *glockenspeise* (срв. н. *spise*), с ж из з и с, как в *хыжа* (*hūs*), *риж*, *Париж*.

²⁾ Ой снодо, снодо тонкая!

Подлинность ст. 1—3 этой пѣсни подтверждается напеча-

От подобной пѣсни другого размѣра (б. м. 5+5) идет слѣдующая бр. пѣсня, в коей неизвѣстно кто говорит:

танною позже (Чуб. III, 188) русальною из сборн. П. А. Кулиша:

Проведу русалочки до бору...

...Стану в бору из *слюдоу*

Свекор проѣзжая мимо скажет:

„Ой слюде, слюде товстая!

Була в мене невістка такая“

А отец:

„Ой слюде, слюде тонкая!

„Була в мене донька такая.

Впрочем это нисколько необъясняет непонятнаго *снода* (*слюда*), относительно котораго возможны только догадки. Я думаю, что записанная мною веснянка представляет сочетаніе двух различных весенних мотивов, сходных в том, что оба относятся к ожиданію нелюбѣ и милаго, несчастной и счастливой жизни за мужем. Второй из них, составляющій главное содержаніе пѣсни,—мощенье мостов. Первый, ставшій здѣсь лишь запѣвом, прелюдіею, как бы формальным опредѣленіем категоріи пѣсни, почему в ней и подвергся искаженію и стал непонятен, может быть найден по указанію эпитета: „снодо (слюде) *тонкая*“, ..., „*товстая*“. Это эпитеты *бѣли*, „бѣлых даров“ (серб.), приготавливаемых невестою и в пѣснѣ служащих символом ея самой (мое соч. О иѣкот. симв., 116, 145—6; ср. также Карадж. П. из Херц., 208: „ѣвејка сам, кумаш на продају...“) в слѣдующей веснянкѣ:

Ой горе, горе сухой дубе,

Паше подобня через води (у?),

Ой через води (у) на слободи (у?),

Де Катерина бѣль бѣлила,

5 З тонкою бѣлью говорила:

„Ой бѣде ж моя тонка, бѣла!

„Як я тебе убѣлила!

„Ой як я піду за милого,

„То я тебе, беле, в шовку потчу,

10 „То я тебе, беле, в будень зношу!“

11—4=1—4

15 З товстою бѣлью говорила:

„Беле ж моя товста небѣла!

„Ой як я піду за нелюбѣ,

„То я тебе, беле, в черніт потчу,

„То я тебе, беле, в свято зношу!“

Да засею я поле да ясненькім золатам,
Да засцелю я луї червоным кармізінам,

(Ромен. у. Черніт, чорная шерстяная пряжа, пз которой *плат-та чернітка*; ср. у Чуб. V, 489). Петровочная:

Мр. Мала(я) нічка Петрівочка,
Що невиспалася наша дівочка:
Всю ніч неспала, *біль сукала*

и далѣ сходно с вышеприведенною (Метл. 312—3)

Бр. Пятрова ночка цівялічка,
Я маладзенька невиспалася:
Усю ночку неспала, *шнурки сукала*,
Сукала шнурки шавковые,
Шила кашульки рубковые.
Сяму-таму запрадавала,
Сваему мілому дарма давала...

(Этн. Сб., III, 228; Шейн, Бр. п., 170, N 269; у Шейна ib. N 270 „пляла шнурочки ботвяны“ предполагает пѣсню с двої-ственным дѣленіем: ботвяные недлюбу, а шолковые млдому). Отсюда вѣроятно, что *снода*—бѣль (пряжа) или шнур. Ср. *снасть* (*снад-) в зн. верви, шнура и лот. *snāju*, *snāt*, вить; *snājūti* конопля для витья веревок, *snāte*, покрывало из льняной ткани.

Мр. купальская:

Малая ночка купалночка!
Невиспалася Ганнуса:
Змочила (вона?) хусточку
(Та?) слѣзи утираючи;
Сукала шнурки сдвабни,
Путала коні ворони.

Малая ночка купалночка,
Невиспалася Парася,
Погнала волн хлипаючи,
Змочила огон котячий
(Та) слѣзи утираючи;
Сукала шнурки валови,
Путала щурп половп

(Терещ., Б. р. п. V, 77 пз Gołęb. Gry i zabaw. III, 298—301). „Путала коні“, как прилично благонравной дѣвицѣ, „щоб не-витоптали руті-мѣяти“ (см. выше стр. 44). Это — величанье одной дѣвицы и насмѣшки над другою, которой и путать-то нѣкого, кромѣ половых (или м. б. полевых) крыс.

А замашу я мосты залатым мастовыікам.
Да засяй, поле, засяй, ясеннькім золатам,

Удаляясь от основного значенія *пута, узды* (любовь, брак), другая купальская связывает узданье и путанье с одной стороны валом и лыком, с другой золотом и шолком с несчастною жизнью у свекра и счастливою у отпа:

- 1 Чие то стадечко за село выходило? Рапо, рапо! ¹⁾
Подбурске стадечко за село выходило.
Чим воно попутане, чим воно поузнане?
Товстим валом поузнане, грубым лыком попутане.
- 5 Подбуршанка мала стадечко займала,
Стадечко займала, жалосно плакала,
Жалосно плакала в чужого батенька;
Бо чужий батенько положить пузенько,
() а пробудить раненько,
- 10 До цяжкого делечка (ѣ=с?), до сыройі пшеници.
Мелю я пшеницю, по зернятку кидаю,
По зернятку кидаю, по слёзонце (?) ропаю.
13=1; 14=2 Бурмыцке; 15=3
- 16 Золотом поузнане, білым шовком полутане,
Бурмыцянка мала стадечко займала,
Хорошенько спевала в своёго батенька;
Бо свуй батенько положить раненько
() а пробудить пузенько
До легкого делечка, до белого кужель,
() до русой косоньки.
Пряду я кужель, по волосочку смыкаю
() хорошепчко спеваю.

(Верховичи Гродн. губ.)

(Крачковскій, Быт зап.-русс. селянина, 134. Чт. 1873. IV).

Степень распространности мотива „биль сукала“ видна из слѣдующаго. В серб. п. дѣвица

... Свилу преде, гајтан плете,
С гајтаном се разговора:
„Ој гајтане мој, гајтане!
„Да знам, да ће т' млад дерати,
„Свилом бих те, млада, плела
„А златом бих увијала;
„А да знадем, мој златане,

¹⁾ Припѣв послѣ каждаго стиха.

Да зашуміце, дугі, червоным кармазынам,
Да зазвеніце, мосты, залатым мастовы́кам:

„Да ће тебе стар дерати,
„Ликом бих ти основ пледа (вм. прела),
„А с кострети поткитила!“
(v. Ликом би те оплетала
А рогозом поплетала,
Копривами напкитила)
(Кар. П. из Херц. 265; id. Пјес. I, 291).

Хорв. Дјивојчица ланак сјје ¹⁾
Под горами, над водами,
Сјјућ ми је говорила:
„Рести, ланак, висок танак!
„Да би знала тер би знала,
„Да ме хоће младци просит;
„Прела би му кошулицу
„Од памука и од свиле;
„Дала би ју одаткати
„Мрву гушћу, нег' од леда;
„С свилом би ју нашивала
„С китицама наврјала.

А еслибы посватал старик, дала бы ему вышить сорочку „мр-
ву (=трохи) гушћу нег од плота“ (Kugelas, Jaske, 47). Того
же размѣра – болгарская. Дѣвица вышивая платок, говорит ему:

Из незнасм, тенка рѣда,
Кой ке тебе да кердоса
(=будет пользоваться, носить):

Или Турчин, ил' Каурин

(Верковић, Н. п. Макед. Буг., 76—7). Обычнаго серб. размѣра
(4+6) — Кар. Пјес. пз Херц. 118—9 (дѣвица говорит с выши-
ваемым ею платком); Mikulić, N. prigov. i p. iz primor. hrv.
166—7, с примѣчаніем собирателя „Ова се пјесма свакој дје-
војци пјева дан прије вјенчања, пред кућним врати“. Припо-
жу ее ради послѣдних 4-х стихов, показывающих наглядно,
как в народной поэзии унаслѣдованные образы живут не в от-

¹⁾ .Лен — сама дѣвица. Ср. выше, стр. 40 и слѣдующее:

Бѣлый лен при дорогѣ вѣтер подвѣвает,
Нѣтак-то он подвѣвает, к землѣ приклоняет;
Что-ж наша да Марьюшка кручинна-печальна?

Коханов., Пѣск. р. пѣс. (Ст.-Оск. у.) 83.

Будзе схаць Вальначка, нашаго пана дачка.

(Этн. Сб. III, 233).

рѣшеніі от почвы, а примѣняясь практически, в частности ради вѣлчанья, т. е. ради идеализаціи частнаго положенія лица:

Дивојка се ј' сватон надпјала,
Мажуране ј' коло насадила ¹⁾
И вила је винца од левеца ²⁾,
Од левеца и од калонперја ³⁾.
Кад су дошли господа сватова,
Она им је говорела млада:
„Ај ви моја господо сватова!
„Всжете коце поле башелово ⁴⁾
„И сидајте коло мажуране,
„Да ван дилин винца од левеца
„Од левеца и од калонперја“.
Ал говори најстарији свахе:
„Бога теби, липа нан дивојко!
„Кад си млада ове винце вила,
„Јеси я млада он дан тужна бпла?“
Она им је млада говорела:
„Ако сан је худу војну вила,
„Ја сан млада цел дан трудна бпла;
„Ако сан је добру војну вила,
„Нисан млада труда ни впдса“.
Зајди ванка ⁵⁾, липа нан дивојко!
Теби писма, нами чаша вина.
Ова писма на твоје поштеме,
Да нан Бог да здравле и веселе!

Сахаров, Сказ. р. нар., кн. 3, 30—1, 51; Терещ., Б. р. н., IV, 233 (дѣвица говорит о вышиваемом ея коврѣ, размѣр—5+3: „как во теремѣ дѣвица“, Терещ. ib. V, 11); Nesselman, Litauische Volksl. 133 („еслиб я знала, что выйду за молодца, сшила бы, вышила серебром ему платье; если бы... за вдовца, повѣсила на него желѣзную цѣпь).

Другой сходный мотив (веснянка, судя по разм.)

¹⁾ *Origanum majorana*.

²⁾ *Невен*, по сл. Карадж. *calendula offic.*, по м. б., барвинок, *vinca*?

³⁾ Каранфил, *dianthus caryophyllus*.

⁴⁾ Босидак, ит. *basilico*, осунум *basilicum*.

⁵⁾ Выйди из пзбы к нам.

Послѣдній стихъ есть б. м. приспособленіе мотива „дѣвица моститъ мостъ“ къ другому образу, о которомъ ниже.

Такъ какъ выше (стр. 137) мы видѣли, что моститъ мосты жуковинами именно дѣвица для милого, то можно думать, что этотъ образъ предполагается колядкою, обращенной какъ величанье къ хозяину:

Ой черезъ воду та черезъ Дунай

Ой дай Боже!

Стоятъ мостоньки калиновіи . . .

. . . Покощеніи жуковинами.

По нимъ идетъ „господаренько“ отыскивая „въ рай дороженьки“. Встрѣченныя имъ ангелы указываютъ ему эту дорогу и приводятъ въ рай, представляемый церковью (Гол. II 27—8).

На бережоньку стояла, стояла,

Біліи поженьки мняла, мняла:

„Ей мої ноженьки білої, білої!

„Кому жъ вы будете милої, милої?

„Ей коли старому, храни Боже, храни Боже!

„Колі молодому, дай Боже, дай Боже!

(Гол. III, 256)

хотя встрѣчается только угорско-русс. вар., но несомнѣнно извѣстенъ въ русс. и польс. мѣстностяхъ до Литвы. Вслѣдъ за приведенными ст. слѣдуетъ

А на горі зілья ядловецъ, ядловецъ;

Ліпшии єсть мландецъ, якъ вдовецъ,

и съ этимъ продолженіемъ, въ той же ритмической формѣ пѣсня перешла въ литовскую (Ness. 134; N 137). Этотъ случай относительно поздняго заимствованія не даетъ права также объяснять сходство этого мотива съ серб. „Девојка је лице умивала... „Да знамъ, лице, да ће те старъ љубитъ... Кар. Пјес. I, 290, N 396 и 395; Kurelac, Јаске, 50:

Дѣвојница жупићъ газу, погнъ јој се белу . . .

(жупићъ, чеш. župa, словен. žotr, нѣм. zupf, въ зн. лужа).

Первообразъ пѣсни того содержанія, какъ въ „Ой горе, горе сухой дубе“, и др. приведенныхъ для сравненія съ нею, могъ имѣть тотъ размѣръ 5+3, который въ п. „Ой сподо, сподо тонкая“ и въ вышерассмотрѣнныхъ пѣсняхъ „невѣста тонетъ, кому дары останутся?“ (стр. 71—74).

Во всяком случаѣ это небесный мост, как и тот, который в вр. колядкѣ мостят „Овсеню и Новому году“ (О мнѣ. зн. нѣкр. вѣр., 21—2), как и упоминаемый в сказках (Аѳ. Ск. II, 101; VIII, 58 и др. Поэт. воззр. I, 692) и бр. волочобной п.:

Білі палі залатыя,

Масціці масты всё сяребряныя.

Туды-м ехала Пречистая

в каретѣ шестериком, в сопровожденіи святых (Безс., Бр. п., 4).

Невѣста сама идет через мост (ч. кладки). Так в свадебной п., когда „княгиню“ везут к вѣнцу:

За воротоньки бистрі річеньки

з новими лавочками.

Туда ж ми їшла молода Маруся

з своїми дружечками

(Гол. II, 104).

Їшла би я на кладочку, кобим неупала;

Їшла би я за нелюба (ч. наймита, богача и пр.),

[коби м непропала.

(Гол. II, 330; III, 352; II, 777²; Щасний Соломон Коломийки, 43; ср. также Гол. II, 827, 48). Откуда коварная помѣха дѣвицѣ в любви представляется т. о.:

Стоїт верба над водою, маю ю на гадці

(т. е. чтобы сдѣлать из нея кладку; но)

Мишлят люде підрубати дівчину на кладці

(Гол. II, 777).

Друлю лавку за муравку: най лавка плаває;

Ах (?) то мені за миленьким серце омліває

(Гол. IV, 465, т. е. сама доводит до разрыва, а потом то-скует).

В слѣдующем „ходитъ по кладкѣ“, по видимому, — жить за мужем:

Чироз Дунай досочка

Тонка-гібка ляжала,

Ніхто па ней няходзіць,
На Дунай слёзы нярошць,
С мілым дружком нігаворіць.
Толька я адна млада хадзіла,
На Дунай слёзы рашіла,
С мілым дружком гаваріла:
„Ты нябі мяне біз віны...”

(Шейн, Бр. п., 136).

Идеальный обратный путь замужней женщины к роду, к матери идет через ту же кладку. Если этой кладки нѣт, то „до своего роду хоть по шию в воду“:

Свекрушечко, ма душечко, пусти мя до мамки:

Непитаю бистрой ріки, побреду без лавки,

(Гол. II, 620).

Но возвращеніе невозможно:

„По кладкѣ я перебралась во двор чужанина (=за муж); кладу кладку за кладкой, немогу уже выбратся (лот. Бривземн. в Сб. Дашк. II, N 484).

Так же невозможно возвращеніе к дѣвству, к молодости:

„Приказала б я помостить мост из чистаго серебра, лишь бы воротиться к матушкѣ в молодые дни“.

„Зазеленѣет еще рута, зазеленѣет роза (символы дѣвичьей жизни), но я своих молодых дней уж больше не увижу“. Ness. Lit. Volksl. 197).

Если прибавить к этому представленіе, что „доля и недоля (т. е. прежде всего счастье и несчастье в замужествѣ) ходят по одной и той же кладкѣ“ (лот. Спрогис, 307), то получатся всѣ черты, из коих сложился на первый взгляд странный образ мр. пѣсни: несчастная замужествѣ посылает или ѣдет догонять „молодость“, „літа молодіі“, „щастя й долю“:

Як нагнала щастя й долю на калиновім мості,

„Вернись, вернись, щастя й доле, хоч до мене в гості!“

—Невернуса я до тебе, була у тебе:

Було тоді шанувати, було поважати!—

(Метл. 253—4, 106).

Эпитет моста „калиновый“ здѣсь объясняется весьма удобно тѣм, что это первоначально мост дѣвства (калина = дѣвица) ведущій к браку. При забвеніи этого происхожденія тот же образ начинает примѣняться вообще, т. е. и к мужчинамъ:

„Запрягайте коні в шори, коні ворониі,

Та поїдем доганяти літа молодіі.

Як догнали літа мої в калиновім мості:

„Вернітєся літа мої, хоть до мене в гості...

—Невернемось, невернемось, немає до кого:

Було б же нас шанувати, як здоров'я свого“.

М. б. от этого символизма, а не от реальности, ведет начало постоянный эпитет моста „калиновый“ и в вр. былинах, на пр. Гильфера. 1194.

Жених переводит невесту через „мосты калиновые“ в. через кладку. Это образ довольно обыкновенный в вр. свадебных и др. пѣснях: см. Гуляев, Этн. оч. юж. Сиб., 31; Сахар., Сказ. р. н., кн. 3, 115, 130; Терещ., Б. р. н., II, 200; IV, 149—50; Кохановская, Нѣск. р. п. в Русс. Бес. 1860, I, 66—7; Шейн, Бр. п., 201 (N 339), 133). В мр.:

Ой возьму я та дівчину за білу ручину,

Переведу тихий Дунай тай бистру річину,

Переведу, переведу тай ся незамочу,

Щоби люде неказали, що я ся волочу

(Гол. II 293). Из послѣдняго стиха видно, что „переведу“=возьму за себя.

Как свадебный обряд это представленіе сохранилось у Лемков: „По *почетинах* ведут молодых на рѣку мыться. Свашки поют:

До гати Марисю, до гати

Личенько обмывати,

Ой жебы было біле

И Василѣви миле.

Молодые моются в рѣкѣ (это, кромѣ возможнаго религіознаго значенія, один из символов любви, см. мой Разбор П. Гал. и Уг. Р. Головац., 68), и опускают деньги в воду

(ср. Аѳ. П. В. I. 169; II, 206 сл. 229—31). Послѣ мы-
тѣя молодая утирается сорочкой молодого, а он ея „опло-
чатем“ (? = рубашкой) (см. мой Разб. I. с.). Молодой бе-
рет молодую за руку и переводит ее через воду туда и на-
зад; молодая набирает в „кандейку“ („кѣйву“) воды и воз-
вращается домой. Другіе люди тоже бросаются в воду (Гол.
IV, 394). Древность этого обычая неподлежит сомнѣнію.
Документально он был бы засвидѣтельствован в концѣ XIII
вѣка, если бы можно было считать доказанным, что окон-
чаніе Правила Митроп. Кирилла „и се слышахомъ: в пре-
дѣлѣхъ Новгородескихъ невѣсты воятъ к водѣ, и нынѣ не-
велимъ тому тако быти“ (Восток. Опис. Рум. Муз. 321;
Аѳ. П. В. II, 170) не есть позднѣйшая (во всяком слу-
чаѣ не новая; список 1620) приписка.

Тѣже ассоціаціи лежат в основаніи гаданій о бракѣ:
а) На Андрея (30 Ноября) дѣвица вывѣшивает ночью за
окно полотенце, приговаривая: „сужений-ряжений, прійди
сюда и утрись“. Если вскорѣ полотенце окажется мокрым,
дѣвица выйдет замуж в этом году (Чуб. III, 261); б) „Дѣ-
лают из прутиков мостик и кладут его под подушку, за-
гадывая: „кто мой суженой, кто мой ряженой, тот переве-
дет меня“ (т. е. во снѣ) через мост“ (Абевега русск. суев.
1-е изд., 151—2). „Налить воды в тарелку, положить на
нее нѣсколько соломинок в видѣ мостика и поставить се-
бѣ под кровать. Суженый прійдет перевести невѣсту че-
рез мост (Маркевичъ, Обыч. и пр. 21; Чуб. 258). Татьянѣ
Пушкина снится, что медвѣдь переводит ее через кладку
(Евг. Онѣг. гл. V, XI—II), что предвѣщает выход замуж,
хотя и за немлаго. К вышеупомянутому гаданью слѣдует,
я думаю, отнести одно выраженіе славянской вставки в сло-
во Григорія Богослова: „тѣмъ же богомъ требоу кладоутъ
и творять и словеньскыи языкъ: виламъ, и мокошѣи дивѣ,
пероуноу, хърсоу, родоу и рожаницѣ, оупиремъ и берегы-
нямъ, и переплоутоу, и вертячесѣи пѣютъ ему въ розѣхъ;
и огневи сварожицю моютъ, и навѣмъ мѣвъ творять, и
в тѣстѣ (= из тѣста) мосты дѣлаютъ и колодязѣ“ (по
сп. конца XV в., Тихонрав. Лѣт. р. л. IV, 3, 99). Коло-

дязи из тѣста, вѣроятно для такого же гаданья: чтобы су-
женный (во спѣ) подал из колодезя воды напиться.

Жених строит мост для невесты. Один из величаль-
ных, я думаю, весьма древних мотивов состоит в том, что
дѣвица предлагает любовь молодцу (или на оборот), а он
(или она) отвергает предложение, п. ч. церовня предлагаю-
щей сторонѣ, зпатнѣе ея (тут бывают указанія на мнои-
ческое родство), богаче. К таким величаньям, именно б.
м. веселым, мог принадлежать первообраз мр. п., отча-
сти разсмотрѣнной мною (мой Разб. пѣснь Головац., 18
сл. Зап. И. Ак. Н. XXXVII, 2; К истор. зв. етс. III, 17),

По тѣм боцѣ Дуная

Вѣчарь вѣцѣ ганае.

Устранивши частныя бытовыя черты, но оставив размѣр
4+3 (тот самый, который служит мнѣ одною из путевод-
ных нитей в этом изслѣдованіи) и упомянутое общее со-
держаніе, сравниваю эту пѣсню с первою половиною слѣ-
дующей сербской:

С оне стране Мораве

Бела Дудо!

С оне стране Мараве

Бео чадор разапет,

Под ним седи левента ¹⁾,

На крилу ²⁾ му латинка ³⁾,

Латински му говори,

Арбапаски заноси,

„Луби мене, левента!“

— Нећу, бог-ме, латинка:

У мен' пма девет град',

И десети Биоград,

¹⁾ Молодец, ср. в моем соч. К ист. зв. II, Замѣтка о 2-х
пѣснях, 8.

²⁾ На лонѣ, на колѣнях.

³⁾ Итальянка, м. б. как болѣе аристократическая партія.

У свакоме по луба,
 Свака нија ¹⁾ по сипа,
 А најмлађа девојку,
 Њу ми просе сватови,
 Деветори банови,
 И најпосле Јерко бан.
 Мајка даје те даје,
 А ја недам, те недам,
 Док незида ћуприју ²⁾
 Од свог двора до мога
 Од камена мермера,
 И бисером ³⁾ поткити:
 Кад је стану водити
 Нека камен звећеће,

Нека бисер трепеће, Кар. II, I, 417.

Последніе 2 ст. ср. с мр. (стр. 129 и 137) „буде... камињ звенити“, „як милїи полем поїде, ряхти му поле дрібнов жемчугов“. Что второй мотив этой пѣсни (именно исполненіе женихом трудной задачи, построеніе им чудеснаго моста, на пр., как в сказкѣ „Рак-женїх“ (=царевна лягушка), золотого моста с золотыми яблоньками по сторонам, О мпо. зн. пѣкр. вѣр., 207), лишь внѣшним образом, по сходству примѣненія к величанью, связан с первым, на это указывает болг. п. того же размѣра: Скендер-бег взял в полон латинку дивной красоты:

... Моме-то ми плачеше —
 Ситна роса росеше;
 Моме-то се насмеа —
 Ясно сѣнце угреа ⁴⁾.
 (Она) Латински му зборвеше:
 ... Немой да ме поплениш,
 От' (=п. ч.) си имам три бракл.
 Татко ѣ майка ме дават,
 Брат Никола недават.

¹⁾ Колышет. ²⁾ Мост. ³⁾ Жемчугом. ⁴⁾ Ея слезы — роса, смѣх — солнечный свѣт.

Ке ме ладят Алай-бег
Алай-бегу за сна;
Ке напрант кюпрія
Со два драга камня

Со дробного бисера... Милад. 302—3.

Внѣ связи с этими двумя пѣснями стоит болг., размѣра 5 + 5: Виша Грекиня требует, чтобы искатель ея руки исполнил три трудныя задачи: постропл бы над морем (через море) помост, на нем винограднаы лозы по краям дунн (айва); бросился бы в море и поймал рыбу моруну; попал бы в серебряный перстень звѣзды денницы. „Еврейче“ (презрѣнный, в родѣ Ивана дурака?) исполняет двѣ первыя задачи, а вм. третьей попадает Грекинѣ в черныя очи (Милад. 255).

Подобный мотив в в.-лужицкой п.: Воляной (wódnymuž) хочет во что бы ни стало взять за себя дѣвцу для этого

„Ja 'cu ci dać móst twarići
„Wot lutoh (чистаро) złota, sljebora;
„Ja 'cu će daći pšez njón wesć
„Ze tsicyćimi wozami,
„Ze štyrcyćimi konjami.

На половинѣ моста невѣста проваливается и это, повидному, предзнаменует смерть ея и дѣтей от руки ревниваго мужа (Haupt a Smolerj Piesn. I, 63). В другой пѣснѣ любовников разделяет море. Дѣвица посылает милому узду, чтобы он на конѣ плыл к ней, а сама приказывает помостить через море кладки, снизу мурованыя, сверху малёваныя, и сама идет по ним на встрѣчу; но завистливая баба повалила кладки и утопила милого (ib. 87). Символизм здѣсь такой же, как выше (стр. 145): „мишлят люде підрубати дівчину на кладці“.

Гатить гати, класть кладки к милой — Гол. I, 276; 291.

5. Вербовая дощечка.

Из предыдущаго можно вывести, что когда мр. весення игра изображает дѣвицу идущею через кладку, то это ближайшим образом означает переход к браку от той весны жизни, которой гордость, радости и заботы составляют главное содержаніе веснянок. Можно ожидать также, что в основаніи этого значенія будет лежать другое, болѣе древнее, мифологическое.

Дѣвицы становятся в два ряда, лицом друг к другу, берут своих супротивных за руки, так что из рук выходит „дощечка“, по которой пускают ходить дѣвушку, „Настечку“. Из пѣсни видно, что она изображает собою „дівку“, невѣсту, а не ребенка или „піддівочу“ (Чуб. III, 81). В Галиціи сходная пѣсня поется при „кривом танку“; размѣръ точно такой, с повтореніем послѣдняго трехсложнаго слова, как выше (185 и выше):

А. Вербовая дощечка, дощечка ¹⁾,
Ходит по ній Настечка,
На всі боки *леліє*,
Вітки милий поїде (v. надіде)
Що ж Настечці привезе?
Жовтепъкий чобітки,
Золотіі підківки.
[Будут чобітки скрипіти],

¹⁾ Такое повтореніе во всей пѣснѣ. „Вербовая д.“ ср. с „Кладку я кладу через муравку вербову“, купальская, Чуб., III, 209.

А підківки звеніти.

Вм. [будут], нарушающаго розмір, могла стоять „ймут“.
Мѣстами к этому присоединяется:

*Покочу я золото, золото,
А ви, хлопці, в болото, в болото;
Покочу я перстенец, перстенец,
А ви, дівки, у ташец, у ташец.*

Или: Де съ, Настечко, бувала, бувала,
Як дуброва палала и пр.

Мотив, о коем см. ниже (Гол., IV, 160; II, 191, 684).
В первом вариантѣ *леліє*, собственно, сіяет и отсюда — смотрит. Ср. „світит сонце, 2, на хату *леліє*“, Гол., II, 394; „ясний соколонько... далеко *сяє* (= смотрит) и видає“ (Ант. и Драг., II. п., I, 182); „ясен соколопъко... на чорнее море *сяє* далеко поглядає (ib. 192). Думаю, что слово *леліє* употреблено здѣсь двумысленно (свѣтит и смотрит) не случайно, а по связи этой пѣсни с веснянкою, которая в подобное положеніе ставит *солнце = вербу* ¹⁾ что в свою очередь объясняет, почему в приведенной веснянкѣ именно „вербовал“ дощечка.

Солнце сверху смотрит и видит далеко и широко, почему в свад. болг. п. молодая обращается к нему с вопросом, не видало ли оно ея отца, матери, роду (Милад., 486 и ib. 489, N 582, гдѣ пѣвица, обращающаяся к солнцу, находится в положеніи Ярославны в Сл. о П. Иг.). Извѣстно и широко распространено представленіе солнца колесом ²⁾. Говоря о *кроковом* (т. е. желтом, шафранном; мр. *крокіс*, *carthamus tinctorius*, гр. *хроχος*; поль. *krokosz*, чеш. *krokot*, *color croceus*, *хроχωτός*, Matzenauer, Cizi slova) колесѣ, пѣсня неоставляет сомнѣнія, что она разумѣет солнце:

¹⁾ Уже упомянутая латышская п. прямо говорит: „Солнце (Сауле, жен. р.) плетет вѣночек, сидя на *вербѣ* (вітола, мѣстный п.), Спрог., 311. Ср. также: „Каждое утро всыргивает солнце на красное деревцо...“ Трейл. в Сб. Дашк., II, N 66.

²⁾ Ав. П. В., I, 207—8, 211 сл.; Чуб. IV, 150; 155 („колус“ = колесом иде).

Кроковое колесо

Вище тину стояло,
Много дива видало.

Чи бачило, колесо,
Куди милий поїхав?

— За ним трава зелена

И діброва весела

Ст. 8—11 = 1—4

12 Куди нелюб поїхав?

— За ним трава полягла

И діброва загула.

(Записано мною от близкой моей рождественницы. Для меня достоверно, что именно так пѣлась эта п. в селѣ Перекоповкѣ, Ромен. у., в первой четверти нашего вѣка; м. б. и теперь так поется. Параллелизм здѣсь полный, т. к. „весела“ противоположно с „загула“: *цуси* в производном значеніи = лот. *gausti*, печально пѣть, причитать по мер-твом, *gaudis* печальный).

В Галицкой Руси сходная по началу пѣсня сопровож-дает хоровод, в родѣ „кривого танка“ (Чуб., III, 32—3):

Вербовее колесо, колесо

Коло гостиница (м. б. при гостинцю?) стоя-
[ло, стояло ¹⁾

Трое дива видало:

Єдно диво на діди,

Другое диво на баби,

Третье диво на дівки...

(Слѣд. 6 стих. виѣ видимой связи с этим. Зоря Галиц. 1860, 511).

Другим весняночным размѣром, в этом случаѣ, б. м., болѣе новым, чѣм предыдущій, сложена веснянка:

Ой вѣрбо, вѣрбо, вербице!

[Ти] на роспуттячку стояла,

[Ти] далеко чула, бачила;

Куда мій нелюб[ий] поїхав?

¹⁾ Послѣдніе три слога повторяются. Вѣроятно так и в моем вариантѣ.

Ой туди трава полегла,
И клең-дерево завьяло,
ІІ мое серденько застряло.

8—10=1=3.

Куди мій мил[еньк]ий поїхав?

Ой туди трава [вже] шовкова,
И клең дерево зелено,

ІІ мое серденько весело (Метл., 303—4; Чуб., III, 117). В скобки [] взяты слоги, нарушающие строгость размѣра. Та черта, что „вербовее колесо“ или „верба“ стоит „коло гостинця“ или „на роспуттяку“, в соединении с подразумеваемым желанием, чтобы это всевидящее существо сказало ту радость, что по пути ѣдет милый, а не нелюб, могла повести к перенесению роли этого существа на раст. *тренутник*, *бабку*, т. е. *принутник*, *придорожник*, *подорожник* (*leontodon taraxacum*, мр. *кіль-баба*, по цвѣтку котораго, выдергивая лепестки, гадают: „любит—нелюбит?“), или *plantago*, нѣм. *wegerich*). В Бр., на канунъ Ивана (23 Іюня), дѣвки выкапывают это растение, приговаривая: „Ты бабачка, ты галубачка! Ты при дарозе сядзіш, ты ўсё чуўш і відзіш: скажи мне праўду, за каго л замуж пайду?“ и кладут на ночь под головы. Кто при-снится, тот будет муж (Шейн, Бр. п., 142).

Как бы ни объяснялось представление солнца деревом, между прочим именно вербою, а лучшей его—вѣтвями, оно неподлежит сомнѣнію: загадка о солнцѣ: „стоїг верба посеред села, розпустила гілье на усе поділье“ (Вѣнок Русинам на Обжин., 280) = „стоїть дерево серед села, а в кожій хатці по гіллячці“ (Вѣн. ів., Номис, Приказ., 291; Ном. 290). Весьма распространенная загадка, представляющая год деревом (дубом, явором, см. Аѳ. П. В. I, 517; можно прибавить ссылку на Вѣнок и пр. 294; Bielenstein, 1000 Lett. räthsel, N 191—4; Schleicher, Litauisch. Leseb., 61) есть перенесение дневного течения солнца на годовое. Серб. вар. этой загадки говорит именно о роки-тѣ: „кита-ракита (т. е. киѣна, разукрашенная, как „кита и сватови“ = киѣни сватови), и у пој два'ест ступо-

ва; на сваком ступу има четири гнезда, у сваком гнезду има седмѣро пилића (= птенцев), свако пиле има своје име“, Ст. Новаковѣћ, Спр. загопет. 31. Соединѣніе и смѣшеніе этого представленія с представленіем солнечнаго пути мостом и кладкою дает загадки с одной стороны для года („лежит брус во всю Русь, и на том брусу 12 гнѣзд“ и пр.; „лежит колода, по ней дорога, 50 сучков да триста листьа“, Худяк., Вр. заг., Этн. Сб., VI, 45), а с другой — для великаго поста и свѣтлаго праздника: „сім миль (в. верет) мосту, а на кінці (в. на край мосту) явор на весь свѣт славен (в. *червона калина* ¹⁾), в. квіточка зацвіла, в. дивина (*verbasum*), на тій дивині цвіт на весь свѣт), Номис, Прик., 290; Худяк. *ib.* и 95). Сам Великдень, сколько извѣстно, вербою не представляется, так что нѣтъ основаній думать, что представленіе его деревом возникло через посредство Вербной недѣли (мр. вербница, болг. врьбница, мр. и бр. вербѣч) и вербы как замѣны пальмы в недѣлю вайѣ. Как бы ни было, слѣдующая болг. п. Лазарская (на Лазарево воскресенье, когда дѣвочки, украшенныя цвѣтами, ходят по домам и поют величальныя п., *лазар'ват*, а взрослые дѣвицы — *ладуват*, от припѣва *ладо*) или вербная, во всяком случаѣ по времени и содержанію — веснянка, представляет замѣчательный примѣръ ассоціаціи представленій солнца вербой и дѣвицей (солнце = „крас-

¹⁾ Калина в той же роли, как выше всевидящее кроковое (вербовое) колесо и верба, — в веснянкѣ:

Ти кално червона!
 Ти при лузі стояла,
 Ти чувала, видала,
 Що у Квіви дзвонять,
 А на ринку говорють:
 Парубоцькая краса
 У дѣттю пуринає,
 А дівоцькая краса
 В молоді пуринає
 У меду впринає.

(Костомар. в Бесѣдѣ 1872, VIII, 12; ср. выше стр. 114—6, 122—3).

ная дѣвушка по небу ходит“, Худяк. I. с. 111), дѣвицы невѣсты солнцем и вербой.

У Недини слънце грѣе;

Върбо ле, върбо, върбице ле!

То небило ясно слънце,

А е била сама Неда.

Израсла е тънка върба

У Недини равни двори;

То небила тънка върба,

А е била сама Неда.

Събрале са ъргене-те,

Да си кръшат тънки върбе...

(Каравелов, Пам. нар. быта Болг., I, 207).

Припѣвъ „върбо-ле“ и пр., повторяющийся послѣ каждого стиха, первоначально принадлежит ко 2-му мотиву этой пѣсни („Израсла е...“). Присоединяясь и к 1-му („У Недини“ = в домѣ Неды) он и внѣшним образом указывает на однозначность его со 2-м. Последніе 2 стиха („Собрались молодцы — женихи, чтоб ломать тонкія вѣтки“...) сближают эту пѣсню с обширным кругом пѣсень о міровом деревѣ, который составит предмет особаго изслѣдованія. Между прочим это дерево отождествляется с невѣстой; к нему слетаются соколы (= женихи, сваты). Болѣе тѣсное родство по содержанію и размѣру (4+4) имѣет эта п. со слѣдующими свадебными:

Над рѣкою, над быстрою

Ладо, ладо!

Стоит верба семь сот вѣток,

Семь сот вѣток и четыре,

А пятая золотая.

Тут ѣхало семь сот бояр,

Семь сот бояр и четыре;

Всѣ сломили по вѣточкѣ,

Всѣ сломили по вербовой,

Ивану-свѣт (= жениху) вѣтки пѣту.

Ему вѣтка золотая,

Золотая вѣковая,

То Настасья молодая.

(То же поетя о дружкѣ и свашкѣ. Коханов., Нѣск. бояр. п., 98, Рус. Бес. 1871, II). Этот вар. Ст.-Осколь. у. Кур. г., б. м., есть лишь переложеніе на вр. звуки малорусскаго варіанта, по припѣву и упоминанію золотой вѣтки (намек на мифологическое значеніе образа) болѣе архаичнаго, чѣм слѣдующій, снабженный запѣвом „птица с высоты видит сцену дѣйствія“.

Ой луговая зузуленько, 2

Рано, рано!

Чи всі луги облинула,

Да ранесенько!

Не так луги, як лужечки?

Нестій вербо над водою, 2

Да звий собі сім сот квіток,

Сім сот квіток и чотирі.

Да їхали мимо тебе . . .

. . . Сім сот бояр и чотирі

Всім боярам по квіточці,

Ивапкові квітки нема[є]:

Иванкові квітка — 2

Да Маръечка дівка. (Чуб., IV, 199).

В другіе вар. (Чуб., ib., 118, 173, 268) введен мотив:

Да нестій, вербо, *розвивайся*,

(срб. листај) т. е. выходи замуж ¹⁾. Это представленіе под

¹⁾ *Розвивайся*, см. выше, стр. 49—50, а также слѣдующее:

Ой вербо, вербо, вербице!

Час тобі, вербице розвиться;

Час тобі, Иванку, жениться.

—Ой ще нечас, непора:

Ще-ж моя дівчина (=верба) молода . . .

Чуб., III, 214.

Стоїт верба над водою, розпустила гілля;

Уберайся, дівчинонько; днесь твоє весілля,

Гол., II, 784.

Ой шуміла ліщинонька, як ся розвивала;

влияніем ассоціації „лист (как шумящій=говорящій), слово, разум, мысль“ ¹⁾ ведет к сочетанію:

Нестій, вербино, *роскидайся*;

Несида, Марусю, *розмишляйся*;

Ой плакала дівчинонька, як ся оддавала,

Гол., II, 783.

Розвивайся, лозо, борзо а в чотири листи;

Як до тебе, моя мила, річку перебрести?

ib., 617.

Тополя, Гол., III, 255.

Нерозвивайся, сухий дубе... неженися, Чуб., V, 968; ср. ib., 158; Гол., III, 137; I, 243, 261; II, 755. По связи женьдбы со смертю „розвився бучок... загиб Н“, Г., I, 55.

„Розвивайся дуже“=сватай, Чуб., V, 115; противоположеніе „розвивайся... несподівайся“, ib., 429.

Сходно с этим „нехрестися барвіночку... неженися“, Гол. II, 434 (=нестелися, хрещатий барвінку).

¹⁾ К сказанному об этом сочетаніи в моей статьѣ О связи нѣкотор. представл., Фил. Зап. 1864, прибавлю еще слѣдующее. Сравненіе „*листя рясні — слова красні*“ (Гол., II, 763) предполагает сравненіе „*ряса — краса*“, с конем сродно „*широкій лист — красота*“ („Широкий лист на калині (дѣвица), А ще ширший на дубочку“; „Широк листок на калині, Еще ширій на яворі“, Чуб., V, 218; Гол., II, 535), „*широкій лист — любовь и страданія от нея*“, Гол., II, 774; 365 („листочок широкий... люблять молодичі“);

Висока верба, висока верба

Широкий лист пускає;

Велпка любов, тяжка розлука

Серденько зриває

(Гол., II, 255; ср. ib., 267).

Отсюда „лист опадає — милий покидає“ (гибнет любовь), „листочок ся стелит — милий ся женит“ (Гол., II, 349, 773²). Ср Цвіт опадає, Гол., I, 266, 281. Молодые лѣта пропадают как опадает цвѣт (Гол. III, 337), как опавшія осенью, уносимыя вѣтром кленовыя листья (Чуб., IV, 410=Метл., 222; Лотышскія п. у Спрогиса, 298, 1, и; Трейланд в Сб. Дашк., II, N 492, 594; Лермонтова „Дубовый листок...“; „літа завилця в кленовий лист“, Гол., II, 301; ср. ib., 781—2).

Лист — хист, Чуб., V, 9, 196; *лист — розум*, Гол., II, 832. *листоньки — мислоньки*, Чуб., IV, 118 (N 142).

Чим свого свекорка називать будеш?

(Метл., 159; Чуб., IV, 207).

Сочетаніє „дѣвица = верба, дѣвица = солнце, солнце=верба“, данное в вышеприведенной лот. п. (стр. 153 примѣч.) и усматриваемое мною в болгарской (стр. 157) и сродных, мнѣ кажется заключено и в слѣдующей Пилской веснянкѣ, по началу примыкающей к пѣснѣ на стр. 158, прим.

Ой верба, верба, вербіста (-ца?),

Чого на море нависла? 2.

Под тую вербу счежечка,

Туды (мі?) ішла дівочка,

Да несла золото в приполі,

Да розсыпала ~~на~~ мори.

Кліче бацюхна з комори:

„Ходзі, бацюхно, зо мною,

„Зберим золото з тобою

„На шолкову ніточку,

„На серебряну йголочку!“

—Да немогу, дзєцятко, немогу:

(І)з жалю ручок нездойму,

За слюзонькамі небачу! (Zieñk. 136—8).

Чтобы понять эту изящную пѣсню, нужно освоиться с традиціонным ходом мысли и способом выраженія. Так, чтобы понять, что запѣвъ этой пѣсни (ст. 1—3) есть не изображеніе обстановки, а символ, находящійся в болѣе внутренней связи с дальнѣйшим, нужно знать о существованіи поэтическаго приема, состоящаго в превращеніи символа лица (его образа) в его обстановку (в мифологію образа в атрибут, ср. стр. 9). Приведу примѣръ этого, которым прійдется воспользоваться и ниже. Скрип хаты—горе хозяина:

Ой чого ти поскрипуєш, смерекова хато?

Нема добра в нашім селі, бо панів багато.

(W. z Ol., 188; Гол., II, 294).

Кто замѣтил, какое впечатлѣніе производит в вѣтер скрип

дерева, на пр. когда оно трется о другое, тот поймет естественность сравненія:

Заскрипіло деревцо йа у лугу стоячи;

Заплакала юдова свого сина годуючи,

Гильтебр., Пам. п. тв., 53.

Но в слѣдующем пѣсня как бы несравнивает плачущей дѣвицы и скрипящей липы, а сажает дѣвицу под эту липу:

Скрипіла липонька, скрипіла,

Під нею Марисенька сиділа,

Просплася в матінки и в вітця:

„Недайте мене за вдівця!“

(Гол., IV, 294).

Так и в приведенной веснянкѣ *верба*, под которою илет дѣвица, есть образ этой послѣдней. Значеніе этого образа здѣсь — формальное, служебное: он относит дальнѣйшее к болѣе общей категоріи поэтических образов, устанавливает связь частнаго и общаго, именно относит дальнѣйшій образ к категоріи веснянок, т. е. приурочивает его к положенію дѣвицы, у которой замужество еще в будущем, а не невѣсты, как ниже.

Главное содержаніе пѣсни относит ее к обширному и представляющему много подраздѣленій семейству славянских (русс., серб., болг. и др.) пѣсень на тему „милый лучше отца, матери, роду — племени“. Одно из подраздѣленій — „не отец и пр. спасет от опасности, выручит из бѣды, *поможет в трудной работѣ, а милый*“, т. е. не с отцом жить, а с милым. Одна из таких работ — *собиранье разсыпаннаго золота, бисера* и пр. Так в свад. п.:

Іде Маруся од вінця,

Сіє золото з рукавця,

За нею батенько ступою,

Збирас золото рукою.

„Мій ти батеньку, незбереш,

„А свої слёзоньки розуллиш

(Чуб., IV, 286; тоже к матери, *ib.*, 298—9) ¹⁾, т. е. не-

¹⁾ В бр. Єхала Агатка да венца,

собереш, а еще болѣе разсыплешь, ибо *это золото — слезы* (которыя утрет только мялый):

„Ой матінко та голубочко!
Приснився мені сон дивненький:
З раю пташки вилітали,
Чорний шовк поснували,
Дрібне золото порозсыпали!“
— З раю пташки, то — твої дружки,
Чорний шовк, то — твої кіски,
Дрібне золото, то — твої слѣзки.

(Чуб., IV, 255).

„З суботонькі на недзіленьку
„Снівси мені (невѣстѣ) сон дівненькі:
„Сівы голубы да наленулі
„Білы жемчуг (вм. żemczug) розвернули,
„Жыве золото розсыпали.
— Да мое ж дзіцятко родне!
Малоумны розум маеш,
Що сёго сну незгадаеш.
Сівы голубы — сваты твое,
Білы жемчуг — коскі твое,
Жыве золото — слѣзкі твое.

(Zienkiew., Pios. gm. ludu Pinsk., 58).

Это — относительно-позднѣйшее примѣненіе образа первоначально неимѣвшаго никакого отношенія к слезам ¹⁾,

Сыпала золата з рукавца.
Хто эта золата наберець,
Той мяше на вянец павядзець.
Пабярзець золата меньши брат,
Павядзець на вянец больши сват

(Эти. Сб., III, 260).

¹⁾ Сравненія золота и слез еще нѣтъ в бр. свад.:
За варатамі трава мурава золатам насыпана:
Агатка ішла золата нясла, золата разсыпала,
За слѣзками, за дробными, золата несабрала,
За жаласцяй, за вялікай, мамачкі непазнала.

Эти. Сб., III, 260.

как и сѣянье дѣвицей жемчуга и драгоценных камней в болг. Лазарской п., примыкающей, подобно многим другим Лазарским, по размѣру 4+3 к первому разряду разматриваемых здѣсь веснянок:

Шетала с мома-та,
Къдѣ-то с шетала,
Бѣли поли вѣяла,
Ран босилек сѣяла.
Не ся роди босилек,
Нѣ ся роди маргарит
И безцѣно камене.
Надо'дохѣ златаре
Да си цѣвѣт камене;
Не цѣнихѣ камене,
Нѣ цѣнихѣ мома-та.

(Чолаков, Бѣлг. нар. сборник, 35).

Черты, коими изображена дѣвица здѣсь и выше, разсыпание золота *на морѣ*, сѣянье жемчуга, уже встрѣчались выше: „Слала китайку (т. е. червону) ¹⁾ по морю“ (стр. 138 сл.), „сѣяла поле дрібнов жемчугов“ (стр. 136). Подобными чертами лот. пѣсня изображает солнце:

„Солнце заходит вечером, бросая (или „катая“) золотое яблоко; с утра, восходя оно (ж. р.) сѣет чистое серебро“, Трейлана в Сб. Дашк., II, N 85.

„Солнце сѣяло серебро на пвистом срубѣ (розчисти); посѣй, солнышко, и мою долю (часть этого серебра), хоть на краешкѣ пня“ (ib. N 67), как в другой п. (Спр. 311)

¹⁾ Ср. червонная короков, стр. 50. *Червецъ*, символ дѣвства невѣсты, которая

Черчиком обсеипана,

Калиною обтикана (свад.; ср. Чуб., IV, 449, 452).

В воскресенье вечером поют:

... Коробочку миши проїли,

Посипався черчик до долу;

Час вам приданки до дому!

Ми будем черчик збирати,

Та до свѣта будем гуляти, ib. 455.

дѣвица просит, чтобы солнце вьющее вѣнки, сидя на ивѣ, дало и ей вѣночек, ибо ей нужно ити замуж.

В мр. и болг. п. (стр. 160—3) образ солнца — дѣвицы, сѣющей золото, перенесен на дѣвицу — невѣсту, в чем и состоит, конечно, теперь утратившее смысл величанье послѣдней. Но и солнечная дѣва представляется, как мы видѣли, и вербою (между прочим вербою с золотую вѣткою или квіткою); поэтому можно бы ожидать встрѣтить представленіе солнца, или другого свѣтового явленія, деревом роняющим золото, жемчуг и т. п. Такое представленіе дѣйствительно есть и играет весьма важную роль в колядках. Во избѣжаніе новых и многочисленных отступленій, я до времени оставляю его в сторонѣ, возвращаясь к мотиву веснянок:

Собирать разсыпанное с милым.

В русальной п., послѣ запѣва (ст. 1—4: „Проводили русалочки . . .“), указывающаго на время, когда поется п. (на Зеленой недѣлѣ, когда „завивают вѣнки“, „прогоняют русалок“, т. е. ходят в лѣс и готовят там яичницу и др. кушанья):

- 1 . . . Перед варатьми далина,
Ой рана, рана, далина!
А в той далині калина,
Ой там Ганшачка гуляла,
Жемчуг—намисты абарвала.
- 5 Ой туды їхав нелюбый,
(Ой) став з коника злезати,
Жемчуг—намисты збирати.
„Незседай нелюбый з коника
Не з табою (я) гуляла,
- 10 (Жемчуг) намисты парвала.
11—4 = 1—4; 15 = 5 . . . миленький;
16—7 = 6—7; 18 = 8 Збирай (нужно
бы „Ой зседай“); 19—20 = 9—10 З та-
бою.

(Юриновка, Новг. сѣв. у. Черн. г., Черн. Губ. Вѣд. 1855, N 22=(с украинской фонетикой) Чуб., III, 189). Отноше-

ніе калины к дѣвицѣ такое же, как выше (стр. 160) вербы. Общій план пѣсни (нелюб — милый), как выше стр. 138 сл., 154. К этой веснянкѣ примыкает по размѣру сербо-хорв.:

Зелена мила дубрава,
По кој се лубе два драга;
Лубећ јих најде шкура ноћ.
Ај почне се драга плакати,
Ај како ће мајка лагати.
Почне ју јунак тишити:
„Лахко ћеш мајки лагати,
„Да ти се ј' бисер потресал,
„Да си га брала летни дан.

(Mikuličić, N. prir. i pjev. iz Hrv. primor., 153—4).

Вр. (Арханг. г.):

Во теремѣ дѣвица сидит,
Ожерельице жемчужное садит.
Разсыпала ожерельице
По всему высокоу терему.
Несобратъ, несобратъ жемчужку
Ни батюшкѣ, ни матушкѣ,
Ни братцам, ясным соколам,
Ни сестрицам, бѣлым лебедям;
Соберет, соберет жемчуг
Удалый добрый молодец,
Со душой красной дѣвицей.

(П. Якушкин, Р. п., 177—8).

Соединеніе подобнаго мотива, заключавшаго в себѣ, вѣроятно, упоминаніе моря или озера (ср. выше „розсыпала золото на морі“) с другим, „перевоз через воду — брак“ (дѣвицы неперевезет ни отец, ни мать... но милый)—в слѣд. сербской хороводной („у колу“):

Бисер Мара по језеру брала,
Према себе свога бабу звала:
„Дођи, бабо, и доведи лађу
Да возимо бисер из језера!“

Но неотзывается отец, ни мать, брат, сестра; на конец

Дође драги и доведе лађу
И изведе из језера Мару, Кар., П., I, 201.
Слѣдующая, кромѣ общаго сходства мотива (разсыпанье жемчуга), и по размѣру (4+3) примыкает к болгар. „Шетала е (стр. 163). Дѣвица говорит:

... Дођ' довече, драгане!
Ја сам бисер просула,
Да поможеш купити
(в. Помози ми низати
И у киту китити).

Дальнѣйшіе стихи доказывают, что рѣчь о любви (Кар., П., I, 179—80; Пјес. из Херцег., 228). За позднѣйшее видоизмѣненіе считаю то, что в хорв. п. того же размѣра помогает собирать жемчуг подруга:

Спале, спале лубе две,
Прва ми се преспала,
Била јако жалостна.
„Луба, кај си жалостна?“
—Как би неб'ла жалостна?
Гјунгјек сем ресипала.—
„Ниш небуди жалостна:
Бомо га скуп зебрале
На жиорицу низале,
Ж јим си надра кинчале
Пак јунаке лубиле.

(Plohl-Herdv., Hrv. n. p., 55).

Слѣд. болгарская представляет дѣвицу сидящую за обтерненной оградой, которой и птица неперелетит; черта, приближающая нас опять к мотиву: сокол похищает „дивоцькую красу“ (стр. 116 сл.).

... Седна̀ла е малка мома...
... Дробен бисер (да) си нижи...
... Там помина̀ лудо младо...
„Мила момо, цѣрнооко!
Бог да бист твой-те брате,
Што викна̀ха майсторе-то
Та зидах̀а дворове-то;

Не им стига ¹⁾, што зидахъ:
От горе тѣрне кладохъ
Да не пиле си пролете,
А не човек да помине.
Чин ми прелиз да поминѣ;
Јаз при тебе да си дойдам,
Две те гердан ²⁾ да нижимо,
Дробен бисер и флорини.

(Миладин., 410—11).

Милый и разсыпает жемчуг.

Серб., размѣра 4 + 3 (см. выше):

Јунак мамѣ дјевојку . . .
. . . Развија јој жут кавад ³⁾
И везену кошуљу,
Просу бисер на грлу.
Стаде злато плакати,
Млад је јунак тјешити:
. . . Ја ћу бисер низати
С тобом, душо, и са мнош

(Кар., П., I, 439; ср. Верковић, Н. п. Макед. Буг., 220).
Ета „шкода“ и утѣшење соотвѣтствует русс. свад. пѣснѣ,
разсмотрѣнной в одном отношеніи выше (стр. 8), а еще
болѣе слѣдующей:

Сокол просыпает жемчуг.

Свадебная. Как сидѣла я во теремѣ

И низала-ли жемчужинки

(в. Я низала себѣ шапочку

Я по алому бархату) . . .

Не отколь взялся ясен сокол,

Он взмахнул правым крылышком,

Он задѣл им за тарелочку,

За тарелочку серебряну,

Он просыпал всѣ жемчужинки.

Как расплакалася дѣвица

Стоючи перед батюшкой . . .

¹⁾ Мало им того, что . . . ²⁾ Ожерелье. ³⁾ Платок.

„Ты неплачь-ко мое дитятко:
Созову я князей бояр,
Подберут твои жемчужинки
До единого зернышка.

(Гуляев, Этн. оч. юж. Сиб., 12; Сах., Ск. Р. н., кн. 3, 139).

Сокол похищает разсыпанный жемчуг.

Если вышеприведенная болг. п. (стр. 166—7) о дѣвицѣ в обтерненной оградѣ, которой и птицѣ неперелетѣть, и о молодцѣ, который просит сдѣлать ему перелаз, этими чертами напоминала мр. п. поль. свадебную

U nasy pani (невесты) gęsty sad,

Nie przeleci tam zoden ptak,

Tylko jeden... (жених)

(Kozł., Lud, 38—9; Гол., IV, 303, 398),

то слѣдующая сербская и по размѣру тождественна с этою свадебною:

Скочила скоком јабука,
Удрила граду у врата,
Просу се бисер из града.
Сави се ¹⁾ тица соколе,
Покупи бисер под перја,
Стаде ми лећет' узгора ²⁾.
Виђоше младе ђевојке,
Фатише сивог' сокола,
Отеше бисер из перја.
Прокле их сиви соколе:
„ђевојке, среће немале!
„Доцна ³⁾ се ви поудале!
„Ни једна момка нестекла,
„Но стара, али удовца!“

(Кар., П. из Херцег., 260).

Подробное отнесеніе всего этого к тому или другому явленію природы, скорѣе всего к восходу или закату солнца, считаю затруднительным; но думаю, что только мнѳологическое преданіе могло повести к столь странному сочета-

¹⁾ Слетѣл. ²⁾ = Ѹзгори, вверх. ³⁾ Поздно.

нію черт. Катящееся яблоко, ударом раскрывающее ворота города, из коего разсыпается жемчуг, по видимому, может быть только солнце ¹⁾. Что бы ни изображал собою сокол—молодец, по всяком случаѣ здѣсь такое же примѣненіе мѣта к весняночному антагонизму дѣвиц и молодых, как в вышеразсмотрѣнной веснянкѣ

Дівки... терем будовали

Ой щоб невилітав сивий соколошко,

Ой щоб невиносив дівочкої краси.

Погоню за соколом мы видѣли выше в Индійском и Скандинавском мѣтѣ; но „дѣвья красота“ здѣсь не мед—роса, а свѣтъ. На сколько глубоко в древность идет вѣтъ почвы славянскаго преданія это видонзмѣненіе мѣта, пусть остается вопросом; в славянских пѣснях мы еще встрѣтимся с таким же или подобным.

Здѣсь пополню пропуск. Сочетаніе „отворять ворота“ (болг. „отвори порти“ и жемчуг, стр. 56, 48—53), Сокол и дѣвья красота (стр. 122 и 136) встрѣчается в Ю. Италіи. В Glambattista Basile, Pentamenoul, übertr. v. F. Liebrecht, I, 152, упомянута слѣдующая игра (ib. 402). Играющіе взявшисъ за руки образуют круг, внутри коего один, „сокол“ (farcone) поет:

Aprite, aprite porte

A povero farcone,

или

Apere le porte

Ca farcone vole 'ntrare.

При этом плышущіе кругом поднимают руки (дѣлают ворота) и поют:

Le porte stanno aperte,

Si farcone vole entrare

¹⁾ См. выше стр. 58—61, а также слѣд. веснянку:

Котилось яблужко з гори до долу;

Час вам дівочки з гуляння до дому

(Чуб., III, 131).

(Ворота отворены,
Сокол может войти).

„Сокол“ старается проскочить в „ворота“. Если ему это не удалось, он остается в кругу и игра начинается снова. „Entrare“ войти, а не „uscire“ выйти, показывает, что первоначально сокол находился внѣ круга, за воротами. С этим ср. в сказкѣ (ib. 136) обращеніе к (мнимой) красавицѣ; по началу сходное с дѣтскою пѣсней в дождь (ib. II, 253): „выйди, выйди, солнце! обогрѣй меня, царица, покажи свои прелести... отвори двери бѣдному соколу“. В ск. (ib. II, 197=*la belle au bois dormant*, *Dornrose*, ib. I, XV) сокол садится на окно замка спящей красавицы Талии, вслѣд за ним проникает его господин и „срывает там плоды любви“.

Возвращаюсь к веснянкѣ „вербоная дощечка“ (стр. 152). Ассоціація этого мотива с

Покочу я золото, золото,

А ви, хлопці, в болото и пр.

есть внѣшняя, необразующая художественнаго единства. Кромѣ тождества размѣра, она основана на том, что как ходящая по дощечкѣ, так и катящая золотой перстень, есть солнце (стр. 68 сл.) и вмѣстѣ дѣвица. В „Покочу я и пр.“ она еще смотрит с презрѣніем на всѣх хлопцев без разбора; но могла быть веснянка того же размѣра, в которой катящая золотой перстень могла быть представлена так, как верба в „Ой вербо...“ (стр. 154), именно различающею между милым и нелюбом. Как бы ни было, сходный образ есть в веснянках двух других размѣров, кромѣ тѣх (4+3; 5+3), на которые до сих пор приходилось обращать вниманіе:

а) Чуб., III, 141—2; ср. Zienkiew., 202. Размѣр $2[2(6)+2(6 \text{ до } 8-и)]$.

1 Ой нерости, кропе, 2. високо та й у городі; 2.

Ой неходи, старий 2. коло моїй хати, 2.

Ой нетопчи старий кудрявої м'ятц.

Я того старого од роду нелюбила,

5 По ёго слідочку каменем да покотила:

Ой як тижко-важко каменю да покотитися,

А ще тяжче-важче старому да женитися.

8=1 ... порости; 9=2 походи молоденький; 10

=3 ... потопчи м.; 11=4 ... молодого ... по-
любила; 12=5 ... персником (v. яблочком).

Ой як легесенько перснику да котитися,

А ще й легше, легше молодому да женитися.

Укроп, раз посѣянный на огородѣ, сам сѣется и почти уже не выводится и заполонил бы все, если бы его не выпалывать. Отсюда это образ немилаго, надоедливаго. В этом смыслѣ, как ироническое пзображеніе, как насмѣшка, он пара ромену (дикий ромашкѣ, мой Разб. П. Головац. 31) в веснянкѣ (или купальской?):

Окріп та ромен; Петречко умер!

Біжіте, дзвоніте, Настеньці скажіте.

Настенька біжить, серденько болить:

„Петречку серденько; невмірай раненько!“

(В. Пасек, Оч. Росс., I, 98; ср. также Костомар. в Бесѣдѣ 1872, VI, 35).

Камінь, т. е. млиновий, мельничный жернов, как представленіе горя, несчастнаго супружества—Гол. III 241.

б) Ой високо клен-дерево має...

(Метл., 115). При помощи опущеній легко возстановляется строгій размѣр 4+6. Что это веспянка, видно нетолько из содержанія, сходнаго с а), но и из того, что пѣсня с таким же началом у В. Пасека, Оч. Р., 178, названа весвянкой.

6. Горѣть, горю-дуб и пр.

Нѣкоторые вар. вышеразсмотрѣнной п. „Вербовая дощечка“ говорят о пылающей дубровѣ и ея гашеньѣ, что вызывает слѣдующее отступленіе, направленное к объясненію этого и других сродных весняночных мотивов.

Огонь — любовь. Н. И. Костомаров говорит: „общее в поэзіи других народов сравненіе любовнаго чувства с жаром, пламенем, почти чуждо малорусской поэзіи, если из области ея выбросить пѣсни недавно заимствованныя“, почти, т. к. исключеніе составляет только игра в „горю-дуба“ (Истор. знач. ю.-р. пѣс. творч., Бес. 1872, IV, 64). Я же и теперь, как прежде (мое соч. О нѣкот. симв., Харьк. 1860, 24), думаю, что малорусс. и. поэзія в этом отношеніи не составляет исключенія.

Как вр. пословица „любовь не пожар, а загорится, потушить“, которой нѣтъ повода считать заимствованной, так и мр.

Ти не пожар, 2. а я не билина;

Незводь мене из розума, бо я сиротина (Максимович, Собр. соч., II, 511), предполагает положительное сравненіе: „любовь — пожар“. Ср. вр. „пожар не-ярко горит=муж (не)любит и потому) небыет:

Ах, что этот за пожар? Он неярко горит,

Он неярко горит, только смахивает ¹⁾);

Ах, что это за муж? молодую жену небыет...

(Терещ., IV, 324).

Коли палиш сіни й хату, пали й обороги;

Коли идеш до дівчини, непитай дороги.

Коли палиш сіни й хату, пали-ж и оденки;

Коли идеш до дівчини, непитайся неньки

(Гол., III, 362), т. е. „коли любиш, люби дуже“. Невполнѣ ясно, хотя несомнѣнно относится сюда же, слѣд.:

Запалю я крайну хату на всі штирі кути;

Сам незнаю, куди маю конѣм повернути.

Навернув бим горі селом, та немаю д'кому;

¹⁾ Т. е. *всмахивает*=вспыхивает, мр. *подомня паше*.

Та неверну долі селом д'закоханю мому.

(Гол., IV, 448).

Горит (кипит) = *болит* серце по ком; *жар* = *жаль* (от любви и вообще).

Вр. Не огонь горит, не смола кипит,
А кипит-горит ретиво серце,
Не по батьшкѣ, не по матушкѣ,
А кипит-горит по красной дѣвушкѣ,
(Терещ., IV, 325).

Коломню запалили, Коломия горит;
Тако й мене за миленьков головошка болит.
Вигоріла Коломия, лишилися ильми;
Ой любко ма солоденька, то-ж за тобов жпль ми
(Žeg., Р., II, 195; ср. Гол., II, 248, 776; IV, 463).
Вигоріла Коломия, вигоріли Кути;
Ой ми би се поженили (віс, вм. не-) коби не ре-
крути,

а при этом зачѣм и любовь и брак?

На що мені жепитися, на що мені долі,

Коли мені в Коломиї карабин на столі?

(Гол., II, 378; ср. ib., 379).

На представленіи любви (желанья) огнем основаны нѣкоторыя заговоры („присушки“) и любовныя чары (мой соч. О нѣкр. симв., 32—3; Мр. п. по сп. XVI в., 21). Кипѣнье горшка ¹⁾ с чарами производит в привораживаемом тревогу („Ой став корінь кипіти, став ся милий жури-ти...“ см. в моем Разб. п. Голов., 18 сл.), жар, жажду, пестет его по воздуху, при чем он кричит *нить, нить* (Квітки, Копотопська відьма; Rulikowski, Opis row. wasyulkow., 165; Кулиш, З. о Ю. Р., II, 39). Отсюда видно, что представленія любви огнем и жаждою сродны. Отсюда связь между „подай пити“ и „горе“ (см. *капючить* в моем соч. К ист. зв., III, 19—20). Орел кричит „*нить*“,

¹⁾ Сходное представлєніє горя в серб.: „жєца мужа коротује (=жали) колико при землапа ппцата (=глиняный горшок), кад се с огна дигне“, Кар., Посл., 80.

а потому и с опущеніем этой черты его полет—образ горя (см. *ib.*). Тоже без объективных оснований перенесено на ворона в слѣдующей некрасивой, но довольно сложной по происхожденію пѣснѣ:

Летит ворон з чужих сторон, та крыльцями фай, фай!

Як піду я з сего села, комусь буде жаль, жаль.

Летит ворон з чужих сторон, а він *неголоден*;

Ой тот буде жаловати, хто мене негоден.

(Гол., II, 358). *Фай*—*жаль* предполагает нижеприводимую ассоціацію *жаль*=*жар*; но кромѣ этого „неголоден“ предполагает, что и в первом двустипіи подавлена мысль о чем-то подобном, именно я думаю, смутное воспоминаніе о „подай море пити“.

Кто подает пить, утолит любовное страданье, утѣшит

Ой вийду я на улицю — солома горить;

Сюди гляну, туди гляну,—дівчина біжить.

Нехай біжить, хоть небіжить, я *води недам*:

Иди собі, дівчинонько, під зелений гай

(Чуб., III, 153). Относительно „солома“ ср.:

Ой поїхав мій миленький до Львова, до Львова,

Та згоріло серце мое, як житна солома

(Гол., II, 345).

Ой учера из вечера солома горіла,

Прийди, прийди, мій миленький, бо-м ся розболіла,

А на яку розболочку? та на головочку;

Прийди, прийди, мій миленький, хоть на годиночку

(Гол., II, 322).

Сеї ночі о півночі солома горіла;

Як єм любку поціловав, аж ся розболіла

(*ib.*, 282).

Солома палає—дівчина вмирає, Чуб., III, 134, 138.

Полонина горіла—*Н* ся розболіла, Г., II, 437.

Ой татуню мій миленький, татуню соколе!

Недай мене в темні гори, дай мня в чисте поле:

Волю я в чистім полі соломов палити,

А ніж маю в темних горах світонька незріті

(Гол., II, 777²; *палити*—топить в печи, как образ печали

(см. ниже)? или же, м. б. *палати*, или стар. *політи* = н.-сл. ст.-русс. *полюти*, пылать как солома=горевать?).

Словац.: Videla som v lese ohňom sosnu horet;

Može teba za mnoom srdce bolet

(Sbor. Mat. Slov., II, 75).

„Негорить—нелюбить“, в связи с чѣм „курить—дурить“:

Зеленая ліщинонька негорит, ай курит;

Молодая дівчинонька нелюбит, ай дурит

(Гол., II, 809; люльку курит—дурит, Гол., I, 123).

Зеленая ліщинонька, лиш ся припалила;

Наша любов непропала, лиш ся притаїла

(ib., 810).

Это последнее, под влияніем сочетанія, в родѣ „калина неспіє=козак любить, заняты неспіє“, видоизмѣняется так:

Ще калина непристигла, лише попалїла;

Наша любва непропала, лиш ся притаїла

(Гол., II, 322).—

Єшем в печі ненаклала, а уже ся курно;

Я нікого нелюбила, люде брешут дурно,

(Гол., II, 820)=

Єще-м огня ненаклала, тріски ся импли;

Єще-м любка нелюбила, сусідки вчинили,

т. е. оклеветали (Гол., II, 417; III, 378).

Жар — *жаль*, откуда *куриться* — *журиться*, *димно* — *дивно* (в смыслѣ „печальпо“), мое соч. О нѣкр. симв., 24—5, 58; Гол., II, 283, 358; IV, 464). „Ватерка ся курит — дівчина ся журит“, Гол., II, 361. „Гора куриться, дівка журиться“, Гол., III, 399.

Сырыя дрова—*горькій дым*=*горе*:

Ой закурила, затопила сирими дровами;

Нема-ж мого Абазяна з чорними бровами;

(Гол., I, 12; ср. ib., IV, 468), т. е. горе—от отсутствия милаго.

Сирові дирва—гіркий дим;

Ожевив бим ся, нема с ким

(Гол., II, 235; IV, 518)=

=Сирова дрва, жугак дим;

Спала би, рожа, нїмам с ким,
(Kurelas Jaške, 7).

Нїт дьму — нїт горя, имено там, гдї живет милый:
Горове, горове! то по нас дьмове,
Лем там дьму нее, де мой милый жїе
(Гол., IV, 519),

в том смыслї как в вост. мр.

„Тїлки менї веселенько, де мое серденько!“

Дуброва горит. Здїсь встрїчаються двї различни точки зрїня.

Во 1-х, „куриться=журиться“ противопологается горїню, при чем *горить*—*жить* (в счастья, в добрї), быть засватанной, быть замужем, работать:

Осичино-березино, чом негориш, тїльки куришся?

Молодая дївчинонько, чом неживеш, тїльки журишся?

—Коли б же я підпалена, то-б горїла, некурилася;

Коли б менї добра мати, то-б я жила, нежурилася
(Чуб., V, 548; „добра мати“: м. б. добрї мати; = Шейн Бр., 257, гдї ст. 1=1 Зелїная дубровонька; 2=2 ... удо-
вонька; 4=4 ... ,добро было). В моем вар. ст. 4:

—Коли б же я засватана, неплакала б и пр.

Ой зелена дубровонько, чом негориш, але куришся?

Ой молода дївчинонько, чом неробиш, але журишся?

Ой як би я суха була, горїла бим, некурилася;

Ой як би я мужа мала, робила бим, нежурилася

(Гол., I, 278).

Таким образом „дїбровна (суха) підпалена=дївка засватана“.

Во 2-х, упомянутого противоположенїя еще нїт, а *горить*—болїть за кїм, как у Островскаго:

Бастрюков. Тужить недумал, довелось тужить.

Дубровин. За что, про что сыр бор горит?

Бастр. За дївку.

Согласно с этим в моем соч. О нїкотор. симв. 10—11 и у Н. П. Костом. Истор. зн. и пр. Бес. 1872, IV, 64, объясняется весенняя игра „в горїлки“, пск. *огарыши*, мр. в *горю-дуба* (Терещ., Б. Р. н., IV, 28, 316; Максимович, Собр. соч., II, 510; Чуб., III, 93, 101; Костом. I. с.).

В мр. игрѣ горящая, изображающая паробка, говорит: „горю, горю дуб (v. пень)!“ — *чою-ж* ти гориш? „красної панни“ и пр. В этом выраженіи („горю дуб“) яменительный дуб может рассматриваться как предикативный, входящій в состав сказуемаго (мое соч. Из запис. по русс. грам., II, 73). Сочетаніе такого падежа с глаголами, кромѣ означающих вещественное и идеальное возникновеніе, чрезвычайно архаично ¹⁾. Отсюда, как сложное имя — „в горюдуба гратись“. Этой послѣдней формы неслѣдует смѣшивать с родительным образа дѣйствія в поль. *stać dęba*, мр. „*goriçereva* плисти“, „най я ся вхоплю (за сани), *гайдука* стану“ (коляд.). Родительный дополненія „красної панни“ показывает, что *горю* по значенію отнесено ко глаголам желанія, как *хотіти*, *бажати* и т. п. Игра предполагает горящій дуб (стар. *дуб* дерево вообще) как образ любви, желанія. В сродном значеніи печали или заботы и в примѣненіи к дѣвицѣ мы встрѣтили этот образ в веснянкѣ (стр. 139):

Ой горе, горе сухой дубе,

Паше полюбил через води,

гдѣ подлежащее — в формѣ звательнаго, а *горе* не сущ. ср. р., а 3-е лицо настоящ. вр., как в поль. „*ogień gore*“; „*gwałtu! gore!*“ и пр. (Linde, *gorzeć*). Такое толкованіе согласно и с началом вар. этой веснянки, записаннаго мною от женщины из с. Рубіжні Волочан. у.:

1 Ой сухой дубе, гориш дуже,

Паше поломъя через воду, 2

Ой через поду на слободу, 2

Де Катерина биль білила, 2

5 А биль білила, шиття шила 2

Й а к тому шиттю говорила: 2

„Ой шиття мое, білесеньке! 2

¹⁾ Примѣров мало: „старцем (дат. мн.)... лежю притѣча къ наказанію“, Калайд., Пам. р. слов. XII в., 46; Неубойтесь вы родители: Не *огонь* иду, не обожгу, Не *змля* плыву, не облюблю, Барс., Прпч., 56.

- „Ой як я пійду за милого, 2
 „То виперу тебе в Дунаєчку, 2
 10 „Висушу тебе на сонечку, 2
 „Скачаю тебе на столічку, 2
 „Сховаю тебе у скринечку“. 2
 Ст. 13—8 = 1—6.
 19 „Ой шиття моє тонке біле! 2
 „Ой як я пійду за нелюба, 2
 „То виперу тебе в калюжніці, 2
 „Висушу тебе у димниці 2
 „Та скачаю тебе на землящі, 2
 „Сховаю тебе у бодніщі“¹⁾.

Этот горящий сухой дуб, кромѣ ближайшаго символическаго значенія, может быть сблизен с обрядным „дубом“, т. е. высокою жердью с прикрѣпленным на верху колесом (=солнце), которая мѣстами называется именно *сухим дубом* (Максимович, Собр. соч., II, 507).

Гасить — утѣшать.

Вр. „Уж как жарко в теремѣ свѣчи горят.
 Уж как горько плачет свѣтъ Аннушка,
 Унимаєт ее родной батюшка

(Сах., Ск. Р. н., ч. 3, 143).

Т. о. свѣча горит—страдает. В силу такого представленія, в серб. о свѣчѣ горѣвшей на „красно имѣ“, вм. *угаси*, говорится *уѣши*, *обесели* свијећу²⁾, как и в вр. *засмирить* (и закrotить) свѣчу перед образом — потушить. Сходно с этим в болг. п. головня гаснет = горе забывается. Мать на вопрос сына, попавшаго в неволю, жалѣет ли она его, отвѣчает (разм. 5 + 3):

Жалим те, сину, нежалї,
 Яз ке те скоро прижалї:
 Кога ке гламня [от вогень] изгасне,
 Тогай ке те яз прижалї
 (Верковић, Н. п. Макед. Буг., 239).

¹⁾ *Бодня*, липовка.

²⁾ Ср. серб. „загасити ране“, Кар., II, II, 218.

Так как „горка горлиць калінка = жалка плачиць N (дѣвица, Этн. Сб., III, 186), то гасить калину = утѣшать дѣвицу. Бр. *свадеб.*, того же весняночнаго размѣра 5 + 3:

За(v. раз)гарелася калінка,
(Ды) в цѣмным лузе стоячи,
Дробныя іскаркі роіючы.
(Да) гасів (v. тушыв) ветрик, нівгасів,
Па полі іскаркі разнасів.
„Ой гари, калінка, пісари,
„(Я) болей гасіць нябуду.
„Я ж цябе, калінка, нівтушу,
„[Толька] болей іскаркі разнашу;
„Угасіць цябе дробный дощ,
С под цѣмной хмары ідучи.

Расплакалася дзевачка,
Піряд татувком стаючы.
Унімав татувка, ніунав,
Болей жаласці ей задав.
(Ой) плач, дзевачка, (чи) ніплач,
Болей унімаці нябуду.
Уніма цябе чужына,
Уся малайцова радзіна:
З левага боку татарин,
С правага боку татарка;
З левага боку малойчык,
С правага боку сваціца
(Ды) малайцова сястрица

(Гильтебр., 274—5; Этн. Сб., 226—7; мною приведено с небольшими поправками). Сравненіе невполнѣ выдержано, т. к. луг = батько (как в мр. „темного лугу калина = дробного батька дитина) но он же и вѣтер.

В силу уже упомянутого выше (стр. 161) приѣма (субстанціаціи образа, его обособленія, отдѣленія от обозначаемого, представленія его обстановкой обозначаемого), можно бы ожидать перехода образа, заключеннаго в этой пѣснѣ, в такой: под горящею калиной сидит дѣвица и

плачет. Именно такого образа ненахожу, но есть сходный в известной п. „Ой вийду я на шпилёчок = Ой зійду я на могилу“.

Долина глибока, а калина висока,
Аж до землі віти гнуться.

А під тою калиною . . .

Стояла дівчина, плакала—ридала,
Аж по личку слёзи льються.

Эти соображения объясняют ближайший символический смысл слѣдующей пѣсни, широко распространенной и обыкновенно, не без основания, считае­мой весьма древнею (разм. 5 + 3):

А. Хорватская (Kurelac, Jake, 295).

Зелена липа горѣла,
Под ком је мила сѣдила,
Искре су на њу падале,
Да су все птице плакале.

Из стихов, идущих в слѣд за этими, видно, что рѣчь — о невѣстѣ, которая плачет, п. ч. ее отдают далеко замуж:

Кад су се по њу возили (т. е. сваты),
Зуз пут су туне (=душе) сажили;
Кад су се назад возили,
Зреле су туне тргали,

ибо из такой далекой стороны были сваты (см. стр. 20—1).
Далѣе:

Невѣста се је плакала,
А залва ју је толила:
„Неплачи се ти, невѣста!
„Три крат сам даѣ пелана,
„Још се нис' тако плакала“.

Очевидно, „липа = невѣста“, „горѣла = плакала“, причем можно бы ожидать „толила“ (=утѣшала) = гасила.

Б. Чешск., морав., словен. (Suš., Mor. p., 641; Erb., P., 476):

Hořela lipa, hořela,
Panenka pod ňo seděla,
Jiskerky na ňu padaly,

Mládenci o ňu plakali,
Jenom ten jeden neplakal,
Co ji prstenky posmekal.

„Mládenci“, т. е. холостые; кто поснимал прстни, тот жених, о коем в другом вар.: ...neplakal,

Kery jiskerky polapal,

т. е. охранял, утѣшал.

В. *Польская:*

Gorzała lipka, gorzała,
Dziewcyna pod nią lezała,
Iskierki na nie padały,
Bez kośulke je parzały.
Jasiowi (=жениху) je było zal,
Az je chustecką przyodział

(Kolberg, Lud, I, Sandomir., 128; Roger, Pieś. I. w Górn. Szląsku, 90, гдѣ и вар.:

Zgorzała lipka i korzeń;
Tyś mnie, syneczku, niegodzien...
Moja szateczka ze złota,
Toś (ty-ś?) mi ją (w)deptał do błota.

„Syneczek“ — молодец, жених. Противоположение „золото — болото“ (дѣвство — замужество) см. выше (153) в веснянкѣ.

Pod borem sośnia stajała
A pod niu panna gorzała
Iskry na nią padały,
Suknia na niej gorzała
(Или: Stoi panna pod brzozą,
Skwirki na niu padają
Sukni na niu gorzeją)
Przyjechał do niej młody pan,
Zarzucił na nią swój zupan:
Siadaj, panno, koń gotowy...

(Kozłowski, Lud, 59—9). Самим поющим было понятно, что спаситель есть и увозчик. Поэтому к этому мотиву присоединен свадебный того же размѣра (в ст. 1—2) и значенія:

U naszy pani gęsty sod,

Nieprzeleci tom zoden ptok,
Tylko jeden malusienki
Do nasy-to Kasiuleńki
na obiod,

о котором выше, стр. 120.

В другом вар к дѣвицѣ под горящею сосною прѣ-
хал „stary pon,

I rzucił na niuim swój zupon.

Это означало сватовство, или предложеніе любви, ибо дѣ-
вица отвѣчала:

Niedom ci wionyszka,
Bo-m młoda dziweczka,
ty-ś stary.

Przyjechał do ni młodzienc

I prosił ci jom o wieniec.

— Wisi ich hajno sześć,

Wybieraj że, chtórny chcesz,
boś młody

(Kolb., Lud, III, Kujawy, 277; ср. 294—5).

Г. Из мр. веснянок ближе всѣх к предыдущим угор-
ско-русская, по видимому, предполагающая сходную сло-
венскую.

Червена ружа горіла, горіла,
Під нею біла діва сиділа, сиділа,
В решеті воду носила, носила
[И] червену ружу гасила, гасила.
Кілько в решеті водиці, водиці
Тільки в милої правдиці, правдиці

(Гол., IV, 187.

Повтореніе послѣдняго трехсложнаго метра считаю здѣсь
и в других случаях болѣе первообразным, чѣм размѣръ
5 + 3 без такого повторенія ¹⁾).

¹⁾ Горіло поле, горіло,
А я ж молода тушила, 2.
Решетом воду носила.
Скільки в решеті водиці

Ближайшее значеніе этого образа, именно, что „в милої“ „не вся щира правда“, видно из сочетанія сходнаго образа с другим: горе милого, взятаго в рекруты, изображено разливом; а равнодушіе милої тѣм, что она при этом стоит на берегу и заботится о своей безопасности; непосредственно вслѣд за этим мотив другого размѣра:

„Де ти тогда, мила, стояла,

„Коли дубровонька палала?

—Я в решеті воду носила

И нѣв дубровоньку гасила

(Гол., III, 390; мой Разб. пѣс. Голован., 86—8). Эти стихи взяты из веснянки размѣра $5+3$ и присоединены к пѣснѣ размѣра $4+4$ („Де ти мила пробувала“ или „Деся ти мила пробывала, Коли вода луги брала“) только по сходству значенія образов разлива и пожара. Слѣд размѣра $5+3+3$ виден и в слѣдующей коломыйкѣ (разм. $8+6$) такого же значенія:

„Бо що же ти дівчинонько гадала, гадала,

„Та як тота Коломыя палала, палала?

—Я гадала, мій миленький, гасити, гасити,

Та немогла я що найти, щоб воду носити

(Гол., II, 248).

Как в одном семействѣ пѣсень (мр., бр., серб., болг. и др.) молодец ставится в извѣстное положеніе (его убивает стрѣла, камень и т. п.), чтобы показать превосходство материнской любви над любовью сестры и жены, или—силу любви милой ¹⁾; так в веснянкѣ (=купальской) ставятся

Стилько в дівчаток правдиці;

Скилько в решеті дірочок,

Стилько хлопцям болячок (Чуб., III, 162).

¹⁾ В комическом свѣтѣ изображается отношеніе дѣвницы к молодцу в слѣдующей купальской п., пародіи неизвѣстнаго первообраза:

Летіло полело (?) через наше село,

Стало спочивати на Йванковій хаті.

Иванова хата западилася,

Йванові голова засмадилася,

в опасное положеніе отец, мать и будущіе свекор и свекровь, чтобы показать как различно относится к ним дѣвица:

(Да) загоревся щирь бор,
А у том бару татка мой
Мы пайдѣм бор тушиці,
Ушатам ваду насіці.

Далѣ для матери носят кадками, но для свекра рѣшетом, для свекрови чепцом (Шейн, Бр. п., 165, N 256; пѣвица соединила в одну пѣсню двѣ различныя, по сходству образов). Болѣе древнее значеніе образа (горящая дуброва, калина, липа, сосна, поле = дѣвица), выше затемненное примѣненіем к отцу (бор, как мр. луг = отец), а еще болѣе к матери и свекрови, находим в слѣдующих веснянках:

А. „Де ви, парубоньки, бували, бували,
„Як сі (v. ті) дубрівоньки *палами*? 2.
— Ой, а ми дуброви *гасили*, 2.
Решетом воду *носили*, 2.
(„Кілько в решеті *водиці*, 2.
„Тільки в парубках *правдиці* 2.)

7—9 = 1—3 ... паняночки ...; 10 = 4, Цебрами (коновами); 11 = 5 ... в цебрику ...; 12 = 6 ... в панянках (сводный варіант из Голов., II, 179—80, 183 и нижеуказанных).

В этом видѣ пѣсня дает тот смысл, что к горю дѣвиц (или, м. б., к их любви) лишь сами они относятся искренно, а паробки — равнодушно. Я думаю, что этим противоположеніем исчерпывалась болѣе древняя пѣсня и что за позднѣйшую амплификацію, предполагающую забвеніе основного значенія образа, слѣдует считать то, что в вар. у Гол. II 180 старыя бабы тушат дуброву чепцами, дѣды — капелюхами (sic вм. рѣшетами).

Б. Ішла дівонька *через бур* 2.
На юй суконька *в девять пул*, 2.

А Павлинка з radoщами
Носить воду пригорщами (Чуб., III, 205).

Стала суконька *сяяти*, 2.

(v. сіяти, маяти, шастіти, бр. шамреці)

Стала дуброва *палати*. 2.

(v. горіти, бр. гареці).

Такое начало, разумеется, кромѣ звуковых пзмѣненій, можно считать общим для нѣскольких варіантов. Мн. ч. „ішли дівоньки... на них суконьки“, в виду предполагаемой мнѣстической основы образа, считаю позднѣйшим. Здѣсь, как и во многих других случаях, — раздвоеніе одного и того же явленія на дѣвцу, зажигающую дуброву сіяніем своей одежды, и на зажигаемую дуброву.

За тѣм нѣкоторые вар. продолжают сходно с вар. А:

Ідіт, парубки, *гасити*, 2.

Решетом воду *носити*, 2.

Скільки в решеті и пр.

... Ідіт. дівочки, гасити,

Кубочком и пр.

(Костомар., Истор. Зп. и пр., Бес. 1872, IV, 65; Чуб., III, 36—7; свадебная ів. IV, 425; Шейн, Бр., 165, N 256, гдѣ амплификація: „жоночки... чепшами“).

В одном вар. слѣдуют стихи:

Сталп дівоньки гасити,

Вінками воду носити.

Як у віночку *роса* єсть,

Так у дівоньки правда єсть

(Ю. Крачковскій, Быт зап.-русс. селянина, 132, Чт. в Об. Ист. и Древ. 1873, IV). Этот вар. возвращает нас к выше-разсмотрѣнной (стр. 111 сл.) ассоціаціи *роса* — *дівочья краса*, с тою разницеею, что вмѣсто косы здѣсь вѣнок, принадлежность дѣвцы и представляемой дѣвицею богини (зори? восходящаго, заходящаго солнца? ср. стр. 109). Этот мр. вар. подтверждается словенскою (Шариш. комит.?) купальскою п., которую я могу привести с незначительными поправками лишь по испорченной транскрипціи, Терещ., Б. р. н., V, 62:

Червены погар гори

С червеными ягодами.

А кто же го гасиць будзе,
Кедь там паробков небудзе?
Красне дѣвочки го гася,
В вѣночках воду нося:
Кело в тым вѣночку воды,
Тело в дѣвочце цноты

9—11=1—3; 12=4 ... дѣвочек ...

Красни паробци го гася,
В покретках воду нося:
Кело в тей покретце воды,
Тело в паробках свободы.

Выше (стр. 153) упомянуто, что мотив
Вербовая дощечка, дощечка,
Ходят по ней *Настечка*, 2
На всі боки леліє и пр.

сочетается с мотивом „дуброва горит“, так что продолже-
ніем только что указанной пѣсни служит

Гдесь, Настечко, *бувала* 2.
Як дуброва *палала*? 2.
Решетом воду *носила*, 2.
Дубровочку *исила*. 2.
Кілько в решеті *водиці*, 2.
Тільки в хлопців *правдиці*; 2.
Кілько в ситі *дірочок*, 2.
Тільки в хлопців *болячок* 2.

(Гол., IV, 160).

Здѣсь в 3-м и 5-м стихѣ „решетом“, „в решеті“ нару-
шает размѣр 4+3+3. При том, если дѣвица решетом во-
ду носила, то, значит, она нехотѣла гасить дубровы (см.
стр. 182), в ней, а не в хлопцах, нѣтъ правды. Это про-
тиворѣчіє и в вар. у Голов. II, 684. Болѣе первообраз-
ным кажется вар. у Шейковского, Быт Подолян, I, 15
(=Чуб., III, 81; ср. Метл., 297—8).

[А] вербовая дощечка, 2.
Там ходила *Настечка*, 2.
[Га] цебром воду *носила*, 2.
Дібровоньку *исила*. 2.

Кілько в цебрі водиці, 2.
Тільки дівкам правдиці; 2.

(т. е. много)

Кілько в цебрі дзюрочок,
Тільки дівкам болячок, 2.

(т. е. нисколько). Послѣ этого вставлен мотив, в болѣе первообразном и понятном видѣ, напечатанный у Гол., II, 684 „Що вступлю . . .“ („дівочкам—каша з маслом, с гусячою лапкою). Затѣм ст. 9—12 = 1—4 . . . *решетом* . . . (ситом?).

13 Кілько в решеті (ситі?) водиці,
Тільки парубкам (хлопцям?) правдиці;
Кілько в решеті (ситі?) дзюрочок,
Тільки парубкам (хлопцям?) болячок.

Далѣе вставной мотив „Що вступлю . . .“ (парубкам каша з червяками, з жабячою лапкою).

Относительно встрѣчаемаго здѣсь и выше сближенія вода=правда, объясняемаго посредством сравненій вода=рѣчь, рѣчь (слово)=правда, см. мой Разб. пѣс. Головацк. 64 слѣд. ¹⁾. Этот ряд сравненій сходен с другим: лист древесный (как шумящій)=слово=правда или ложь (О связн нѣкотор. представленій, 18, сл., Фил. Зап. 1864).

В одном из приведенных уже (стр. 184—5) вар. дано сочетаніе „горящая дуброва — вѣнок („дѣвичья краса“) — роса — правда“.

¹⁾ Приведенное I. с. сравненіе

„В тебе тільки уцтивости, як в каміню води“
(Гол., II, 753), сродно со слѣдующим:

Разыгравсе Юрьав конік,
Разбів камень каньцейком.
В том камені ядзерка нет,
У [наших] дзецюков правданькі нѣт.

5=1, 6=2 . . . *арех* . . .

В том ареху ядзерка есць,
У [наших] дзевачак правда есць

(Весенняя или петровочная, Шейн Бр. п. 125.

... Стала дуброва горіти,
Стали дівоньки гасити,
Вінками воду носити:
Як у віночку роса єсть,
Так у дівоньки правда єсть.

Еще раньше было разсмотрѣно сочетаніе „сокол выносят красу—росу“ (стр. 116, 121), при чем встрѣтилось выраженіе: Парубоцька краса в огні погорає.

Нижеслѣдующія серб. п., тождественныя по размѣру 6 + 6 с мр. семейством веснянок, к коему принадлежит это выраженіе, указывают, б. м., на связь этих сочетаній. Они, б. м., дают основаніе думать, что в польской пѣснѣ к образу „горящая дѣвица“ присоединен образ сокола перелетающаго через ограду сада (стр. 181) не только по сходству значеній этих образов, но отношенію их к браку; но и по болѣе древней связи черт, их составляющих. В серб. п. сокол гасит горящій лѣс и горит сам:

Вишка затрепета, залелија гране,
А соко́ бесје́ди: „нетрепе́ћи вишно́,
„Нетрепе́ћи, вишно́, нелелија́ј гране! ¹⁾
„Брзо ћу одлетит у гору зелену,
„У гору зелену, на јелово гране“.

Соко́ гору гаси, крила му се пале,
Соко́ крила гаси, очи му се пале,
Соко́ очи гаси, а дјевојку ²⁾ куне:
„Ој дјевојко војко! ³⁾ дуго дјевовала,
„Дуго дјевовала, па се неудала,
„И кад га удала, среће неимала,
„Среће неимала, чеда перодила,
„И кад га родила, све црно носила.

(Vienac Kačiću Miošiću, 157).

Соко гнездо вије у јеловој гори,

¹⁾ Ср. „Нехилися, сосно, бо й так мені тошно,
Нехилися, гілко, бо й так мені гірко...“

²⁾ Виновница горя.

³⁾ = во́тка, плодовое дерево.

У јеловој гори, на јеловој грани;
Соколу долазе из горе гусари ¹⁾:
„Издај нам, соколе, Јанину планину,
„А ми ћемо тебе из села девојку“.
Ал' је то зачула из села девојка,
Брже је скочила, гору запалила.
Горела је гора три дни и три ноћи,
Док је догорела соколу до гнезда.
Соко гнездо гаси, а девојку куне:
„Ој дево, девојко! много девовала,
„Много девовала, мало невовала,
„И што невовала, и то боловала!“
(Кар., Пјес., I, 487).

¹⁾ Ст.-серб. *гуса* = ср. лат. *gussa*, *insurgio*, *гусар*, *gussaarius*
(откуда корсар), *praedo*.

7. Дѣвица тонет.

а) *Колядка дѣвиць.* Она тонет, подаєт ей руку не отец, мати и пр., а лишь милый:

Плила дівойка долов Дунаєм,
Дунаю, гей, Дунаю море,
Ганусю ¹⁾ зоре!

Біжит коло ней татцейко сї:
„Подай мї, татцю, свою ручейку,
„Най я нетову в Дунаїчейку!“
—Я ті неподам, бо я сам впаду.

Тоже повторяется с измѣненіями

Там тади біжит матінка, сестричка и пр.

Наконец

Милейкий подав, дівойку дістав.

Літший милейкий, як брат ріднейкий.

(Гол., II, 80; ср. ib., 726).

б) *Щедровки того же розміра ей же.* Дѣвица сама неподаєт руки (или подаєт, но неприплываєт к берегу) отцу, матери и пр., но подаєт милому (Гол., II, 161; IV, 88—9; 141—2). Припѣв такой же: „Дунаю, Дунаю море! Ганусю (или имр.) зоре серденько!“ Он может служить указаніем с одной стороны на связь пѣсни с нѣкоторыми другими из тѣх, в коих встрѣчается „Дунай море“ и то-

¹⁾ Имя величаемой.

нушая в нем, с другой („зоре“) — на мифологическія основанія образа.

Послѣдній стих вар. а) „Ліпший милейкій...“ относит пѣсню к обширному разряду колядок и других пѣсень русс., южно-слав. и нѣмецких ¹⁾ на тему „милый лучше роду — племени“. Он указывает на то послѣднее, не мифологическое, а житейское значеніе образа, на то примѣненіе его к величаемой отечкой дочери — невѣстѣ, ради котораго образ не забывается. Колядка или щедровка пророчит дѣвицѣ скорый выход замуж (см. ниже свадебныя сходнаго содержанія).

На вопрос, что же величальнаго, кромѣ отношенія к предстоящему браку, может заключаться в образѣ тонущей дѣвицы, уже дан косвенный отвѣтъ выше (стр. 109), гдѣ приведены латыш. пѣсни, говорящія, что ночью солнце бредет по морю; что солнцева дочь купается в излучинѣ за ивовым кустом, а божій сын подсматривает; что она бредет по морю и тонет, так что виднѣется только ея вѣлочек, а божьи сыновья должны спѣшить к ней на помощь в лодкѣ. Этот послѣдній мотив, именно спасеніе утопающей небесной дѣвицы (солнца,) в примѣненіи к земному браку находим в мр. свадебной п. (когда невѣсту везут к вѣнцу):

А в неділеньку рано
Море се розиграло.
Не море то играло,
Але сонце се купало,
А Марічка (невѣста) зазірала,
Та й у море упала.
„На-ж тобі, татку, ручку,
„На-ж тобі, татку, й обі,
„Вийми-ж ти мене д' собі!“

¹⁾ Uhland, Alte volkslieder, I, N 117: дѣвица — в челнокѣ, лодочник хочет ее утопить. Она просит, чтобы отец, брат ее выкупили, но тѣ нехотят для этого продать своих кафтанов. Только милый ради ея готов продать душу и тѣло.

— Не моя-ж то, синку ¹⁾, воля

Виймити тя з моря.

Тоже повторється с измѣненіем:

„На-ж тобі, мамко . . . Васильку . . .

Послѣдній отвѣчає:

Моя, Маруічко, воли

Взяти тебе д' собі

(Гол., IV, 361).

Бр. У нядзельку раненько... Да с велікаго горя!⁴
Совненько купалося, — Н мая дачушка!
Н воду брала, Я цябе невратую
Совисенько ратовала, Ніхай цябе Бог ратуя.
Ратуючи сама впала. Нісама туды увайшла,
Кліча-покліча матачку: Цябе долечка унясла

...Да ратуй мяне с моря Сб. свз. кр., 267;

другіє вар. без упоминанія сонца: Гол., IV, 316; Метл., 128; Чуб., IV, 138—9. Бр. свадебн., с первыми стихами другого, весняночного розміра:

Зыбнула мора, зыбнула,

Там наша Агатка [у]танула...

(Этн. Сб., III, 240).

Вр. (Туль), свад., по началу похожа на перевод с мр.:

¹⁾ *Синку*, обращаясь к дочери. Ср. Гол., II, 394:

Сидит донька у крісєдці в віконце вглядає,

Та й на своїх білих ручках синці обзирає.

[Мать:] „А що-ж тобі, мій *синоньку*, синці під очима...?

В свад. п. (зап. часть Подоль. г.):

... Там молода гуляла.

Прийшов батенько:

„Час тобі вже, сину, до посаженьку!“

Так и в сербск. п. мать говорит дочери:

„Залуду се удавала синко!“

(Кар., Пјес., II, 13; впрочем ib. 14 — в обращеніи к Огняной Маріи):

„Шћери моја, мој милостан сине

(Петрановић, Срб. н. п., 339).

Наоборот, у Куявян, ласкательное слово даже мужчинѣ: „Janı ku, bież-no tam, *dziwieszko*“. Kolberg, Lud, IV, 270.

Рано в воскресенье	Старый старпчише—
Синее море играло,	Съдая бородачи.
Авдотья потопала,	„На дно моря тону,
Ручки подавала:	„За тебя замуж нейдут!“
„Да кто-ж меня вынет	.. Кидался, бросался
„Из спящего моря,	Андреян с поѣздом...
„Из великаго горя?	„Со дна моря выду,
Кидался, бросался	„За тебя замуж пойду
	(Шейн, Р. н. п., 415).

Ср. также Кохановская, Пѣск. русс. пѣс., 94—5; Сак., Сказ., кн. 3, 120 (N 48): не отец, а жених снимает дѣвку с камня среди воды = не отец утѣшает, а милый, ib. 142.]

В приведенной мр. свад. п.

... Сонце се купало,
А N зазпала
Та и в море упала

средний стих есть позднейшая рационалистическая вставка, для объяснения связи между купаньем солнца и потопаньем дѣвщцы. Больше первоначальная связь, именно сравнение, — в слѣд. вар., гдѣ относительно-ново м. б. перенесение того же положенія на жениха:

А в неділю рано
Море се розиграло;
А не море то-то грає,
Але сонце се купає;
То не сонце се купає,
Молодий потопає,
Та на молоду покрикає:
„Молодечко, голубечко,
„Ратуй мене з моря!“
—Та не моя то-то воля
Ратовати тебе з моря:
Ані човна, ані весла,
Все бура віднесла.

(Wasl. z Ol., 31 = Гол., IV, 336). Эта версия может иметь целью выставить скромность, повиновение невесты:

„немоя воля (т. е. замуж), а батькова“. Архаично в ней, как и в некоторых из вышеупомянутых, отсутствие отца, матери и пр., введенных лишь в угоду более общему, ассимилирующему мотиву: „милый лучше роду“. Отрицательное сравнение „То не солнце...“ еще произнесенное, а существующее лишь как воспоминание, повлияло (подобно регрессивной звуковой ассимиляции) на превращение в такое же сравнение предыдущих стихов

А не море... глас

Солнце ся купает.

Первоначальное отношение здесь одновременность (когда купается солнце, то море играет) или причинная зависимость, ср.:

У понеділок рано	Зільечко кропляло,
Сопенько ся купало, 2	Зільечко барвіночок
Вон море виливало, 2	Марьці (невѣстѣ) на віночок...
	(Свадеб., Гол., IV, 423).

Слѣдующая болг. (м. б. весенняя?), выводит рассматриваемый мотив за тѣспо-племенные предѣлы. Пѣсня эта а) начальной чертой „дѣвица на рѣкѣ бѣла бѣлила“ связывает этот мотив с другим мотивом колядок, о котором ниже; б) по размѣру (3 + 5 или 5 + 3) и по главному мотиву примыкает к приведенной выше (стр. 73) сербской п. о тонущей дѣвицѣ „бѣлила Маре дарове“, а через эту — к приведенным там же бр., вр., латышск.

Дафинка рано раніла
 На Дунава платна да бѣли;
 Лѣпени платна бѣлила,
 С златна бухалка ¹⁾ бухала.
 Дунав си мѣтен протече,
 Лѣпени платна повлече,
 Тѣнка Дафина поднесе.
 Мама ѝ по край ²⁾ ходила

¹⁾ Праильник. ²⁾ по берегу.

И на Дафина думаше ¹⁾:

„Я плавай, плавай, Дафинке,

„Да по ²⁾ си на край исплаваш,

„Мама-ти да те извади.

—Неможж, мамо, неможж,

Че ³⁾ ми се коса заплела

У рѣкитово корене.

Иди ми тетя повикай!—

Тетѣ и не се насма.

От гдѣ е зачул Никола,

С дрѣхи-те ⁴⁾ скокнж у Дунав,

Дафинка с душа ⁵⁾ извади,

Цейно-то драго либенце. Dozon, 98—9.

Спасителем утопающей является милый, подобно тому, как в разсмотрѣнных выше пѣснях (стр. 177, 179—80) он же тушит горящую калину=утѣшает невесту или спасает дѣвицу изпод горящей липы. Это сближеніе может быть одним из поводов отыскивать болѣе глубокое сходство между образами горящей калины в. липы и тонущей дѣвицы, поводом, тѣм болѣе заслуживающим вниманія, что образ тонущей дѣвицы, подчиненный болѣе общей схемѣ „милый вірнійший батька“, в купальской пѣснѣ имѣет и такой вид:

Ой на річці на Дунаї

Там липонька потопас,

Та поверх гілочка випливає,

Вона дубочка приликає:

„Та подай, дубочку, хоть гілочку!“

—Та нехай тобі кленок дас,

Що він з тобою вірно живе.

(Костомар., Ист. зап. ю.-р. пѣсен. тв., Бес. 1872, VIII, 33).

Дуб = батько, клѣн = милый.

¹⁾ Говорила. ²⁾ чтобы если. ³⁾ потому что. ⁴⁾ в платьи. ⁵⁾ живу.

Явное отношеніе разсматриваемаго образа к браку и в поль. свадебной п. Молодая, когда приступают к „очепинам“ (покрыванью) „widząc, że przynoszą świeczki, które kupiła do oczepin starsza druchna, a które wkrótce mają być zapalone“, поет:

Żegluję płynę,
Moja Basiu, ratuj mnie,
bo zginę.

Старшая дружка: Zapal świecę, albo dwie,
Молодая: Oj ratuj siebie, albo mnie.
Ст. др.: Jak że ja cie mam ratować,
Kiedy niemogę zgruntować

(Kolberg, Lud, VI, Krakowskie, 51).

Может быть и в самом дѣлѣ, как говорит издатель, при очепинах зажигают свѣчи, купленныя для этого дружкамп, и может быть именно это ближайшим образом разумѣет пѣсня; но „zapal świecę“ находится в связи с подобною чертою в мр. пѣснях, неимѣющею отношенія к обряду очепин и неможет быть выведено из него:

Ой засвіти, мила, свічку, най перейду річку,
Ой засвіти, мила, обі, най перейду д' тобі
(Голов., II, 276, 358, 839, с чѣм ср. ib. 291:

Ой засвіти, місяченьку, хоть годину в нічку,
Най перейду, най перейду до дівчини річку.)

Ой засвіти, мати, свічку, постав по-над річку,
Най я перейду, най переплину до милої на всю нічку
(ib. III, 296; Метл., 40), гдѣ „мати“, кажется, позднѣйшим видоизмѣненіем, вм. „мила“.

„Ой засвіти, дівчинонько, восковую свічку,
„Нехай же я перебреду сюю бистру річку“.

— Ой рада-б' я, козаченьку и дві засвітити,
Боюсь тебе, молодого, в воді утопити.—

Втонув, втонув козаченько, лиш хусточка плавле...
(Чуб., V, 309).

Прибудь, прибудь, мій миленький, з україн далеких...
Засвічу я ясну свічку, да й пушу на річку,
Буде мойму миленькому видно на всю нічку.

Непоможе милий Боже и воскова свічка:

Розольється тихий Дунай быстренькая річка

(Метл., 39).

Вездѣ, кромѣ случая, гдѣ „мати“, милая свѣтит милому. Отношеніе этого образа к ожиданію свиданія, любви, может объяснить, как он, без видимой связи и цѣли попал в таночную (весеннюю) пѣсню:

Поставлю я хижку там на виріжку ¹⁾.

Виступцем тихо йду,

А вода по каменю, а вода по білому

Ище й тихше.

Засвічу я свічку, піду через річку,

Виступцем и пр. (Метл., 294). |

То, что здѣсь та-же бредет, что и свѣтит, находит соотвѣтствіе в пѣснях у Метл., 26, 113. Вышеприведенная польская свад. п. смѣшала два мотива, первоначально не-связанные между собою, именно, туземный „спасеніе уто-пающей“ („ratuj...“) и другой, м. б. заимствованный, который в мр. „засвіти свічку... най перейду річку“, пе-реходит в малопонятный намек, предполагающій рассказ о парѣ любящихся, раздѣленных глубокою водою. Печальная судьба этой пары стала содержаніем множества пѣсень и рассказов распространенных от Индіи до Греціи (Геро и Леандр), Италіи (у Страпаролы), Прованса и Франціи, Германіи, Голландіи, Даніи, Швеціи. В Германіи пѣсня этого содержанія, извѣстная народу до нынѣ, документаль-но восходит к XIV в. (Osk. Schade, Volkslieder aus Thü-ringen, в Weimar. Jahrbuch für Deutsche Sprache etc., III, 1855, 269—75).

В Вестфальском вар.

Et wassen twe künigeskinner,

de hadden enanner so lef,

de können to nanner nich kommen

dat water was vil to bred.

¹⁾ Читай „на моріжку“. Моріг, мурава; вр. мурог, муруи, род моху; бр. мурог, род мѣлкаго сѣна.

Она зажигает в окнѣ своей спальни *двѣ свѣчи*, чтобы милый мог переплыть к ней. Завистливая монахиня (по другому вар. — старая горничная) гасит свѣтъ, милый тонет, милая идет к морскому берегу, *просит рыбака закинуть сѣтъ* и вытянуть милаго, дарит ему за это свой золотой вѣнец и алмазный перстень, и обнявъ утопленника вмѣстѣ с ним бросается в волны (Uhland Alte... Volkslieder I, N 91; ср. ib. N 45—6). Мр. вышеупомянутая п. тоже представляет соединеніе черт „двѣ свѣчи“ и

„Ой нате-ж вам, рибалочки та по золотому;

Та витягнѣть козаченька и пр. (Чуб., V, 309; ср. Метл., 18; Голов., I, 228; III, 133). Тоже и в морав. Sušil. 187, N 185, ср. ib. 186. Вѣроятно от нѣмецкой пошла мадарская (Die zwei königskinder, Ungarische volksdichtungen, übers. v. Ludv. Aigner. Pest 1873, 159).

Мысль о сомнѣніях и колебаніях певѣсты перед трудным и опасным шагом ея жизни и о том, что возможное счастье в замужествѣ сопряжено с утратою радостей дѣвства, выражено свадебною пѣснью так:

Ой думай, Марусю, та недумай, —

Пливти тобі дві річеньки, третій Дунай.

За Дунаєм черешенька з' ягідками,

А все-ж тобі негуляти з дівоньками.

„Обламаю черешеньку, та не всю;

„Погуляю неділеньку хоть одну“.

(На заручинах. Чуб., IV, 73—4).

Раз мы знаем, что мысль о предстоящем замужествѣ — одна из основных в дѣвичьих пѣснях весенних, Петровочных, Купальских; нам будет понятно, что слѣдующая купальская говорит о различных отношеніях матеи и родной матери к дочернему замужеству:

1 Ишли дівочки в ліс по ягідочки,

Коло Володимеря купала!

Играло сонечко на Йвана!

Та припало дівкам та Дунай пливсти,

Та Дунай-море пливсти, три річеньки брести.

Та всі дівочки в цахтах шовківках,

5 Дівка Оленка ¹⁾ в плахті чернітші.

Та всі дівочки Дунай перепливали,

Дунай перепливали, річки перебрели,

Дівка Оленка в Дунаї втонула.

(В Дунаї втонула, кісонька (в. плахта) зринула) ³⁾

Як прийшли слухи та до мачухи:

10 „Ой не жаль мені дівки Оленки,

„Ой та жаль мені плахти чернітки!“

ст. 12—14=1—3; ст. 15=4 ... чернітках,

15 Дівка Явдошка ²⁾ в плахті шовківці.

Як прийшли слухи та до матінки:

„Ой не жаль мені плахти шовківки,

„Ой та жаль мені дочки Явдошки!“

(Записано мною. Волч. у.).

Мачеха, „утопивши головоньку“ дочери „у чужую
стороньку“, жалієт тільки того, що за нею отдано, а
мать—тільки дочери. С этим ср. бр. свадебн.:

З недззі на понедзелак

Васильку беда стала:

Прапала скрыня малявана,

Дачухна кахана.

„Я таю скрыню за дзень призабуду,

„Свасі дачушкі на век незабуду!“

(Этн. Сб., III, 265).

Мр. колыбельная:

Ой поломалася колисенька новая,

Ой забилася дітинка малая.

„Не так же ми жаль колисеньки нової,

„Ой як же ми жаль дітинки малої!

„Я колисеньку за день за два збудую,

„А дітиненьки за рік невигодую!“

(Гол., III, 460 и 457).

¹⁾ ²⁾ Оленка—спрота. Явдошка—материна дочь из двіиц
участвующих в игрѣ: „се спроті й рідної матері дочці при-
свівають“, прим. півниці. ³⁾ Стих вставлен мною. Ср. Чуб.,
III, 195 и ниже приведенный вариант.

В подобной пѣснѣ могла быть рѣчь и не о ребенкѣ и колыбели, как здѣсь, а о дѣвицѣ и обрядных весенних и лѣтних релях (мр. колпсках, т. е. качелях), которыя до нынѣ в обычаѣ у Руси и у Болгар, и как многія игры, имѣют отношеніе к браку ¹⁾).

¹⁾ В Болгаріи (Панагюрштите), в Юрьев день молодец качает дѣвицу, за которою ухаживает, и на оборот. Присутствующія дѣвицы припѣвают им:

Людчице-де подлюлявка, ове, ове!

Та кой бѣше на люлкѣ-тѣж? ове, ове!

Ганчо бѣше на люлкѣ-тѣж.

Та кой Ганчо залюлява,

Залюлява, отлюлява?

Петка Ганчо залюлява и пр.

(Чолаков, Бѣлг. нар. сб., 38).

В болг. п. о женидѣбѣ солнца (мужчины) (Миладни., 16—7; Верковић, Н. п. Макед. Буг., I, 5—8; Дринков в Періодич. спис. XI—XII, 153; Dozon, 13 сл. 17, см. выше стр. 86—7), по послѣдним двум вар. солнце влюбляется в Грозданку, нехочет свѣтити по прежнему, если Бог не позволит жениться на ней. По совѣту своей матери оно на Юрьев день опускает с неба на двор Грозданки золотыя качели (вар. „спуснѣ люлила... на крива *врбѣ*“; ср. о вербѣ стр. 153—7). Малое и великое сбѣжалось туда „за здраве да се люлѣ“. Когда мать раскачала на этих качелях Грозданку, темныя мглы покрыли их и Гр. была унесена на небо. Мать успѣла ей лишь посовѣтовать: „да *ювѣйш*“ столько то времени. (Говѣніе в смыслѣ сохраненія стыдливости и уваженія к мужу и роду понимается как молчаніе. И теперь, по Дозону и др., „новодоведена“ молчит мѣсяц и болѣе). Гроздана сохраняет молчаніе слишком долго. Солнце принимает ее за нѣмую и собирается жениться на другой (Дена Деница в. „Дзвезда деница, бѣргрозборница“ — скороговорящая) и пр. Молчаніе молодой рождает эту пѣсню с пѣснями у Кар., Пјес. из Херц., 24; Kukuljević, Dela, IV, 154. См. также Сумцов, О свад. обр., 203.

В русс. пѣснях жених с качели хочет увидать невѣсту, невѣста—свекров двор:

Мр. весенняя (уличная):

Ой на дубку (в. у борку?), на дубку, колпсочка на шнурку,
Ивашечко вихавсь, Ивашечко вихавсь.

Литовская п.: „Что ты, милый князь (kunigeli) так долго спал? Когда ты спал, изрубили (твоих) воинов, разграбили припасы. Чего тебѣ, князь, больше жаль?“

Он (Как Владимир, „сребромъ и златомъ неимаю налѣсти дружины“, под 996 г.) отвѣчает:

„Не так мнѣ жаль припасов, как мнѣ жаль воинов.

„Повихайте мене, братця, в гору високо, 2

„Нехай же я та побачу та далеко, 2

„Ой де моя дівчинонька та цуляе, 2

„Чохлатими рукавами та махає. 2

„Ой перестань, дівчинонько, чохлами махати, 2

„Ой тоді-ж я перестану важенько здихати!“

„Ой поти я махатиму, поки подеру!

„Ой поти я здихатиму, поки тебе в'зьму!“

(Запис. мною, в Ромен. у. Ср. купальскую у Чуб., III, 221).

Вр. свадебная, величальная, на дѣвчичкѣ (основн. разм. 5+3?):

Как у нас в бору на клену

Вспит колыбель на шелку...

...Во той колыбели Алексѣй (женх) спит,

Спать неспит, только так лежит.

„Размахните меня братцы...

„... Прямо к Марьюшкѣ в горницу:

„Что моя Марьюшка дѣлает?

„Под окном сидит, чванится,

„Мною молодцом хвалится“.

(Шейн, Р. н. п., I, 450).

У ворот орѣшина

„Ступите поближе, 2

У ворот зеленая,

„Смахните повыше, 2

Дя али, али, али

„Чтоб видно было далече!“

Али ля, али, али!

В зеленом садочку

А на той орѣшинѣ

Татьяна гуляла, 2

Колыбель повѣшена.

Цвѣты сорывала, 2

Во той колыбелѣ

Вѣпочек свивала,

Качался боярскій сын 2

На голову vzdѣвала,

Михаил Федорович.

Себя украшала.

„Вы братцы родные,

(ib., 423—4).

Жених приказывает слугам:

„Качайте колыбель позыбчѣй,

„Чтоб увидить ей (невѣстѣ) свекров двор

„И свекровушки терем... ib. 492.

Я припасы соберу (pilele supilsiu) в два, в три года, а воинов певоспитаю (невырошу) и в десять лѣтъ...“

... „Что ты, матушка, долго спала? Когда ты спала наѣхало гостей (= сватов), увезли дочь и ея приданое. Чего тебѣ, м., больше жаль?“ — Не так мнѣ жаль приданого, как мнѣ жаль дочери. И приданое соберу в два, в три года, а дочери невырошу и в десять лѣтъ“ (Юшкевичъ, Лит. н. п., 10—11. Сб. статей читанных в Отд. Русс. яз. II).

Варианты вышеприведенной купальской вносят еще нѣкоторые черты:

... Усі дівки перебрели,
Одна дівка потонула,
Дороги шати помочила,
Серебрані ключі упустила.

(Мачеха говорит:)

„Рибакн-ж мої. риболовнички!
„Неловіть-же ви моїй падчерки,
„А вловіте міні дорогі шати,
„Переїміте мнї срібрані ключі!“

(Метл., 311).

Устранивъ подчиняющій, позднѣ наслоившійся мотив („мачехѣ жаль шат и пр.), при котором ключи получают вещественное значеніе, за этим значеніем можно усмотрѣть символическое: ключи—сама дѣвица:

Ой бризнули срібні ключі (=) в морі потопаючи;
Заплакала (=) дівчинонька (та) та милого виглядаючи
(Костом. в Бес. 1872, V, 100).

За тѣм перевѣс получают первые элементы сравненія (брязг=плачь), соотвѣтствіе между ключами и дѣвицей теряется из виду:

Зазвонили срібні ключі по над море бѣючи;
Ой заплакав Василенко від дівчини йдучи.

Пѣсня с этим началом в одном из вар. (Гол., I, 228) представляла, повидимому, сочетаніе образа „срібні ключі“ с другим мотивом, о котором выше (стр. 198).

Утопився Васпечко (тілки хустка плавле).

Ходить дівка по бережку, білі руки ламле:

„Нежаль мені хустиночки, що я вишивала,

„А жаль мені Василечка, що я сподобала.

... Закидайте, рибалочки, трёма неводами,

Да витягнуть Василечка з чорними бровами и пр.

Возвращаясь к первообразному мотиву: дѣвица = ключи, утонуть (= выйти замуж) = упустить ключи в море.

Такой символизм нисколько немѣшает предположенію, что образ топящей дѣвицы с ключами имѣет мифологическое основаніе (176—80). Подобное мнѣніе высказал уже Н. И. Костомаров (Ист. знач. и пр. Бес. 1872, V, 100), сблизив ключи разсматриваемой здѣсь купальской с тѣми, „которы-ми в веснянкѣ отпирается небо. Как бы ни трудно ити в правленіи дальше, до явленія природы, лежащаго в основ- этом навѣ мифа, необходимо так или иначе отнестись к тому направленію, которое принимает мысль упомянутого учо- наго под вліяніем варіантов разсматриваемой пѣсни, в ко- их топящая названа „Маринка“, „Моренка“:

... Прийшлося дівці Маринці перед вести

... на Дунай плисти...

... Ой ненько, ненько, Моренка втонула...

Моренка втонула, плахта зринула...

Или:

Ой наша Моренка гуляла

З високого терему в воду скакала...

Или:

Утонула Мареночка, утонула,

Та срібніі ключі упустила.

„Ой рибалки, рибалочки,

„Неловіть мені Маречочки,

„Уловить мені срібні ключі (1. с. 100).

Н. И. Костомаров (1. с. 99) говорит: „В купальской пѣс- нѣ поется о Моренѣ или Морянѣ, которая была вѣроятно не что иное, как олицетворенная вода, море,—богиня вод и вмѣстѣ, как показывают чешскіе памятники, богиня

смерти, т. к. и в самом языкѣ названія смерти и моря, по видимому, сродны“ . . . „В нѣкоторых мѣстах дѣлают чучело, называемое Мареною, украшают его вѣнком из черноклена с разными полевыми цвѣтами, наряжают в дѣвичью одежду, а потом, раздѣвши бросают в воду. Это чучело означает морскую богиню и бросанье в воду было, вѣроятно, символом ея господства над водою. Но с забвеніем языческих вѣрованій обряд бросанья в воду женскаго изображенія *подал повод* к представленію об утопущей дѣвицѣ, за которою однако осталось мифологическое имя Морены, перѣдко замѣняемое христіанским именем Марьяны. Т. о. пѣсни касающіяся Морены в настоящее время есть пѣсни об утопущей дѣвицѣ“.

Первая черта этого мѣнія (Марена = богиня моря) основано на уравниіи *Маренѣ* = *морйна*, которое падает потому, что эта послѣдняя форма в мр. купальских пѣснях, сколько извѣстно, не встрѣчается и без других доказательств. невытекает сама собою из поль. *Marzana*. Точно так из принимаемаго многими коренного сродства между *мру*, *мереть* и *море* еще неслѣдует, что Марена — богиня моря. Заключенное в этом положеніе, что *Маренѣ* (чеш. мор. *Mařena*, поль. *Marzana*) = смерть, признавалось весьма многими, в том числѣ и мною. Оно основано частью на том, что чешско-морав. пѣсни на „Смертной недѣлѣ“ отождествляют Марену и смерть (*Smrtolenko, smrtolo kam's klíče děla* = *Mařena, Mařena, kde's klúče ro-děla, Suš., 769, 771*), частью на сближеніи *Морена* с скр. *марана-м*, ср. р. смерть.

Теперь, взяв за исходную точку мр. величальныя пѣсни о тонущей дѣвицѣ и неотдѣляя их от купальских заключающих сходный образ, я склоняюсь к предположенію, что в основаніи этих идеализацій судьбы дѣвицы в настоящем замужествѣ лежит мифологическій образ болѣе внушающій сочувствія, чѣм образ смерти. Быть может, смерть (поль. *mór*, Roger, P. 1. w Górнем Szląsku, 205) выносимая в началѣ весны и противопоставляемая в послѣдующем, встрѣчаемому лѣту, маю, есть мифологическая лич-

ность совѣм отличная от той дѣвицы в вѣнкѣ, называемой в мр. Мареною, при топленьи которой на Купала, поют пѣсни о тонущей дѣвицѣ. Быть может, и в чеш.-морав. пѣснях лишь сближены и спутаны преданіем смерть и та небесная влючница, которую просят отворить небесныя ворота во время жатвы (Suš., 769). Трудно понять, как с такою просьбою можно обращаться на пр. не к зарѣ или солнцу, а к смерти. Считаю не неумѣстным вопрос: к которой из предполагаемых двух личностей относилось первоначально самое имя *Марена* (sic, в Харьк. губ. См. Пассек, Оч. Росс., I, 96; я и сам слышал такую же форму: моя ст. О купаль. огнях, III вып. Вѣстн. Моск. Арх. Общ., 1—2. Христіанское имя Марина с таким удареніем мнѣ не встрѣчалось). Ибо слово это (предполагая, что оно не возникло из христ. имени Марины), буде бы относилось к свѣтовой мифической личности, могло бы быть сближено не с *мар-* мереть, а с *мар*, блестять, которое в греч. *μαρμαίρω*, русс. *мрѣять*, *марить*, *марево* (К ист. зв., I, 204).

Допустив, что в основаніи пѣсень о тонущей дѣвицѣ лежит мифическій, уже человѣкообразный образ, нужно думать, что в самом этом образѣ были черты, облегчавшія его примѣненіе к земной дѣвицѣ. Примѣры такого обратнаго перенесенія образа с неба на землю были уже приведены выше (61). Почему бы ни был приписан дѣвичій вѣнок солнцу и солнцевой дочери (в лотыш. п., ib. 64, 67), раз он приписан, его, уже с мифологическими чертами, легко вновь перенести на земную дѣвицу. Лотышская пѣсня (Бривз., N 99 = Спрогис, 312, 22) говорит:

„*Солнцева дочь* бредет через море, виден (уже) только вѣпочек“. „Гоните лодку, божьи сыновья, спасайте душу солнца!“

Это почти точный противень вышеприведенных пѣсень о спасеніи тонущей дѣвицы суженым.

Вѣнок находится в тѣсной связи с самой дѣвицей, замѣняет ее. Что случится с вѣнком, то и с дѣвицей, так

что на Руси (Пасс., Оч. Росс., I, 108) и в Польшѣ на Купала дѣвицы бросаютъ с себя в воду вѣнки и гадаютъ по ним. Кому даетъ дѣвица свой вѣнок, тому и себя (Коляд. у Гол., IV, 89). Какъ выше, кто спасетъ тонущую, тотъ ей суженый, такъ и о пущенномъ на воду вѣнкѣ:

„Хто венокъ пуйме, тотъ мене возьме“ (Чуб., III, 115 и пр.). Т. о. с купальской пѣсней о тонущей аналогична купальская же, начинающаяся также, о вѣнкахъ:

Пішли дівочки та по ягідки,

Коло води— моря

Ходили дівочки

Коло Мариночки,

Купала!

Гратеме сонечко,

На Йвана!

Уже дівочки поплели віпочки,

Коло води моря и пр.

Віночки невъянуть, дівочки неплачуть,

Віночки втонули (вм. по-), дівочки сплакнули

(Пасс., Оч. Р., I, 97).

Такое же соотвѣтствіе между латыш. п. а) и б):

а) Я сидѣла на берегу рѣки, вижу — ѣдетъ вдовецъ.

Вдовецъ подалъ мнѣ руку, я прыгнула в рѣку: пусть лучше несетъ меня потокъ, чѣмъ конь вдовца“, Бривземн., N 412.

б) „Пася стадо на берегу потока, я бросила в него (свой) вѣнокъ. Пусть лучше унесутъ волны потока, чѣмъ негодный отецкій сын“ ib. N 469.

Превращенія утонувшей. Тогда же, т. е. когда несутъ топить *марену* (куклу) и черноклен [такъ я слышалъ; по другимъ, (Пасс., Оч. Р., I, 96; Терещ., V, 79—80; Маркев., Обычай, 10) черноклен называется Мареною, а кукла в женской одежѣ—купалом], поютъ и слѣдующую п.:

А. 1 Як пішла Ганна до броу по воду,

Ганно моя, панно моя,

Ягодо моя червоная!

Та стала Ганна на всхитки кладки,

Кладка схитнулась, Ганна втонула.

Ганнина мати громаду збірала,

5 Громаду збірала, усім заказала;

„Неберіте, люде, у броду води,

„Бо у броду вода то Ганнина врода.

„Неловіте, люде, у Дунаї риби,

„Бо в Дунаї риба то Ганнипо тіло.

10 „Некосіте, люде, по луках трави,

„Бо по луках трава то Ганнина коса.

„Неламліте, люде, по лугах калини:

„По лугах калина, то Ганпина краса

(Записано мною от женщ. из Волч. у.).

Б. Пас., Оч. Р., I, 108—9:

Як пішла Ганна в Дунаї по воду,

И ступила Ганна на хитку кладку

Б. 3 = А. 3.

4 Як потопала, тричі зринала.

Б. 5—6 = А. 4—5; Б. 7 = А. 6 . . . у Дунаї

Б. 8 = А. 7 . . . слёза.

9 „Неловіте, люди, у Дунаї шуки:

„В Дунаї шуки—Ганнини руки.

„Неловіте, люди, у Дунаї сомів:

„У Дунаї соми—Ганнини ноги.

Б. 13—14 = А. 12—3 Неламайте . . . по
лугам.

15 „Нервіте, люди, по лугам терну:

„У лузі терен—Ганнини очі

Б. 17—8 = А. 10.—11 . . . по лугам.

Припѣвъ тот же, что в А. Стих 4 Б. заставляет ожидать продолженія:

Тричі зринала, усім наказала,

которое, если бы подтвердилось, показало бы, что ст. 4—5 А.=5—6 — лишніе, что мать введена сюда под вліяніем другой п., в родѣ вышеприведенной стр. 198—9), в которой мать противопоставляется мачехѣ. В сродных пѣснях

содержаніе стихов А 6 слѣд. влагается в уста самой дѣвицы.

Эти сродныя—а) Голов., II, 679; б) ib. 582; в) Купчанко (Зап. Ю.-з. отд. Геогр. Об., II) 373. Здѣсь дѣвица бросается в море, по видимому, спасая свое дѣвство от преслѣдованія братьев (с чѣм ср. лотыш. п. Бривз. N 345, выше стр. 70):

- а) Пішли два браті (і?) в поле орати,
Ганунька сестра їстоньки несла.
Ой здібалю єї гей би два браті,
Гей би два браті, два нежонатих,
Дали Гануньці коня тримати,
А сама сіли сніданє зїли...

Так это понято, по видимому и в польской п., впрочем другого размѣра и не заключающей в себѣ указаній на заимствование:

- Oj posłała ja óterech bracisków
zielonej łącki kosić,
I kazali se najstarsyj siostrze
śniadanicko przynosić.
Najmłodsza siostra śniadanie niosła
pod zieloną olsynę—
Z koników zsiadli (братья?) śniadanie zjedli
oj nadobnyj dziewczynie.
I kazali jej koniki wodzić
po zielonyj olsynie;
Konie wodziła, w Dunaj skoczyła,
cnoty nieutraciła.
Pływaj ze siostró, pływaj ze nasą,
pływaj, ruciany wieniec,
Płace cię ojciec, płace cię matka
i niejeden młodzieniec.

(Kolberg, Lud, I (Sandomierskie), 56).

В мр. вар. б и в „два“ в. „три козаченьки“ давшіе Ганпѣ держать коней, отличены от ея братьев, которым она несла їсть. Далѣе

- а) Взіла Ганунька, що неправдонька

(б. А она взрівши, що то не жарті . . .
в. Взіла Аница, що небилиця)
Пустила коня (v. коні) в чистое поле,
Сама скочила в синєє море.
Ой як скакала, наповідала,
Щоби в тім морю води небрати,
На воді піна—щоб незбирати,
На траві роса—щоб не щибати ¹⁾,
В лісі береза—щоб нерубати,
В лузі калина—щоб не ламати,
В терну тернина—щоб незбирати,
На грушці груша—щоби нервати;
Бо в морю вода—Гандзина врода,
На воді піна—Гандзина міна ²⁾,
А в траві роса—Гандзіна коса,
В лісі береза—Гандзине тіло,
В лузі калина—Гандзине личко,
В терну тернина—Гандзини очі,
На грушці груша—Гандзина *душа*.

То, что Ганнѣ дали держать коней, может зависѣть от того, что и ея миѳическій первообразъ тоже держал коней. По лотыш. п. (о заходящем солнцѣ): „Солнце (*сау-ле*, женщина, дѣвица) плавит (купает) своих коней в морѣ; само сидит на горѣ, золотыя возжи (у него) в рукѣ“, Спрогис, 311 (15)=Бривземи., N 76. Лотыш. пѣсни много раз говорят о солнцевых конях (на пр. Бривз., N 43, 51, 73, 319, 388).

Замѣтим, что в купальской „Як пішла Ганна“. . . розмір 5+5 переходит в 6+6, при чем это колебаніе нарушает правильности стиха. Тоже и в вар. в) только что приведенной пѣсни. Т. о. эти пѣсни сродны со слѣдующею болгарскою не только по содержанию, но и по внѣшней формѣ.

Болг. п. рассказывает: с вечера мать сговорила Ян-

¹⁾ Так на основ. Голов. II, 582, т. е. нешибать, вм. нещипати. ²⁾ *міна* — зміна? платье . . .

ку, а утром стала ее проклинать: „дай, Господь, чтобы ты вышла замуж и

„Дом да сбереш, Янке, като тъпан пепел ¹⁾,
„Рожба да си родиш, кога върба цъвни,
„Рожба да завържиш ²⁾, сладак живот да имаш,
„Кога риба пѣе, кога Дунав дума!“

Янка свила себѣ вѣнок из „здравца“ и пошла на Дунай по воду. Три дня, три ночи ждала она, непроговорит ли Дунай и незапоет ли рыба, и наконец спросила у Ильчо, гнавшаго лодью с низу, неслучалось ли ему слышать этого. Тот усмѣхнулся и говорит: „поберемся“ (двама да се земем). Янка плачет и неотвѣчает.

Илчо си поминѣ, Янка в Дунав скочи
Янка си потънѣ, вѣнец-ат ѣ плувнѣ.
Янка му говори: „много здраве, вѣнче
„(Много здраве, вѣнче) на мајка ми носи!
„Да неиде, вѣнче, на Дунав за вода;
„Ште нагребѣ, вѣнче, Янкини-те сълзи.
„Много здраве носи на девет мой брата,
„Сѣно да некосѣт край Дунав в ливади,
„Че штѣт да покосѣт Янкина-та коса.
„Много здраве, вѣнче, на мой мили тетя,
„Да неоре тетѣ край Дунав в нивя-та,
„Че ште да изоре Янкини-те кости“.

(Dozon, Бѣлг. н. п., 95—6).

„Вѣнец-ат ѣ плувнѣ“, находящее соотвѣтствіе в мр. п лотышской п., звучало бы здѣсь в мр.

Ганна втопула, вѣночек изплив ³⁾.

То, что Янка вѣет вѣнок из раст. здравца, находится в связи с порученіем, которое она ему дает: „много здраве носи на...“ Об этом горном растеніи замѣчено в Слов.

¹⁾ Сколько пыли удержится на бубнѣ.

²⁾ О плодовой завязи.

³⁾ Ср. лотыш. п.: „Потонула ясеновая лодья, потонуло сто молодых дѣвиц; волна выбросила сто блсерных вѣночков“, Спроеис, 162.

Караджича, что монахи, приходя в село приносят его в гостинец (как поздравленіе и привѣтствіе) хозяевам и хозяйкам.—Порученіе плывущему вѣнку ср. с мр.

... Ой зірву я з рожі квітку, та пушу на всду:

„Пливи, пливи, з рожі квітку, та до мого роду“.

... Вийшла мати води брати, на бережку стала:

„Чогось сая з рожі квітка на воді зів'яла!

„Либонь же ти, моя доню, сім неділь лежала“.

— Нележала, моя нене, ні дня, ні години,

Та зсушили пзв'ялили все чужії ниви.

В серб. п. дѣвица

три венца оплела.

Један венац сам себи пустила,

Другога сам братиу даровала,

А трећега на Дунај метала:

„Плавај, мили мој венчиц зелени,

„Тер приплавај пред Јурјеве дворе

„И опитај Јурјеву мајчицу:

„Ако сте ви Јурја оженили?...

(Mikulić, Nar. prirov. i p. iz Hrv. primor., 165).

Возможно, что болг. *Янка*, принимаемое за производное от муж. *Янко*, есть собств. Анна: приставочное *и* в началѣ в болг. перѣдкость („юрвай“, Милад. 382 и т. п.). Уменьшительное от Анна в ст.-русс. есть Янѣшка (Лавр. л.², 201—2). Впрочем сходство имен в мр. и болг. п. может быть случайно.

В. Пассек (Оч. Р., I, 115) говорит: „Порою мнѣ приходило на мысль: нѣтъ ли между этой Ганной, ея близостью к Дунаю, ея несчастной долей с одной стороны и царевною Анной, женою Владиміра, с другой—чего либо общаго? По лѣтописи, царевнѣ Аннѣ было нелегче, чѣм Ганнѣ в пѣснѣ: она с плачем поѣхала за море“.

Я с своей стороны думаю: так как извѣстно, что имена присутствующих на игрѣ вплетаются в пѣсню, примѣняемую к ним (см. выше: Оленка, Явдошка), и затѣм могут в ней оставаться, как выраженія неопредѣленнаго лица; то для множества никому неизвѣстных Ганн, вѣроят-

ность оставить слѣд своего имени в этой пѣснѣ неизмѣ-
римо больше, чѣм для царевны Анны. Календарных при-
чин прочности имени Ганны в купаль. пѣснѣ невидно.

В приведенном варіантѣ болгарской пѣсни материн-
ская клятва весьма слабо связана с тѣм, что дѣвица тонет
и пр. Сравненіе же с пѣснями частью того же размѣ-
ра 6+6, частью близкаго (5+5), частью совсѣм отлич-
наго (4+6) (на пр. Миладин., 259, 363; Безс., Болг. п., I,
N 44, гдѣ почему-то из Янки сдѣлана лодочница; Милад.,
262), дѣлает еще болѣе вѣроятным, что клятва материн-
ская, которая должна прекратиться лишь тогда, когда за-
поет рыба и т. п., есть совсѣм особый, различно разраба-
тываемый мотив, лишь в одном варіантѣ внѣшним обра-
зом приставленный к мотиву: из потонувшей—трава и пр.
Однако материнская клятва может быть причиною того,
что дѣвица, по выраж. мр. п. „утопила головоньку у чу-
жую сторононьку“. Ср. ниже проклятiе сыну и выше
стр. 71.

Тождество размѣра нижеприводимой хорв. п. (6+6)
дает возможность предположить, что за ея неясностью и
благочестивыми католическими вставками (вообще частыми
в пѣснях сербо-хорв. католиков, на пр. Plohl-Herdvigoŭ,
Hrv. п. р., 66: Марія вм. дѣвица, Исус вм. милый) скры-
вается болѣе первообразный мотив, сходный с вышепри-
веденным: из вѣнков дѣвицы — пшеница и вино. Дѣвица
просит мать свить ей вѣнок. Та отказывается:

Нем'рем га навити проз те злате нити (?);

Нај ти га навине Јожеф и Марија.

Дивојчица млада навила првога,

Хитила га таки на те житне поле,

Гдје ми расте крухек, Језушево тјело,

С којег се служе те свете мещице:

Који буду јели, звеличени боду.

Дивојчица млада навила другога,

Хитила га таки на те винске горе,

Гдје ми расте винце, Језушева крвца,

С којег се служе те свете мещице:

Који боду пили, звеличени боду

(Plohl-Herdv., ib., 65).

— Сравненіе пѣсни о Ганиѣ и пр. с лотышскими и нижеприводимою мр., мнѣ кажется, полезно как по отношенію к примѣненію образа к нестарѣющим бытовым явленіям, каковы любовь, брак, примѣненію объясняющему живучесть образа; так и по отношенію к вопросу о древних основаніях образа.

Каково должно было быть примѣненіе, на это я старался отвѣтить, поставив эту, саму по себѣ темную пѣсню, в ряд с другими, заключающими сходный образ и болѣе менѣе явственно идеализующими судьбу дѣвицы—невѣсты. Нѣкоторое подтвержденіе для этого можно вывести из семейства лотыш. пѣсень, одна из коих была уже приведена выше по другому поводу (стр. 70—1). Другія см. у Спрог., 27—30. Два варіанта говорят о выданной за муж, послѣ долгой разлуки навѣщающей родительскій дом. Старая мать встрѣчает ее, утирая слезы: „Мое милое дитя (собств. взлелѣянное, выношенное на руках)! Как далеко ты на чужинѣ! Это девятое лѣто, а ты в первый раз пріѣхала навѣстити!“ В третьей пѣснѣ тѣми же чертами изображается посѣщеніе тетки. „Вошла отцевская сестра, как *солнышко*, в избу... Тут всѣ мои дѣтки, только нѣтъ младшей (племянницы).—Меньшая (сестра, отвѣчают племянники) пошла гулять на берег рѣки... рвать цвѣты черемхи. Когда она рвала, упало (в воду) *золотое колечко*; *доставая колечко* (ср. выше стр. 69, 70, 73), уронила она покрывало; доставая покрывало, падает сама в рѣчку. Неснесла (незадержала, неоставила у себя) рѣчка, вынесла в море; неснесло море, выбросило на берег. Там выросла густая липа о девяти вѣтвях. Из девятой вѣтви ея братья сдѣлали гусли. Говорят братья играя: печально звучат эти гусли; так плачет наша младшая сестра, ходя по чужой землѣ“. Как в извѣстном сказочном семействѣ (Ае., Ск., VIII, 313) дудка из калины, выросшей на гробѣ убитого, в руках братьев или сестер поет про его судьбу; так здѣсь гусли, дуня липы—дѣвицы, говорят, что она выдана

в чужи люди. Что „душа“ употреблено мною не произвольно, видно из слѣд. лот. п. Умершаго с горя отвергнутаго жениха схоронили в розовом садочкѣ. Там выросла густая липа о девяти вѣтвях. Что воскресенье ходят туда дѣвицы; свивши вѣночки, идут в церковь Маріи. Марія спрашивает, плача: „гдѣ, дѣвица, взяла такой (вѣночек)?— В Ригѣ купила, деньги дала.— В Нѣмеччинѣ сковала. — „Что лжете, дѣвицы? *Это душа молодца*“ (Бривз., N 382; ср. ib. 381). Растенія выросшія на гробѣ несчастных любовников — широко распространенный странствующій мотив. В настоящем случаѣ примѣненіе к молодцу и причина его смерти могут разсматриваться, как относительно позднѣйшія наслоенія, несущественныя по отношенію к основному образу (тонет дѣвица), который находим и в слѣдующем вар.: „Побѣжала (я) сиротина с плачем по берегу рѣки, срывая липовые цвѣты. Доставая цвѣты, упала сама в рѣку“. Рѣчка (как выше) выносит ее в озеро, озеро в Двину, Двина в море, море выбрасывает на ком пѣны. „В ногах моих выросла густая липа. Божьи сыновья (*diva dali*) проѣзжая мимо, сломали верхушку, заткнули за шапки, поѣхали в церковь Маріи. Марія сказала: это не липовые цвѣты, это дорогая (милая) душенька утонувшей в морѣ *во млистое утро*“ (Magazin der Lettisch-literärisch. geselsch. XIV B. 2 (1869), 164). Имѣет ли послѣдняя черта мпѣологическое основаніе, сказать трудно. Там же (165), как *колядка* с припѣвом *koļadu, koļadu!*, — вариант, по началу примыкающій к нѣкоторым редакціям сказки о калиновой дудкѣ (сестра из зависти убивает сестру, на гробѣ которой вырастает калина) и о Рись—матѣ [Рудч., II, N 18: одна сестра топит другую, обладательницу золотой яблони и, как служанка (= туманная служанка солнца, Спрог. 312, 25) других вар., выдает себя за ту, которую утопила]: „нас было три сестры; меня третью взненавидѣли, вбросили меня в рѣчку“ и пр., как выше.

Мр. „*постова́*“, т. е. веснянка:

У дошовую негоду

Пішла невіхна по воду,

Кипула відерця па воду, 2.

А коромисел па море:

5 „Станьте, відерця, каменем,

„А коромисел явором!“

Іхали купці Харьківці,

Стали явора рубати,

Тонки гуслоньки тесати,

10 На сине морє пускати:

„Плпвіте, гуслоськи, плпвіте,

„Та жалібненько гудіте,

„Так як невіхпа в свекорка:

„З ночі до ночі в роботі,

15 „К білому світу в клопоті“.

Ст. 16 = 1.

Пішла дівчина по воду.

18—26 = 3—11

27 „Та веселенько гудіте,

„Так як дівчина в батенька;

„З ночі до ночі в таночку,

„К білому світу в віночку“.

(Записано в 1863 г. В. С. Гнилосыровым от женщ. из Волч. у.).

„Густы“ о гусях в мр. архаично. Сравнение с вышеупомянутыми лотышскими и слѣдующею вр. дает возможность предположить, что „у дощовую негоду“ (в лот. „в туманное утро“) тонет и превращается в дерево первоначально не коромысло, а сама дѣвица. Это образ участи невесты. Вторая половина мр. п. могла развиваться из первой под влияніем обычнаго в веснянках противоположенія доли замужней и дѣвицы. Вм. „невіхпа“ в ст. 2 могло первоначально стоять „дівчина“.

Под вліяніем варіанта вышеприведенной мр. веснянки возникла средняя часть вр. п. (См. Оскольск. у.), сохраняющая еще слѣды первоначальнаго размѣра 5+3 („Возьму, млада“, т. е. возьму м'лада и пр.).

Ой молодость, молодость,

Да дѣвичья ты красота!

На чем тебя вспомянуть,
Вспомянуть тебя воздохнуть?
Вспомяну свою молодость
Тоскою—кручиною,
Печалью великою.
Да не я спила—съѣла,

9 Иль хóроше сходила... ¹⁾

10 Возьму, млада ведерцы,
Пойду, млада, по воду,
Пушу вѣдры под гору,
Сама взойду на гору:
„Станьте, вѣдры, пеньями,
„А я, млада, яблонью,
„Яблонью кудрявою!“
Ѣхали бояре из Москвы,
Рубили яблошь пód-корень,
Кололи доски тонкія,
20 Дѣлали гусли звонкія.

21 Да кому в гусли поиграть?
Да кому под них поплясать?
Играть будет Петру—судырь,
Петру ли свѣт Степаньчу;
Плясать будет то Марьѣ свѣт,
Да Марьѣ свѣт Ивановѣ.
Ой Петр—от свѣт, позвопчѣй,
А Марья—свѣт поплавчѣй!

Запѣв (ст. 1—9) есть позднѣйшая приставка, связанная со слѣдующими ст. 10—20 (=мр. веснянкѣ) лишь тѣм, что пѣвица, замужняя, вспомявши молодость, вспоминает и пѣсню изображающую дѣвичью судьбу. Г. Кохаповская (Остатки бояр. пѣсень, Р. Б. 1861, II, 128), незамѣчая

¹⁾ Это прямо мр.:

Та нѣ я зпила—зѣла
Нѣ хóроше сходила.

указанных выше разчлененій этой пѣсни, понимает post hoc как propter hoc: „с тоски с печали о безрадостной молодости молодая молодушка стала яблонью кудрявою“. Если, как вѣроятно, пѣвица примѣняла превращеніе к себѣ, то оно в символическом смыслѣ выхода замуж совершилось за долго до воспоминаній о молодости.

Окончаніе пѣсни (ст. 21), приставленное к ней независимо от запѣва, дѣлает из нея величанье, вѣроятно, мужа и жены, присутствующих на „бесѣдѣ“. Символизм спутан: играть на гусях=любить такую-то (см. выше 12), но она же является и пляшущей. Из сочетанія готовых поэтических мотивов выходят иногда цѣльныя художественныя произведенія высокаго достоинства, но выходят и болѣе-менѣе безсвязныя сцѣпленія. Я не могу вм. с г. Кохановскою (1. с.) думать, что эта пѣсня „замѣчательна по изумительной силѣ народнаго духа“ потому дѣ что она „принадлежит к тѣм пѣсням, гдѣ слова плачут, а пѣсня весело поет и пляшет“.

Превращеніе вѣдер в камень и коромысла (= самой дѣвицы) в явор могло быть mutatis mutandis перепесено на молодца в слѣдующей колядкѣ, которой первая половина (1—25: мать проклиняет сына, 3 сестры его провожают из дому, младшая спрашивает:

„Коли-же братейку, гостейком будеш?“

—Як білий каменец на верха сплине и пр.)

составляет особый, извѣстный в нѣсколькихъ варіантах пѣсенный мотив:

...Навернув конѣм от схода сонця

Та й поїхав си у темний лісок.

Виїхав овін в чистое поле,

Став му коничок білим камінцемъ,

Він молодейкій зеленим явором.

Ой стала мати за сином плакати

И пішла она за ним глядати.

Вийшла она си в чистое поле,

В чистое поле, в болонічейко,

Та и став єї дожджик кропити,

Та стала она на білий каминь,
 На білпй каминь, під зелен явір,
 Ей стали сі мушки кусати,
 Стала она си галузки ламати,
 Прорік яворец до неї словце:
 „Ей мати моя, мати проклята!
 „Недала єс мі в селі кметати,
 „Ище мі педаш в полю стояти!
 „Білий камінец—сивий коничок,
 „Зелене листья—мое одіпья,
 „Дрібніі прутики—мої пальчики“... .

(Голов., II, 55).

Считаю вѣроятным, что в основаніи образа тону-
 шей дѣвицы, из которой вырастает липа или явор, ле-
 жит солнечный мѡ. Выше (стр. 71), по поводу одного
 из вар. разсматриваемых здѣсь пѣсень, приведено доволь-
 но ясное свидѣтельство лот. п.: „Густая липа выросла на
 концѣ пути солнца“ и пр. Если, как можно думать, раз-
 сматриваемый пѣсенный мотив вмѣстѣ с вышеупомянуты-
 ми сказками, принадлежит к одному семейству с древне-
 египетской сказкой о Батау и Апену (разсмотрѣнной Ман-
 гартом в Lett. Sonnenmyth. Z. f. Ethnolog., VII, 235,
 327); то можно ожидать, что и в пѣснѣ окажутся слѣды
 полного круга превращеній солнечной дѣвы, т. е. в дере-
 во и потом обратно, сходно с упомянутыми сказками. Со-
 гласно этим можно разсматривать слѣдующую лот. пѣсню,
 какъ продолженіе исторіи утонувшей дѣвицы:

„Куда ты летиш, сокол (v. коршун, ястреб), надѣв-
 ши восковыя рукавицы?“ — Лечу навѣдаться к липѣ, ве-
 лика ли она выросла ¹⁾. — Густа, высока я выросла, вѣ-

¹⁾ С этим началом параллельны начала двух других пѣ-
 сень: а) „Куда ты поѣдеш, братец, надѣвши бѣлыя рукави-
 цы? — Поѣду навѣстить сестру; слышу, обижают ее чужанци
 (муж)“, Magaz. I. с. 174, Спрог. 241—2; б) „Куда поѣдеш,
 братец, обувши бѣлыя ноги? — Ты сестрица неспрашивай. По-
 дай мнѣ мечь, поѣду в золотой лѣс. — „Привези мнѣ золотую

тви опустила в Двину. Я сломя верхушку, брошу в морскую глубину. Найдут моряки-рыболовы, возьмут меня в лодку, повеют шолковым пологом, отнесут в церковь Маріи, положат в золотую колыбель. Положив в колыбель, зовут ангеловъ укачивать. Укачивали два божьи сына, укачивая, ухаживая (ожидая?) выкатали красную дѣвицу". За тѣм слѣдуют стихи непоятные мнѣ, а по видимому и издателью, которому принадлежат вопросительные знаки:

Pazieść (?) wowu mamuleniū.

„Kur tu bieі miła motie?“

„Szym godym po jureniu lidineju

Por pałaku wanadzianiu“. (?)

Предпоследній стих пспорчен вставкою „szym godym“ [„Этими годами (этим временем?) я носилась по морямъ сивым соколом (v. сѣрым ястребом)“?], Magaz. d. Lett. Ges. 1. с., 168—9. Вариант у у Бривз. N 123 начинается съ „Я сломила вѣточку“ и кончается такъ: „Качает, лелѣет ее Марія, и выросла красная дѣвица съ золотыми волосами и бѣлорумяным лицом“.

Эпизод Калевалы о прекрасной Айно представляет нѣсколько точек соприкосновенія со славянскими пѣснями. Так Айно вяжет три (банные) вѣника (= вѣнки слав. п.) для отца, матери и брата, но не для стараго Вейнемейне-на, за котораго нехочет идти за-муж. Она говорит, что лучше ей утонуть в морѣ чѣм выйти за старика ¹⁾. Когда

вѣтку“. Из этой золотой вѣтки свила я себѣ вѣночек, вошла в перковь, господа спрашивают: „Гдѣ ты взяла? Кто тебѣ дал? — В Ригѣ купила, деньги дала, в Нѣмеччинѣ сковали“ (Magaz. ib. 169).

¹⁾ Ср. на пр. вр.:

На дно моря пойду, за стараго нейду;
ручки недаю!

Незамай мое тѣло вода размывает,
Незамай мое бѣло рыба разѣдает,

она утонула, мать плачет по ней в три ручья, три потока, на каждом три водопада, в каждом водопадѣ по три скалы, на каждой скалѣ по зеленому холму, на каждом холму по три зеленыя березы и на каждой березѣ по три кукушки, при чем однако всѣхъ кукушекъ только 3: одна три мѣсяца кукуетъ (по?) дѣвицѣ, другая 6 мѣсяцевъ оспиротѣлому жениху, третья — всю жизнь — бѣдной матери. — Это измѣненіе мотива извѣстнаго всѣмъ славянскимъ племенамъ, литовцамъ и лотышамъ скорѣе пришло с юга на сѣвер, чѣмъ на оборотъ.

Среди такой обстановки находится слѣдующій мотив.

Когда мать Айно была еще в дѣвкахъ, дѣва солнца дала ей золотыя дары (пояса и пр.), дѣва мѣсяца серебряныя. Дѣвица от радости два дня неснимала ихъ с себя, на третій спрятала ихъ в сундукъ, гдѣ они лежали до возраста ея дочери. Айно надѣваетъ это *солнечное и мѣсячное платье* и в горѣ от предстоящаго замужества, приходитъ к берегу моря. Утромъ *при восходѣ солнца* она увидала вдали — 3 дѣвицы купаются. Она сняла платье и поплыла к нимъ, по пути сѣла отдохнуть на камень, камень погрузился на дно и Айно утонула. Утопая, она говорила: „пусть никогда мой отецъ незакидываетъ сѣтей в этихъ водахъ, мать неберетъ отсюда воды для дома, братъ пепойтъ здѣсь коня, сестра неумываетъ своего лица“, п. ч. „эти воды смѣшаются с моею кровью и рыбы здѣсь будутъ питаться моимъ тѣломъ“ (Кал. перев. Гранстрема, 25).

Солнечное и мѣсячное платье утонувшей приводятъ на память слѣдующую словацкую пѣсню, которая по размѣру $2(6+6)$ отчасти или въполнѣ сходна с вышеприведенными мр., болг., хорв. (стр. 206, 210, 212), а по общему характеру подходитъ к другимъ пѣснямъ того же раз-

Незамай мою косу волна разбивает,
Незамай мою русу трава порвивает,
(Коханов., Нѣск. р. п., 94—5).

мѣра и разряда (см. мой Разб. пѣсень Голов., 47 слѣд.).

Naša pani kňahne po palote tiahne,
Pieseňku si spieva, slzami zalieva:
„Bože môj, Bože môj, čo som urobila,
„Za teba, suhý byl, ružu som pustila.
„Keby bola išla za Dunaj za kráľa,
„Za Dunaj za kráľa, za Nemca cisara,
„Bola by videla jak to more hrá,
„Jak to more hrá, jak ten Dunaj splýva“.

Конюх подслушивает эти сожалѣнія и доносит ея мужу, который приказывает:

„Pani moja, pani, obliekaj si šaty
„Čo sa budú rovnat' slnku i mesiaci.
„Pojdeme sa dívať jak to more hrá,
„Jak to more hrá, jak ten Dunaj splýva“

и заставляет ее трижды переплыть Дунай:

„Mojou kňahňou budeš, keď tretí raz prejdeš.
За третьим разом она тонет. Он:

„Rybári, rybári, lapajte mi rybu,
„Lapajte mi rybu, môjmu srcu libu.

За первым разом вытянул он ея вѣнец, за другим „губок“ за третьим саму (Sb. Matice slov., I, 41).

В моравской п. весняночнаго размѣра Дунай должен переплыть жених:

Tam z tej strany Dunaju
Tam se chlapci schádzajú
Sobě hadky dávajú:
„Kdo ten Dunaj preplyne,
„Ten to děvče dostane“

(Suš., Mor. n. p., 189).

Тот же мотив без всякой вѣроятности заимствованія с одной или другой стороны, в колядкѣ (запис. в Вилеп. губ., сообщенной мнѣ студ. Садовским):

Посеред двора широкаго,
Там плывеъ Дунай цихусянькі,
Там стоїць явор зелянюсенькі.

„Хто геты Дунай пирапливець,

„Хто геты явор пирасячець?

Адазвався малады N

„Я геты Дунай пирапливу,

„Я геты явор пирасяку.

С этим ср. купальскую (Шейн, Бр. п., 164):

У короля сирад двора

Божа ж мой!

Тынок высок, Дунай глубок.

„Хто геты тынок пираскочиць,

„Хто геты Дунай пирапливець,

„Каралевночку за сябе возьмець.

Исполняет эти задачи не N, а N (величаемый).

Превращение убитой. К другой группе, отличной от пѣсенъ о Ганнѣ по размѣру (основной разм. 4+4), принадлежит купальская у Чуб., III, 213, А:

Торох, торох (v. порох 2.) [да] по дорозі,

Голос, голос [да] по дуброві...

... [Ой] то брат сестру зарубать хоче,

[А] сестра (в) брата [да] просилася:

„Ой братіку, муй голубчику!

„Нерубай [ти] мене й у субуйтоньку,

(Зарубай мене й у неділеньку)

Й у неділеньку [рано] пораненьку,

Посічи [ти] мене [да] на друбен мак

[Да] посій [ти] мене й у трох городочках,

Й у трох городочках [да] на трох грядочках,

[А] й уродиться да трой зілечко...

[Що] любисто(чо)к [за] для любощей,

[А] барвіночок [за] для дівочок,

[А] василечок [за] для пахощей.

... [И] до церкви йдуть [и] васильки несутъ

... [И] мене спомянуть, [и] тебе прокленуть.

Послѣ 15-го ст. въ этом вар. пропуск, дополняемый дру-

гими варіантами: Б (Чуб. ib.) и В (Черн. губ. Вѣд. 1855, N 21, мѣстечко Юриповка Новгород-сѣвер. у.):

Порах, порах па дарогах,

Иване, Иванесеньку!

Сестрин галасок па дубровах:

Сестра в брата просилася:

„Братко ж ты мой да й Иваначку!

„Негуби мене да й у барочку,

„Приведи мене да й да дамочку,

„Загуби мене в неделячку,

„Як измыю да й галованьку,

„Да й заплету русу косаньку.

„Загуби мене в-край дарозі (v.)

„Абсей мене гваздычками

„Абсады мене василёчками,

„Девачки йдуть, гваздычкы рвуть

И мене зпаминуть:

„Тут спить—лежить Иванава сестра!“

„Парабочки йдуть, стрелачки рвуть

И мене зпаминуть:

„Тут спить—лежить Иванава сестра

Да й Анюшачка!“

(Маладички йдуть) василёчки рвуть

И мене зпаминуть...

Иване, Иванесеньку.

Пѣсня эта извѣстна и как русальная (Чуб. III, 191), стало быть вовсе не исключительно приурочена к Купалу. Весьма вѣроятно, что она, как и пѣсни о тонущей дѣвицѣ, примѣнялась к выходу замуж. Превращеніе в цвѣты можно сблизить со свадебным мотивом: невѣста сѣет свою красоту, долю (Гол. IV, 216, 235—6; 212), которая вырастает цвѣтами, достается другим дѣвицам (ср. мое соч. Сл. о П. Иг., 57—9); оставляет свои цвѣты на память матери, сестрѣ—дѣвицѣ (Чуб., IV, 258, 405), как оставляет она свой дѣвичій вѣнок (Чуб., IV, 178; ср. Гол., I, 178), свой портрет (Гол., IV, 217).

Польскій вар. (Kozłowski, Lud etc., 41—2) мотивирует убійство тѣм, что сестра непослушалась брата, уѣхавшаго на войну, потеряла вѣнок, привела дитя. В этом, но не въ слѣдующих стихахъ пѣсня самостоятельна по отноше- нію к мр.:

Porumbciez me w drobny masek,
Zasijciez me w ogródecek,
(Za)sijcie me we świtanie,
Jok nojronsy ptasek wstanie;
Wyrośnie ze mnie troje ziela...
Rutka, lelijo i sołwija;
Bendo tamuj panny pytać
O grzeczny Kasi bendo spiwać.

Нѣкоторые русс. вар. (Чуб. III, 191; 213—4, Б; Безс., Бр. п., 43; ср. и Шейн, Бр. п., 156) рационализуют превраще- ніе:

...поховаѣ мене,
Обсади мене трома зільлями.—

Потеря перстня дѣвицей (мотив, о котором будет рѣчь и ниже) переносится в хорв. пѣснѣ на св. Юрѣя, как можно думать, лишь на том основаніи, что пѣсни, в коих встрѣчается этот образ, совпали по времени с днем св. Георгія:

Свети Јура крес наложил
На Јурјеву на вечерју,
Димо пошел, перстен згубил.
„Иди, љуба найди га...“

(Kukuljević, Dela, IV, 249).

Подобным образом смерть и превраще- ніе в растенія в слѣд. купальской п. приписаны Ивану:

Йване Йвашеньку,
Та непереходь та дороженьки,
Купала на Йвана!
Купався Йван та в воду упав,
Купала на Йвана!

Як перейдеш, виноват будеш,
Виноват будеш, й коника збудеш.

Як поймаем, порубаєм
На дрібен мак, на капусточку,
Та посієм в трёх городочках...

...Та виросте з тебе три зілини...

(Метл., 310; В. Пасек, Оч. Росс., I, 96:

...Посічу тебе на капустоньку
Та посію тебе у трёх городцях.

Та вроди, Боже, трое зіллячок...).

Мотив убійства — переход через дорогу — может быть первообразен и имѣть мифическія основанія.

Черты „в воду упав“, „коника збудеш“ в самой этой пѣснѣ неимѣющія значенія, намекают на существованіе другой, сродной, с коей они тѣснѣе связаны, в родѣ на пр. слѣд. купальской же того же размѣра (5+5):

Иване, Ивашеньку!

Та неграй конем да по над морем,

Иване, Ивашеньку!

Да Дунай-море да й урічливе,

Урочу ¹⁾ я тебе и коня твого

Коня вороного, тебе молодого ²⁾,

Збру(о?)ю твою да козацькую,

Красоту твою молоденькую.

Збру(о?)ю твою на возах везуть,

Красоту твою на руках несуть,

В збру(о?)ю твою убіраються,

украшаються...

У Чубинского, III, 221—2 непосредственно за сим идет пѣсня того же размѣра на тему: „вдову легко брати а важко жити“, а дѣвицу на оборот, пзвѣстная, как самостоятельная веснянка (Чуб., III, 114—5). Причила сшивки этих двух пѣсень, кромѣ единства размѣра, может б. та, что и первая, несмотря на реалистическія черты взя-

¹⁾ Кто говорит? море?

²⁾ Можно бы ожидать „коня вороныця й тебе молодця“.

тыя из козацких пѣсень, примѣнялись к сватанью и браку. Возможность такого пониманія дана была стихом:

„Та неграй конем та *понад морем*“, ибо „ходить коло води“=любить, ухаживать:

Ой неходи коло води, бо з берега втонеш;

Ой нелюби багатої, убогую візьмеш

(Чуб., V, 38; ср. Гол., IV, 473).

Ой неходи по-над воду, бо в полошку впадеш;

Ой нелюби чужих жінок, бо кайдан неvvійдеш

и пр. (ib. IV, 517).

Ой неходи коло води білими ногами,

Неуривай серця мого чорними бровами.

Ой неходи коло води, нехай тя забуду;

Нехай тебе инший любить, я тебе небуду

(Гол., II, 271).

Ср. ib. 753, 91, а по первому стиху ср. слѣд.:

Ой неходи коло води, жовтоногий кібче:

Єсть у мене краший тебе, доріженьку втопче.

Ой неходи коло води, жовтими ногами:

Єсть у мене краший тебе з чорними бровами

(От черпоморца).

Совершенно явственно тоже значеніе (=ухаживать, любить) у Гол., II, 403—4 (NN 739—742 должны быть соединены в одну пѣсню). Отсюда понятно слѣдующее:

Куди хожу, туди хожу, а все по-над воду

(т. е. чтобы ни дѣлала, а все—мысль о нем; а между тѣм)

Гей неприяде мій миленький на мою незгоду

(Гол., II, 407).

Ходит милий над водою, сітков рыбу ловит;

(а между тѣм)

„Щось до мене, пане брате, дівчинонька неговорит

(Гол., III, 136).

Ти на тім боці, я на сім боці,

Обое над водою;

Несуди-ж ти мене, серденько мое,

Стоячи з другою (Чуб. III, 175),

т. е. хотя мы в разлукѣ, но любим друг друга, поэтому...

Отношеніе образа „быть у воды“ к началу пѣсни „...Вівчарь вівці гаяє“ см. в моем Разб. пѣсень Головацкаго 20.

По отношенію к значенію „коло води“ образ дѣйствующаго безразличен. Ср. выше „жовтопогий кобець“ и ниже лебедь, голубь: Чуб., V, 224; Гол., III, 386—7, 780.

Упасть с коня в воду = жениться, Голов., III, 819; IV, 445.

Превращеніе сгорѣвшей (сгорѣшаго).

Б. м. не случайно, а в силу принадлежности к одному и тому же разряду и в силу связаннаго с этим древняго сродства образов, выше рассмотрѣнныя пѣсни о тонущей дѣвицѣ и по размѣру сходны с пѣснями о горящей липѣ — дѣвицѣ. Ср. русс., серб., болг. п. о тонущей, на пр. серб.

Бјелила Маре дарове (стр. 71—4, 194)

и морав., хорв., поль., русс. о горящей, на пр. поль.

Pod borem sosnia stojała

A pod niu panna gorzała

(стр. 180 сл.).

Пѣсни о превращеніях утонувшей (убитой, убитаго) отличны по размѣру (6+6 и 4+4). Этим ослабляется ожиданіе подобнаго случая, именно пѣсень о превращеніях сгорѣвшей (сгорѣшаго). Тѣм не менѣе вѣроятно, что этот мотив, как самостоятельный или главный, существовал, облеченный в размѣр 5+3, ибо в качествѣ второстепеннаго, он вошел в нѣкоторые вар. пѣсни о дѣвицѣ утопившей свое дитя и за то казненной. В одних вар. палач ей рубит голову (Sus., Mor. п. р., 158) или бросает в рѣку (Sus., ib. 157; Kolb., P. l. pol., 155 сл.). Последнее дает повод внести сюда вышерассмотрѣнный мотив: дѣвица тонет, отец и мать ее неспасают (Kolb., ib., 166—7). В других вар. — сожженіе:

...I zapalcie ją (Kasię) na polu

I nagóbcie z niej poroju и пр. (Kolb. ib. 153).

Или она сама говорит когда ее сожигали:

Naróbcie ze mnie poriołu
I rozsiejcie mnie po polu.
Wyrośnie ze mnie róży kwiat
Będzie mnie płakać całą świat и пр.
(ib. 154, 161).

К малорусской купальской (см. выше стр. 352):

Посій мене в трёх городках,
Уродиться тройзіллячко:
Любисточок для любощей,
Барвіночок для дівочок,
Василечок для похощей

примыкает болгарская хороводная (от хоро), в которой сожжение является уже сознательно-иносказательным поэтическим образом:

Море велико, море кадуно!
Изгоре ме, опали ме,
Учини ме сухо дрво,
Сухо дрво яворово.
Земи телка ¹⁾, осечи ме,
Та ме стакни (в) силен вогень,
Яз ке стана прах и пепел.
Та ме збери в тепки скути,
Та ме фрли в градина-та,
Градина-та босилок-о.
Яз ке никна жълто цвеће,
Да ме береш мале китке.

Сходно с этим в вар. Милад. 376—7:

Да го сеиш (пепел) во градина
Да израстит рами босилок,
(Рами) босилок киска цвеке,
Да го берет девойки-те
Да го посѣт в пазу'и-те ²⁾

¹⁾ Съкира.

²⁾ Вар. у Верковпча, Н. п. Макед. Буг., 53—4 к приведенным выше стихам 1—12 присоединяет другой мотив. Обо-

Болѣ длинный ряд превращеній в слѣд:
Ако умрам, да нежаляш,
Да не жаляш, да неплачиш,

ротившійся в цвѣток просит:

Ми недавай на моми-те,
Че моми-те лудо носат:
Ден ваздаден на глава-та,
Вечер ке си дома дойдат,
Ке ме свалет от глава-та,
Ке ме фрлет ¹⁾ сред кашта-та,
С'утром рано ке да станат,
Ке да сметат рамна кашта,
Ке ме фрлет на буниште ²⁾.
Да ме дадеш на момчета,
Че момчета мудро носат:
Ден вазда ден на глава-та
Вечер ке си дома дойдат,
Ке ме кладот студна йода,
Ке ме земат от вода-та
Ке наредe на глава-та.

Этот мотив, как самостоятельный, в серб. п. того же размѣра:

... Невен цвијет проговара ...
... Јунацим' ме недавајте,
Јунаци ме ружно носе:
Об дан носе за саруком
А у вече веће баче,
А ја јадан веће вехнем.
Ћевојкам ме раздјелите:
Ћевојке ме добро носе:
Об дан носе за јашмаком,
А у вече у водицу,
А у јутру у недарца
Тад невахнем, него чезнем.

(Кар., Пјес. из Херц., 252. Другая сходная п. „Смиль се ту-
жи“ id. Пјес., I, 382). Болѣ далека и отлична по разм. 5+3
мр. веснянка (Чуб., III, 68; Гол., IV, 166: Роман зідля копає)
и бр. того же размѣра купальская (Шейн, Бр. п., 151):

(Ой) у гарѡдзе над тынком
Двараніи зєдлє копаїць.

¹⁾ Бросят средь нѣбы. ²⁾ Сметник.

Да ме зе'иш во скуте'и,
Да м' однесиш на гемія,
Да ме фрлиш по море-то.
Ке се сторам морска риба,
Ке ме фатет влакари-те,
Влакари-те, рибари-те,
Ке м' иста'ет на ноф пазар.
Ти д'излезиш да ме купиш,
Да ме вариш, да ме печиш,
Ке се сторам праф и пепел.
Да ме збериш в ал шамія,
Та да пойдиш во градина,
Тамо да ме испосеиш,
Ке излезам рамн босилок,
Що го носет девойки-те
Девойки-те в пазу'и-те;
Ке излезам бяло цвеке
Що го носет юнаци-те
Юнаци-те пот фесо'и

Милад. 458 (ср. тоже ib. 378—9 (N 296), 387 (N 318).

IV.

Веснянки (Петровочныя, Купальскія) розміра 5 + 4.

Размір $^2(5+4)$, представляючий можливість растяженія второго метра до 5-и слогов, на пр. „Ой весна, весна | (та) весняночка“, столь же характеристичен для весенних и лѣтних дѣвичьих пѣсень, как розмір $^2(5+5)$ с припѣвом — для колядок. Ср. на пр.

— „Ой весна, весна да весняночка“,
веснян., Чуб. III, 113.

— „[Ой] на морі утка купалася“,
весн., Чуб. III, 134—5; Шейн, Бр. п. 121—2, купаль-
ская іб. 155 и весн. Чуб. III, 146.

В мр., бр. вариантах утка

На бережечку сушилася;

Дівка (Оленка) журилася . . . ,

т. е. переходъ мысли, как в словѣ *сухота*, печаль. В Ст. Осколь. у. пѣсня с таким же началом — свадебная, основанная на другом сближеніи, извѣстном и в мр. свадебных (Чуб. IV, 181, 354): утка боится холодной воды (лютаго мороза), дѣвица — лютаго свекра („На морѣ утушка купалася“, Кохановская, Остатки бояр. пѣс. 94, Р. Бес., 1861, II).

— В предыдущую веснянку вводится ст. „Чи було літо, чи не було“, неумѣстный в веснянкѣ, собственно принадлежащій слѣдующей Петровочной.

Та Петрівочка минається!

А чи було літо, чи не було,

Чомусь воно мені недокучило;

Що я молода[я] негуляла,
Що я челядоньки невидала.
Мене моя мати непускала,
Та й у комірочку зачиняла,
Золотим замочком замикала,
[А] замикаючи [при]говор[юва](и)ла:
„Оттут сиди, доню, в коміроці,
„Поки розійдуться вечерниці!“
А я [в] комірочку підкопала[ся]
Пішла на улицу, [на](по)гуляла[ся].
Иду из улиці нагулявшись,
Сидять вороженьки повисипавшись

(Волч. у.; ср. Метл. 328: Чуб. III, 132, 146).

— Весн. „Та дубрівная (та) зозуленько“ Метл. 305;
Чуб. III, 144—5 (А. Ст. 1—9, Б.); Голов. II, 680. Это
жалоба невістки, или дѣвицы, которая представляет се-
бя уже невісткой.

Сходны по началу, но другого весняночного розміра
5+3+3, пѣсни у Голов. II, 179, 183.

— Весн. „(Ой) у горіді у холоді“, Чуб. III, 155 (как
мать будет горевать, выдавши дочь за-муж).

— Весн. „Ой горе, горе, сухой дубе“ (см. выше
139; и слѣдующій вар.:

- Ой сухой дубе, гориш дуже,
Паше поломъя через воду, 2
Ой через воду, на слободу, 2
Де Катерина біль білила, 2
5 А біль білила, шиття шила, 2
Й та к тому шиттю говорила: 2
„Ой шиття моє білесеньке! 2
„Ой як я піду за милого, 2
„То виперу тебе в Дунаечку, 2
10 „Висушу тебе на сонечку, 2
„Скачаю тебе на столичку, 2
„Сховаю тебе у скринечку“. 2
Ст. 13—18=1—6
19 „Ой шиття моє тонке біле! 2

„Ой як я піду за нелюба, 2
 „То виперу тебе в калюжищі, 2
 „А висушу тебе у димищі, 2
 „Та скачаю тебе на землищі,
 „Сховаю тебе у бодніщі“.

(Волч. у.) „Біль білила“ см. также Шейн, Бр. п. 132.

— Петровочная „Малая нічка Петрівочка“ (см. выше 140) и купальская „Малая ночка купалночка“ (ib. ср. Шейн, Бр. п., 157).

— Весн. „Летіли гуси зизаючи“ (величанье своего села и насмѣшки надъ чужимъ), Чуб. III, 161—2.

— *Петровочная:*

Ой під вербою зеленою
 Там стоять коні на припоні 2
 И посідлані й попуздані, 2
 Ой тільки сісти, поїхати 2
 Та й у Рубіжню дівок сватать. 2
 Та й у Рубіжні дівки багаті:
 Шикють рушнички з крамнички,
 Торочать торочки з чорного шовку

(Волч. у.), 2-я половина (Там, (т. е. в другом селѣ N), усе дівки убогі) опущена. Ср. Чуб. III, 114—5.

— *Купальская:*

Та купалочка з купала йшла
 Та кропом очі завішала,
 А в зуби ріпи натикала.
 А їй же люде дивуються.
 „Та недивуйтеся, дивні люде!
 „Я бачила (диво) ще дивнійше;
 „Що рак-неборак цівки суче,
 „Муха-горюха діжу місить,
 „А комарь пищить, водицу ташить:
 „Ой як би мені не перелазил,
 „Тоб привіс [водиці] (и) ще [й] чотирі рази.

Волч. у.

Ср. три хорошіе вар. у Шейна, Бр. п. 148—9, испорченный у Чуб. III, 200—1 (Из Б. р. н. Терещ.)=Безс. Бр.

п. 54, с ошибочными объясненіями того, что значит „рак на буйрак“ (т. е. неборак) и цівки“.

— Весн. „Ой під вербою [да] неметено“, Чуб. III, 126, Купаль. ib. 210.

— См. также купаль. у Чуб. III, 211, 212, 213—4, 219, 220.

До чего исключительно этот размѣр принадлежит весенним и лѣтним пѣсням, видно и из того, до какой степени он необычен в пѣснях другого содержанія, неприуроченных к веснѣ и лѣту. В V-м т. Сб. Чуб., заключающем в себѣ образцы почти всѣхъ употребит. размѣров, всего 1884 N пѣсень. В этом числѣ пѣсень размѣра 5+4 около десятка, при том почти исключительно таких, которыя или суть веснянки, петровочныя и пр. или ведутъ отъ нихъ свое начало.

Т. о. пѣсня „Ой ти дібровная зозуленька“, Чуб. V, 688—9 есть прямо петровочная, а сходная съ нею по началу п. Чуб. ib. 360 (706), находящаяся и во внутренней связи с предыдущею, имѣет размѣр 5+4 только в первых двух стихах, чѣмъ быть может указывает на свое происхожденіе, а затѣмъ переходит в 4+4.

Можно попытаться возстановить первообраз этой пѣсни, напоминающей *Theilung der Erde* Шиллера и вр. стих у Безе. Кал. I, 1—7) или таким образом:

Боровая зозуленько!
Чому рано некувала,
Чому правди неказала?
Чому рано незбудила?
Чужі дівки рано встали,
Щастя—долю розобрали;
Я молода спізнилася,
Лиха доля зустрілася и пр.

или в размѣрѣ 5+4.

П. „Ой ти утка сіра луговая“ есть прямо великорусс. плясовая, т. е. всетаки веснянка (Сах. Ск. Р. н. I, 3, 87; Шейн, Вр. п., 218), весьма распространенная до Харьк. г.

включительно, своим размѣром и характером доказывающая, что рассматриваемый разряд пѣсень не принадлежит исключительной малорусской пѣсенности:

Ой ты утушка луговая!

Люли, люли луговая!

Ты (и)гдѣ спала—ночевала?

Ночевала я в лужочкѣ,

Под ракитовым под кусточком,

Под калиновым под листочком.

Уж как шли прошли скоморохи,

(=Тут ишли—прошли три вдалье,

Три молодчика молодые)

Они срѣзали по пруточку,

Они сдѣлали по гудочку.

„()“, вы, гудки, негудите,

„Мово батюшку несбудите!

„Мой-ет батюшка спит с похмѣлья,

„Со великого перепую;

„Моя матушка за рѣкою

„() Варит пиво (молодое?)

„() Курит вино зеленое,

„() поит зятя молодого

„Своего гостя дорогого“.

Значит, как говорит дѣвица в другой мрусс. лѣтней,
„Я одкрадуся, нагуляюся“.

Извѣстная п. „Та орав мужик край дороги“, Чуб. V, 1177, заключает в себѣ весняночную черту:

(v.) А там дівка Катерина

(Та вона) в Сулі ноги мила...

с чѣм ср. выше 139 и 144.

— П. у Чуб. V, 722 есть веснянка того же характера, как выше стр. 144.

— Б. м. под вліяніем таких веснянок, как выше 140, гдѣ „... Катерина с тонкою біллю говорила“ к этому же размѣру склоняется один из вар. п. о дѣтоубійствѣ (Чуб. V, 363), пѣсни, коей болѣе исправные вар. имѣют другіе

размѣры: $6 + 4$ (Укр. п. вид. Баллін. 67) и другой, въ п. тоже записанной мною, $4 + 4$ ¹⁾.

Столь же рѣдко встрѣчается размѣръ $5 + 4$ между свадебными (на пр. Чуб. IV, 171). ²⁾.

За исключеніемъ упомянутых, остается еще два семейства пѣсень размѣра $5 + 4$, заключающія в себѣ образы, которые я а priori назову *верба над водою* и *ремез*. Эти образы, различные по происхожденію, сближены между собою и, по видимому, не без взаимнаго вліянія, прошли весьма сходные пути развитія. Формальное их сходство состоит в том, что оба семейства в концѣ развитія дают поэтическія формы, принадлежащія к наиболѣе сложным и совершенным, представляющія особаго рода сочетаніе символизма (иносказательности в тѣсном смыслѣ, когда

¹⁾ Последняя замѣчательна по мотиву второго, ожидаемаго убійства, встрѣчающемуся и в дѣйствительности:

Катерина

(Вона) сина породила,
В колодязі затопила,
З буйним вітром говорила:
„Повій вітре буйнесенький,
„Та нажени чорну хмару,
„Спусти з неба дрібен дощик,
„Позаливая всі слідочки,
„Щоб туди люде неходили
„З колодязя води брати,
„Щоб дитяти незиськали
„Та батюсці неказали:
„Мій батенько мене любить,
То він мене з світа зубить!

²⁾ Не чаще встрѣчается в V т. Чуб. и другой весняночный размѣръ $5 + 3$ (на пр. 321). Пѣсня ib. 795 есть веснянка = приведенной выше, стр. 144. В свадебных этот размѣръ обычен, но нѣкоторые из этих свадебных суть веснянки, на пр. Чуб. IV, 80 (46), 249 (603), 322 (845).

сравниваемые величины принадлежат к различным порядкам) и реалистической типичности.

Можно различать три способа пользования поэтическими образами:

А. Когда словесное выражение находит только образ, а примѣненіе его держится лишь в мысли;

Б. Параллелизм, когда выражается сначала образ, потом примѣненіе, при том как равносильныя части цѣлаго;

В. Когда примѣненіе подчиняется образу или на оборот.

Первый случай такого подчиненія (В.), сравнительно мало извѣстный, состоит в том, что примѣненіе представляется сравненіем, объясняющим символическій образ:

... Там тобі, дубе, горе буде,
Як тій невістці у свекрухи.

Или:

Соловѣви діти погоріли ...
... Ой як козаченьку без дружини,
То так соловейку без дитини

Чуб. V 850.

Второй случай, подчиненіе символическаго образа объясняемому, представляет нѣсколько видоизмѣненій: сравненіе в тѣсном смыслѣ при инверсіи (на пр. Н мається, як горох при дорозі), припѣв, запѣв. Запѣву народной пѣсни в лично-поэтических произведеніях соотвѣтствуют такія формы, как на пр. вступленіе „Мѣднаго всадника“, пролог „Руслана и Людмилы“ Пушкина. Извѣстно, что этот пролог написан лѣтъ через 8 послѣ самой поэмы. В народной поэзіи скорѣе наоборот: подобный акт творчества состоит в соединеніи двух или болѣе пѣсень, первоначально самостоятельных, из коих та, которая становясь запѣвом расширяет сцену дѣйствія или углубляетъ его смысл, может быть древнѣе той, к которой присоединяется.

Что до сходства значенія разсматриваемых здѣсь образов, их т. ск. лексической синонимичности, то оно, если не ошибаюсь, было замѣчено уже давно. Именно, мнѣ

кажется, что Г. С. Сковорода. († 1794) соединил в одно два свои, различныя по языку стихотворенія, на основаніи сходства значенія народно-поэтических образовъ, внушивших ему эти стихотворенія. Впрочем Сковорода, для выраженія основного правила своей жизни (см. эпиграф), равномерно переименовал оба образа: вм. „невий гнізда на ледоньку“ — „неклади гнізда *высока*“; вм. „пестій вербо над водою“ и „явір над водою“, поставил „явор над горою“ и „верба над водою“ в том смыслѣ, как дуб и трость в баснѣ.

„Господь гордымъ противится, смиреннымъ даетъ благодать“.

Ой ты птичка желтобока!

Неклади гнізда *высока*;

Клади на зеленой травкѣ,

На молоденькой муравкѣ.

Вот ястреб над головою

Висит, хочетъ ухватить;

Вашею живетъ онъ кровью:

Вот-вотъ ногти онъ острит!

Стоитъ явор надъ горою,

Все киваетъ головою.

Буйны вѣтры повѣвають,

Руки явору ламаютъ;

А вербочки шумятъ низко,

Волокутъ мене до сна;

Тутъ течетъ поточокъ близко,

Видно воду ажъ до дна.

На чтожъ м(е)нѣ замышляти?

Что в селѣ родила мати? (вѣс)

Нехай у тѣхъ мозокъ рвется,

Кто высоко в гору дмется;

А я буду себѣ тихо

Коротати милый вѣк.

Такъ минетъ мене все лихо,

Щасливъ буду человѣк.

(„Садъ божественныхъ пѣсней, прозябшій изъ зеренъ священнаго

писанія“. Ркп. Библ. X. У.).

Зерна пародной пѣсни, переродившіяся у старца Вар-Саввы, в свою очередь переродились в стихотвореніи В. В. Капниста († 1824), автора оды на рабство, который, по видимому, не слѣдовал примѣру Сковороды и нелегко мирился со своим „низким предѣлом“:

Кверху жаворонок вьется,
Над горой летит сокол,
Выше облаков несется
К солнцу дерзостный орел;
Но летает над землею
С мягкой травки на цвѣток
Нѣжной пылью золотою
Отягченный мотылек.

Так и мнѣ судьбою вѣчно
Низкій положон предѣл:
В урнѣ роковой, конечно,
Жребій мой отяжелѣл.
Случай как ни потрясает
Урну, всё успѣха нѣтъ;
Как жезлом в ней ни мѣшает,
Жребій мой на дно падет.

Так и быть! Пусть на вершинѣ
Дубы гордые стоят;
Вѣтры буйные в долину
Низким лозам невредают.
Если жь рок и тут озлится,
Что осталось?—Терпѣть!
Болѣ щастливый боится,
Чѣм несчастный умереть.

1. „Ой нестій, вѣрбо, над водою“.

Веснянка и купальская:

Ой нестій, вѣрбо, над водою,
Непускай гилья по Дунаю:
Ой Дунай—море розливає,
И день, и нич прибуває,
(Та) в верби корень пидмиває,
(И)з верху вершок усихає:
[Ой] стань (собі), вѣрбо, на риночку,
У хрещатому барвіночку,
У запашному василечку.

(Маркев. Обычаи и пр. 12, Чуб. III, 205).

То, что это есть пѣсня весенняя и лѣтняя, а вмѣстѣ и традиціональное значеніе отдѣльных черт образа (верба—дѣвица, см. выше 156—60; разлив — горе, выход замуж, мое соч. Сл. о П. Иг. 73 сл.; барвинок, василек—символ дѣвства) показывает, что пѣсня противопоставляет счастье дѣвицы участи замужней. Слѣдующая веснянка в вышеупомянутой формѣ уподобленія символа объясняемому, неоставляет мѣста сомнѣнію:

(Ой) нестій дубе при дорозі:
Там тобі, дубе, горе буде,
Як тій невістці у свекрухи:
З ночі до ночі на роботі,
Прийде до дому—у скорботі.

Стань собі, дубе, у садочку,
У хрещатому барвіночку,
У запашному василечку:
Там тобі, дубе, добре буде,
Як тій донечці у матінки:
З ночі до ночі у таночку,
Прийде до дому у віночку

(Метл. 301; ср. купаль. Чуб. III, 207).

Б. м. сходное значеніе имѣет лотыш. п.: „низковѣ-твистый дуб, зачѣм ты ростешь в долинь? Над тобою летают пчолы, мимо тебя ѣздят бортники и еще дѣвицы до-

мают (твои) вѣтви, стоя на пригоркѣ". (Бривземн. в Сб. Дашк. N 216).

К этому же семейству веснянок должна быть отнесена безыменная п. у Чуб. V, 489—90 (А, Б).

Ой нестій, явор, над водою:

Да вода корень підмиває,

Да вітер гілле (об)ламає ¹⁾;

Да нейди, дівко за старого я пр.

Подобный вар. мог быть извѣстен Сковородѣ („вѣтры . . руки явору ломают“).

Отсюда идет образ, иначе примѣненный в общеизвѣстной п. другого, менѣе первообразнаго размѣра ²(4 + 4 + 6):

Стоїть явір над водою,

в воду похилився;

На козака пригодонька,

козак зажурився . . .

(Ср. Чуб. V, 319, 421).

Б. м. от веснянки „Ой нестій вербо“, под вліяніем пѣсень о любви, разлукѣ через ворогов и т. п., размѣра 5 + 7 (ср. Голов. I, 105—6; Чуб. V, 372; ib. 157; „Чи заміж іти, чи дівкою гуляти“, Гол. I, 270; Этн. сб. III, 94—5) идет „лѣтняя п.“:

Ой стоїт, стоїт вербонька над водою.

„Зімвая вода крыніца пуд тобою:

„Ні се піці, ані есці варыці

„Ой оно туолько козаченькоу чарыці“.

„Ой очарыла, дзевонько, очарыла:

Сјеу вечераці, вечеронька неміла!“

—Бодай ты незнау, як копіка седлаці,

Як я незнаю, чым тебе чароваци.

Ой очарыла ліхімі чароньками:

Бјслым ліченьком, чорненькімі очамі.

(Заблудовье, Этн. сб. III, 94).

¹⁾ „(Об)ламде“. Для размѣра я прибавил предлог. Суествованіе таких архаических форм настоящ. вр. (не „обламує“) для меня внѣ сомнѣнія.

Дальнѣйшее видоизмѣненіе образа в слѣд. п., гдѣ „чари“
—отрута:

Ой нестуй, нестуй, вербонько над водою,
Каламутная водиця пуд тобою:
Ні її пити, [іі з її] (ані їсти) варити,
Ой ино єю вороженькув труїти...

(Чуб. V, 132).

Ср. также Шейн Бр. п., 134 (195).

То что в весн. „Ой нестій вербо“ высказано, как со-
вѣт („Стань собі, вербо, на риночку) в слѣдующей весн.
изображено, как дѣйствительность:

Ой під вербою неметено,
Під зеленою непрометено.
Та устань, Галочко, ранесенько,
Обмети вербу чистесенько:
Ой там Н (Ивасѣ) з крамом стане,
З хорошим крамом, обідцями;
Усім дівочкам розпродас,
Дівці Галочці даром дає. (Метл. 302).

Представленіе символа (верба = дѣвица) обстановкою
ср. с подобными случаями, упомянутыми выше (стр. 160—
1, 179—80; Разбор Пѣсень Головацк., 67—9). Относи-
тельно *мести* см. выше стр. 51. Т. о., при матеріализа-
ціи символа, совѣт „обмести вербу“ значит тоже, что при
параллелизмѣ (верба=дѣвица) — „час тобі, вербице роз-
виться“ (веснянка, Чуб. III, 194, 214).

По размѣру, к одному типу с веснянкою „Ой нестій
вербо“ принадлежит польская:

Czego, kalino, w dole stoisz?
Czy się na górze suszy boisz?
(v. Czy ty się letniej...)
—Żebym się suszy niebożała,
W tém dole bym ja niestojała.—

A ty, kalino, rozwijaj się;
A ty, dziewczyno, rozmyślaj się!
—A jużem (ja) się rozmyśliła,
Ojca i matki odstąpiła.
(Przytulę-ć ja się do Jasieczka:
To mój ojczonek i matczka).
(Kolb., P. 1. P., 210, 214).

Ближайшая по качеству символа мр. п.
Червона калино, чого почорніла?
Чи суши боїся, чи дощу бажаш?

б. м. предполагает сходную с польскою пѣсню весняночна-го размѣра, примѣрно такую:

Чому калино стоїш в лузі...
... А ти, калино, розвивайся;
А ти, дівчино, розмишляйся.

„Калина в лузі“ = „дівчина в батька“; относительно роз-мишляйся“ ср. свадеб.:

Нестій, вербино, розкидайся,
Несици, Марусю, розмишляйся,
Чим свою свекруху називать будеш?

(Метл., 160).

Послѣдніе 4 стиха польской пѣсни, указывающіе на со-вершившійся выход из дѣвства, служат точкой прикрѣп-ленія к весняночному мотиву других, невесняночных: о по-терѣ вѣнка и прижитом ребенкѣ (Kolb., ib. 214), о бра-тѣ, который, приѣхавши с войны, рубит голову сестрѣ, в дѣвках прижившей дитя (ib. N 18, а, с, е). Этот послѣд-ній мотив взят из самостоятельной пѣсни, другого размѣ-ра (4 + 4) и напѣва (ib. N 18, g). Другой примѣр подоб-наго уподобленія невесняночного мотива и размѣра весня-ночному представляет пѣсня:

W dole kalina stojała,
Drobne jagódki rodzała.
Ptaszki na niej siadali,
Drobne jagódki zjadali.
Panowie do nich strzelali

Kiej do wdowuli jechali.

(Kolb., ib. N 20, a, b).

До сих пор это—веселячно-свадебный мотив (panowie = swatowie), который за тѣм становится запѣвом мотива „брат покупает у шинкарки сестру“, как самостоятельная п. имѣвшего размѣр 4+3:

Hej we Lbowie, we Lbowie

Zjeżdżają się panowie

(ib. N 20, c—g; Ср. N 20, a, b и h)=

У Києві на ринку

Пьють чумаки горілку (Ант. и Др. I, 283).

Для опредѣленія степени сродства малорусской и польской п. типа „czego kalino“ (разм. 5+4) со слѣдующей словацкой, размѣра 4+4, слѣдовало бы знать напѣв этой послѣдней. Если бы в числѣ их оказались однородные с напѣвами польской п. (Kolb. ib. 207, сл. N 18 и слѣд.); то можно было бы сказать, что размѣр 4+4 в этой слов. п. производный, возникшій из 5+4:

Ty kalino, čo nerodíš,

Čo na prostried mori stojíš?

—Už som i ja zarodila

Červenyma kalinama;

Spodky vtački obzobali,

Vršky dievky oblámaly,

Chlapcom piera posielaly.—

A ja smutná nemám komu;

Poručeno Panu Bohu!

(Sb. Mat. Slov. sv. II, 46).

Море в подобной связи упоминается и в мр. веснянкѣ:

Ой верба, верба, вербіста,

Чого на море навісла? (Zieňk. 136).

В приведенной ниже пѣснѣ „Ой кудро“, по запѣву примыкающей к песнянкѣ „Ой нестій вербо“, есть черты („хтож тобі вербі кудрі ізвив“ и пр.), взятыя из другого, слѣдующаго семейства пѣсень:

А. Колядка, величанье дѣвицѣ, сводный вар. на основаніи вар.: Свидницькій, Великл. у Подол. Осн. 1861, Дек. 65; Чуб. III, 299, 474.

Ой хвалилася біла береза, Гой дай Боже!
Перед дубами (ч. лісами) своїми вітами:
—Хвались—не хвались, не ти кохала:
Кохали тобі вітри буйніі,
Вітри буйніі, дощи дрібніі.
Ой хвалилася кгречная панна
Перед дівками (ч. дружками) своїми косами.
—Хвались—нехвались, не ти кохала:
Кохала тобі ненька старенька
Ясного сонця против віконця,
Ясної днини против кватири.

Від сего слова бувай здорова,
Не сама собою, з отцем маткою и пр.

Ст. 9—11 находятъ соотвѣтствіе в веснянкѣ:

Ой ти селез[е]ню—коси часті!
Хто ж тобі коси ці завивав?
—(Ой) завивала-ж мені утінка
Темної ночі на ставку,
Ясного сонця на плавку.—
Ой ти молодче (ч. N) кучерявий!
Хтож тобі кучері ці завивав?
—(Ой) завивалаж мені матінка
Темної почи при свіч(ецц)і,
Ясного сонця біля віконця,

(К ист. зв., II, 17; ср. Сах. Ск. Р. н., 3, 215 (6)).

Б. Веснянка, сводный вар. на основаніи Чуб. III, 158 и 145; размѣр 5+4 с возможностью растяженія до 5+5 (даже 5+6).

Ой хвалилася [да] березонька:
„[Що] на мені кора [да] біленькая,

[Що] на мені листе [да] широкее,
[Що] на мені гілле [да] високее".
Ой одозветься зелений дубо[чо]к:
„Ой нехвалися [да] березонько:
Не ти сю кору [да] вибілила,
Не ти се[е] листе [да] широчила
Не ти се[е] гілле [да] височила:
[Ви]білило кору [да] ясне сонце],
Широчив листе [да] буйний вітер,
Височив гілле [да] дрібен дощик".

Ой хвалилася [молода дівчина] (дівчинонька):
„Що в мене коса [да] до пояса,
„Йу мене личко [да] білесеньке(е),
„Йу мене брівки [да] чорненькі!“
Ой озоветься [да молодой козак] (козаченько):
„Ой нехвалися [молода дівчино] (дівчинонько):
Не ти се[е] личко [да] вибілила,
Не ти сі брівки [да] вичернила;
Вибілило личко умиваннечко,
Вичернило брівки (малюваннячко)" 1).

В. Свадебная, разм. 5 + 5 + 7, Чуб. IV, 350.

Послѣ того, как образ кудряваго дерева с подмытыми водою корнями опредѣлился в пѣснях, подобных вышеприведенным, он переходит из самостоятельнаго (А) или параллельнаго (Б) в запѣв (В) пѣсни о горькой долѣ быть за пьяницей, пѣсни возникшей независимо от этого запѣва и извѣстной без него, как веснянка (Чуб. III, 147) или „бесѣдная“ (Шейн, Бр. п., 249). Т. о. возникает слѣдующее художественное произведение:

Сводный вар., на основаніи веснянки (Чуб. III, 117, N 8, Дорогичин, Кобрин. у.) и безыменной (Чуб. V, 586—9).

1) см. „мулярнички“ Ч. III, 145.

Ой кудро, кудро кудрявая,
Ой ти вербице зелена!
Хто-ж тобі, кудро, кудрі ізвив,
Хто-ж тобі, вербо, корні підмив?
—Ой звили мені темні луги,
Темні луги, круті береги;
Звила кудрята темна пічка,
Обмила корні бистра річка,
Обмила корні бистра вода...

Ой я молода, як ягода,
Непійду заміж за год, за два,
Та пійду заміж аж п'ятого...
За п'яничеську проклятого.
Ой кажуть люде, що він неп'є,
Аж що вечора з корчми іде.
Та пропив коня вороного,
Іде до дому по другого,
А я молода против ёго
Несу рублика золотого,
Викуплять коня вороного.

„Ой як викупиш, люблю тебе,
„Як невикупиш, уб'ю тебе!“

Ой не раз, не два викупляла,—
Мені молодій одна шана:
З хати віконцем утікала,
В вишневім саду ночувала,
Із соловейком розмовляла:
Соловесчко як тѣх, так тѣх,
А я молода як ох, так ох!
А зозуленька куку! куку!
За що ж я терплю таку муку?

Как веснянка, это — предчувствіе; как неприуроченная ко времени, это — сознание наступившей доли. Такая молодая и прекрасная и такая несчастная! Завила кудри дѣвичья воля (луг—берег = батько—мати), подмыла корни горькая доля. Доля настигла, как ни откладывалось замужество, сколько ни тратилось замужем любви, смиренія, преду-

предительности. И за что? Характеристичный для мр. пѣ-
сни вопрос без отвѣта, с которым еще встрѣтимся ниже.

Из других вар. упомяну Чуб., V, 489, 3:

Сосенко моя кудрявая...

... На тобі кора дубовая,

На тобі листьа березовое...

Это явное искаженіе вм.

На тобі кора золотая,

На тобі листьа джунджовое (=перловое),

что указывает на связь с фантастическим деревом, играю-
щим важную роль в колядках.

На существованіе вар. с запѣвами о березѣ, указы-
вают пѣсни, в коих эти запѣвы сжаты в один стих, ста-
ли намеком, неясным внѣ пѣсенной традиціи:

Бяроза, бяроза кудрявастая!

Дасталась мужу наравистому...

(Шейн, Бр. п., 246);

Бѣлая бярозынька водой замуціла,

Нящасная мая доля замуж пакруціла

(ib. 247).

Ср. Ой ель мая зелѣная!

Свекроўка мая шалѣная

Загадала мне работку рабіць... (ib.).

В болѣе первообразной и ясной формѣ параллелизма
этот образ (береза) встрѣтился только в пѣспѣ других
размѣров: 4 + 4 (который мы видѣли и выше в словац. п.
„Ту kalina, čo perodiš“) и 4 + 6):

Зелѣная берозенька!

Чему, бела, не зелѣная?

—(А) як же мне зелѣной быць

При дарозе стоячи?

Да што дзень купцы едуць,

На кореньях агне кладуць,

Церез гальѣ дымы ідуць...

... Красная дзеванька!

Чему смутна невесела?

—(А) як (же) мне весёлой быці!

Што дзень (то) госцейкі,
Што суботы то свацейкі
Што недзелі маршалачкі
Зелёнос віно возець,
Мене маладое просць...

(Вил. г. Этн. сб., III, 205—6).

По размѣру, образу и его примѣненію, впрочем словесно невыраженному, к этой п. примыкает латышская (Сб. Дашк. 59, N 236):

„Береза, береза, березонька! Кто тебя так опечалил? Холодный ли сѣверный вѣтер? Или жестокия руки мороза оцѣпенили твои листья? Или гнѣвный поток воды отполо-скал от корней опору матери — земля?“ — Не от мороза я застыла, и не вода меня одолѣла. Пришли, одолѣли „сум-пурни“, погнули — поломали мои вѣтви, прытоптали — по-вырвали зеленую траву в березникѣ! Печально, печально каждое утро всходит красное солнце“.

„Трава“ и пр. в этой пѣснѣ находит соотвѣтствіе в мр. веснянкѣ разсматриваемаго здѣсь размѣра $5+4$, в ко-ей послѣ двух начальных стихов размѣра $4+4$ ($=4+3$):

Ой схилився сухой дуб
На зелену дубрівоньку

слѣдует:

„[Ой] зелена ж моя дубрівонько!
Ой рано ж тебе спустошено,
На сіно траву покошено;
Тільки зосталось тройзілле(чко):
(Шо) перве зілле барвіночок,
(А) друге зілле василечок,
А трете зілле любисточок.

(Чуб. III, 157).

Как в мр. и вр. пѣснях сваты представляются вражеским войском, Литвою, родня жениха — Татарами (см. выше 179), так сватам — купцам вышеприведенной бр. пѣсни соотвѣтствуют в латышской *sumpurni*. *Sumpurnis*, *sumpuris*, по Ульману (Lett. Wb.), hundschnauze, песиголовец, людоед; но может быть это объясненіе основано на случайном

сходствѣ с лот. *suns* собака и *urns* рыло, морда.

Сюда примыкают мр. пѣсни, в коих в той же роли по отношенію к дубровѣ или березѣ, как купцы и Сумпурни, являются Татары, гусары, рекруты (Ант. и Драг., Ист. п., I, 77—9, 84; Zienkiew., P. I. Pińsk., 398 сл.). Отношеніе этих пѣсень к тому или другому татарскому набѣгу, „к какому нибудь дѣйствительно случившемуся... плѣненію Татарами дочери какого нибудь волынскаго вельможи, который имѣл настолько власти, чтобы гнаться за Татарами“ (Ант. и Др., I. с. 84), на мой взгляд, возможно как позднѣйшее наслоеніе (в родѣ замѣны Татар или им подобных рекрутами), как примѣненіе образа, имѣвшаго прежде другое значеніе: как береза, так и полонянка — цевѣста.

Одна из упомянутых пѣсень о березѣ и татарах, именно Wasł. z Ol. 443=Гол. I, 101=Ант. и Др. I, 77, представляет трудность, которая не будет устранена до появленія лучших варіантов.

Береза говорит:

„Підо мною Татари стояли...“

... Самборівці шапочки зносили

Та й гультая живцем на паль вбили.

Ант. и Др. I, 77: „вѣроятно тут есть намек, что Самборовцы побили гультыевъ — татар во время ночного роздыха и сносили их шапки, т. е. попользовались их добычею“. А м. б. „Самбурці“ по отношенію к березѣ, были первоначально в той же роли, что и Татары и „Сумпурни“ лотышской пѣсни?

II. *Ой ти ремезе, ремезоньку и т. п.*

1. *Ремез.*

Слѣдующая пѣсня поется как щедровка, но, судя по основному размѣру 3+4, отличному от господствующаго, почти исключительнаго размѣра щедровок (4+4) и колядок (5+5), и потому, что варианты ея встрѣчаются как веснянки, возникла из веснянки.

Ой [ти] ремезе, ремезоньку,
Щедрий вечер!

(Та) невий гнізда на ледоньку,
Бо ся лед[онько] буде розбивати,
Твое гніздонько [буде] потапати;

5=1

6 Вий си гніздонько на явор[онь]ку:
[Як ся яворонько] (явір сл) буде розвивати,
Твое гніздонько [буде] прикривати.

9 Ой (ти) Василю, Василеньку!
Нестав світлоньки у тещенька (тестенька?),
Бо ся тещенько буде (йме?) гнівати,
Твою світлоньку [буде] розкидати.

13=9

14 Став си світлоньку у батенька:
Хоть ся батенько буде (йме) гнівати,
Твою світлоньку [буде] прикривати.

(Золоч. окр. Гол. IV, 38—9).

Отец противопоставляется тестю, как выше в веснянкѣ „Ой пестій дубе“ мать — свекрови. Пѣсня говорит, каково быть „в приймах“ у тестя“, что может случиться с бѣдняком и сиротой, и каково—у родного отца. Вариант этой щедровки—на тему „милая лучше роду племени“:

Ой [ти] ремезе, ремезоньку!
(Та) невий гнізда на ледоньку:
(Бо) лед буде ся розмерзати,
Твое гніздонько заливати.

Ой (ти) Гринуню, Гринуненьку!
Нестав світлоньки просто батенька:
Як ся батенько розгніває,

Твою світлоньку розкидас.

Тоже повторяется с измѣненіями в 6 и 7 ст.: матінки
братчика и пр. Наконец

Ой (ти) ремезе, ремезоньку!

(Та) невий гнізда на ледоньку,

(Извий гніздечко в. та извий собі) в темнім лісі,

У темнім лісі на орісі,

У темнім борі, на яворі:

Явір ся буде розвивати,

Твоє гніздонько окривати.

Ой Гриную . . .

Став си світлоньку просто милої:

Твоя милая [хоть] ся розгніває,

Твою світлоньку поліпляс.

(И. Галько, Нар. звыч. з окол. под Збручем, II, 25—6).

Щедровка у Чуб. III 450 представляет примѣръ внѣшняго, неорганическаго сочетанія мотивов: „Ой ремезе . . . неклади хатки на лёдочку, бо“ и пр.; „неклади . . . в ярім житі“:

Яре жито будуть женці жати,

Твою хату розбірати;

„ . . . Неклади . . . в полі“:

В чистім полі плужок оре.

Этот посѣдній ст. служит переходом к особому колядочному мотиву: „святые орють, Пречистая им їсть носит“. Наконец

Наклади гніздо в густім лісі . . .

Тот же расширенный образ — в гаёвкѣ (веснянкѣ), Pauli, I, 24; Гол. IV, 170): „Ой римезю“ . . . невей гнізда на леду . . . , а „на орісі“, и не на нем, а „на яворі“, и не на яворѣ, а „на сосні“, и не ней, а

В гречпої панни у світлиці . . .

Кромѣ распространеній, построение пѣсни — аналогичное с „Ой нестій дубѣ при дорозі“ (см. выше и Метл. 301).

Ремез (по видимому, собств. artifex; *ремез* или *ремес* в этом смыслѣ предполагается литовским *remėsas*, ремесленник, и словом *ремество* из *ремесъство), род синицы (*parus pendulinus*, *beutelmeuse*), весьма искусно вьющей

гнѣздо яйцем или кошелем, лишь с небольшим отверстием. Гнѣздо его, как я сам видѣл, хранится в малорусских домах, как талісман, по видимому, охраняющій „хату“ (и само гнѣздо, по словам пѣсни, есть „хатка“). По Котляревскому (Эп.) оно употребляется для чар, неизвѣстно, каких именно: ворожка, собираясь гадать о будущем,

... в горщичок наклала

Відємських всяких різних трав,

Які на Костянтина (21 Мая) рвала,

І те гніздо, що ремез клав...

Г. Галько (l. c.) думает, что пѣсня совѣтует ремезу невить гнѣзда *на леду* только по тому, что в дѣйствительности он его вьет то в очеретѣ, то па деревѣ (над водою). Однако это наблюденіе объясняло бы только совѣтъ некласть гнѣзда над водою, который дѣйствительно и находим в слѣд. отрывкѣ:

Ой ти ремезо, [да ти] ремезонько!

[Да] немости гнізда [да по] над Десною,

Бо [Десна] Десни (з весни) [що день] прибуває,

Вона ж твоїх діток позатопляє (Метл. 368).

Эта форма образа, сходная с „Ой нестіїй пербо над водою“ (см. выше), может быть, есть первообразная. За тѣм она измѣнена, вслѣдствіе перенесенія на ремеза традиціонной черты другого образа. Совѣтъ пѣсни предполагает, что ремез кладет гнѣздо именно на леду. Должно быть, было такое повѣрье о другой береговой птицѣ, зимородкѣ (Eisvogel). Это гр. ἀλκυόν. Тема — ἀλκυον, откуда ἀλκυόνη, морской зимородок; позднѣе в аттич. яз. со срѣд. аср., вѣроятно в силу сближенія с ἄλσ, море, откуда этимологія ἀλκυών, παρὰ τὸ ἐν ἀλλὶ κυεῖν; независимо от греч., лат. alcedo (Curt. Grundz. d. Gr. Et. N 6). Сказанія древних сочетают эту птицу с χῆρυξ, χηῦξ (из χαβαξ, καὐήξ, морская чайка (Curt. ib. 2496), с именем коей сходно слав. чаица, чайка.

По Овидію, Цейкс, сын Люцифера (ἑωσφόρος), тревожимый страшными видѣніями, ѣдет морем спросить совета у Дельфійскаго оракула и гибнет в бурю. Тѣло его

прибывает волною к тому утесу, с которого высматривала его жена Гальціона, дочь Эола, извѣщенная снами о гибели мужа. Узнавъ тѣло Цейкса, Гальціона бросается в море;

..... безсмертные боги

В птиц превратили обоих; одна им судьба; и по нынѣ
Вѣрны бывалой любви, и по нынѣ их брак неразрывен.
Поздней зимней порою семь дней безбурных и ясных
Мирно без слета сидит на пловучем гнѣздѣ Гальціона;
Море тогда безопасно; Эол, заботясь о внуках,
Вѣтры смиряет, пловца бережет, и воды спокойны
(перев. Жук.).

Подобныя сказанія повторялись учеными до XVI в. включительно. Геснер, зоолог, жившій в этом вѣкѣ, повѣствует: По Плутарху альціон — самое умное и почтенное из морских животных: по пѣнію, превосходящему пѣніе соловья, по быстротѣ полета, супружеской любви, прилежанію; гнѣзда его, построеннаго корабликом, немогут ни перевернуть, ни потопить морскія волны; он сплетает рыбы кости в шар, вытягивает этот шар в длину, как челнок и прикрѣпляет к берегу, так что его нелегко оторвать камнем и желѣзом. Дверцы гнѣзда альціон устраивает из разбухающаго вещества, и входит в гнѣздо, выдавливая воду из дверец. Аристотель говорит, что это гнѣздо похоже цвѣтом на губку, а формою на колокольчик или баночку с длинной шейкой. Альціон *высиживает яйца в серединѣ зимы*... Нѣкоторые говорят, что гром небьет в тот дом, гдѣ находится гнѣздо альціона; что это гнѣздо охраняет сокровища и удаляет бѣдность (Брем, Птицы, I, 147—8). „Алконостъ“ русских азбуковниковъ „птица есть, имѣет гнѣздо на брежѣ песка, вскрай моря, и ту кладетъ яйца своя. Время ж изытія чадъ ея въ зимній годъ бываетъ; но егда почютить изытіе чадомъ ея, взымаетъ въ яицахъ чада своя и носить я на среду моря и опускаетъ въ глубину. Тогда убо море многими бурями ко земли приражается; но егда алконостъ сноситъ яйца на едино мѣсто и

наседетъ на нихъ верху моря, ящамъ въ глубинѣ сушимъ, тогда море непоколебимо бываетъ за семь днѣй, дондеже алконостовы лица въ глубинѣ излупятся. Вышедши чада познають своя родители" (Сах., Ск. Р. и., II, кн. 5, 142; отсюда то, что в ст. о голубиной книгѣ Стратим птица

Живетъ на синемъ морѣ,
Плодъ плодитъ на синемъ морѣ,
Въ морѣ яйца несетъ,
Изъ моря дѣтей ведетъ,

Н. Баталин, Др. русс. азбуковники, Фил. Зап. 1873, V, 65).

Реальныя основанія подобныхъ сказаній могутъ состоять въ томъ, что наши зимородки (*alcedo hispida*), впрочемъ невьющія гнѣзда, а выдальбливающие для нихъ норы въ береговыхъ обрывахъ и выкладывающія дно норы рыбьими костями, живутъ парами; что ихъ и зимою можно видѣть подъ прорубями. Бѣлый зимородокъ (*cerule rudis*), живущій тоже парами въ Египтѣ, Сири, Палестинѣ, залетающій и въ Европу, тоже дѣлающій гнѣзда въ норахъ, плодится не только въ Мартѣ и Апрѣлѣ, при самомъ низкомъ стояніи Нила, но гдѣ уровень воды не мѣшаетъ (т. к. норы его—у самой воды), и въ Декабрѣ (Брем, ib. 154—6). За тѣмъ уже въ древности зимородку приписано искусно построенное гнѣздо какой нибудь другой птицы, именно между прочимъ, судя по указаніямъ мр. пѣсни, ремеза, и сидѣнье на волнахъ, замѣченное за какою нибудь изъ морскихъ птицъ.

Какъ мр. пѣсня предполагаетъ, что разливъ затопляетъ свитое на льду гнѣздо ремеза; такъ, вѣроятно, въ средніе вѣка существовало сказаніе объ алкионѣ, яйца котораго унесены моремъ. Вѣроятно, по этому въ греч. переводѣ арабской персидскаго Панчатантры (Калила и Димна, с персидскаго, на который переведена Панчатантра въ XI в. по Р. Х.), сдѣланномъ Симеономъ Сетомъ ок. 1080 г. (Стефанитъ и Ихпилат, Benfey Pantschat., I, 8), птица, о которой разсказывается нѣчто подобное, именно береговой куликъ (*Strandläufer*; турухтанъ, *machetes pugnax*?) названа ἀλκιων. То же и въ Эзоповскихъ басняхъ Максима Плануда, жившаго

лѣтъ 250 спустя послѣ Сета (Benf., ib. 236, 238). Разсказ Папчатантры „Турухтан и море“ слѣдующій: На берегу океана жила пара турухтанов (Strandläufer). Когда пришла пора, самка сказала самцу: „послушай, милый! поищем безопаснаго мѣста, гдѣ мнѣ класть яйца“. Самец отвѣтил: „этот берег океана прелестен; поэтому клади здѣсь“. А та сказала: „при полной лунѣ сюда заходит морская волна; она уносит и свирѣпных царей — слонов: поэтому поищем мѣста подальше“. Услышав это, самец улыбнулся и сказал: „о милая, ты говоришь пустое; что такое море, чтоб осмѣлиться обидѣть моих дѣтей?“ Неспешь, небойся!“ Самка разсмѣялась, зная истинную мѣру его силы, а море, слыша это, подумало: „Поди ты! что за высокомеріе этой птицы! Правду говорят: „кто смирит самомнѣіе? Турухтан (Strandläufer) спит вверх ногами, боясь что на него обрушится небо“. А попытать его силы! Что он сдѣлает, когда я унесу его яйца?“ И унесло яйца волною. Самка стала горевать и сказала мужу: „О безумец! неговорила ль я тебѣ, что яйца погубнут в прилив?“ Но самец неупывает и рѣшается мстить. Сначала он думает своим клювом выносить и высушить море ¹⁾; потом сдается на уговоры самки и созывает на помощь всѣх птиц. Птицы рѣшают, что и всѣм им с морем несовладать, и жалуются на свою обиду своему царю, служителю бога Вишну Гарудѣ—птицѣ. Тогда Гаруда отказывается служить своему богу, пока nebude отомщена обида одного из его собственных слуг, турухтана. Вишну грозит высушить море, пустивши в него огненную стрѣлу, и море в страхѣ, отдает яйца турухтану (Benfey Panchatantra, II, 87 сл.). К этому же семейству относится буддійскій разсказ, конечно, не созданный буддизмом, а лишь приспособленный им к своим цѣлям: Гаутһама—Буддһа в одну из прежних своих жизней был бѣлкою. Разлив унес в море дерево, на

¹⁾ Сюда б. м. примкнет исторія басни:

Надѣлала спинца славы,
А моря незажгла, Кр.

котором было его гнѣздо с птицами. За это Буддѣ берет-ся раскропить море своим хвостом, и когда Сакра (Индра) говорит ему, что эта затѣя безумна и море бездонно, отвѣчает на это ироніей. Сакра приходит в изумленіе от такой силы воли и любви и заставляет море возвратить Буддѣ дѣтей (Benf., ib. I, 236—7). Оттуда же (Spence Hardy, *Manuel of Buddhism*) Бенфей приводит латинскій рассказ неизвѣстнаго происхожденія, что неустрашает его подлинности (такія вещи нарочно певыдумываются): Раз загорѣлся лѣсъ, окружавшій город Лавиніум, лиса стала тушить пожар, брызжа хвостом, обмокнутым в воду.

Этот рассказ, справедливо относимый Бенфеем к одному семейству с предыдущим, не есть простое измѣненіе одного из вар. этого послѣдняго. Подобно тому, как мр. веснянки представляют два параллельные образа дерева, подмытаго разливом („Ой нестій, вербо, над водою“) и дерева, объятаго пламенем („Ой горе, горе сухой дубе“); русс. пѣсни представляют, как увидим, параллелизм образов птицы, коей гнѣздо унесено разливом, и птицы, коей гнѣздо сожжено пожаром. Такіе два сходные ряда рассказов могли и в древности существовать и видоизмѣнять друг друга, так что на пр. мѣсть морю („раскропить хвостом“) могла, как в приведенном рассказѣ, явиться средством потушить пожар, а пожар, котораго роль могла первоначально быть таже роль обидчика, что и разлива, мог стать средством отомстить другому обидчику. Так в баснѣ Федра „Лисица и орел“ (Phaedri Fab. I, 30 (28)), орел уносит в свое гнѣздо лисенят. Лисица похищает с олтаря горящій факел и окружает пламенем дерево, на коем орлиное гнѣздо, так что орел, чтобы спасти своих птенцев, выдает лисицѣ ея лисенят. В соотвѣтственной Эсоповской баснѣ лиса сама не в силах отомстить орлу. Он сам уносит с олтаря часть жертвеннаго мяса с приставшими к ней горящими углями, т. о. зажигает свое гнѣздо. Орлята падают на землю и достаются лисѣ. В баснѣ Пильная (русс. перев. Политич. и нравоучит. басни Пильная, философа индійскаго, с франц. Бор. Волковым, СПб. 1762, Б.

14), ястреб уносит воробьят. По просьбѣ пары воробьев, змѣя созывает других змѣй, которыя бросают горящіе фитили в гнѣздо ястреба и сожигают и его самого и его дѣтей. Все это напоминает вышеприведенныя (стр. 188—9) серб. п.: дѣвица мстит соколу, зажигая его гнѣздо.

Разсказы, за образец коих возьмем разсказ Панчатантры „Турухтан и море“, представляют такую, б. м. первообразную сложность содержанія, что легко разлагаются на 2, на 3 момента: 1. безпомощность, невинная гибель слабых; 2. а) их месть сильному, б) союз слабых против сильного. Для сравненія с разсматриваемыми пѣснями нужен только первый момент; второй, находящійся в нѣкоторых русс. сказках, я оставляю в сторонѣ. Впрочем весь ма естественно вплетеніе в первый из названных моментов черты, подготовляющей дальнѣйшее возмущеніе против хотя бы и неодолимой силы, черты, как гордость, чувство собственнаго достоинства. Так Пушкин в одном из величайших своих произведеній, „Мѣдном всадникѣ“ пытается соединить в одну поэму „Родословную моего героя“ и судьбу Евгенія. Евгеній, хотя и не свил себѣ еще гнѣзда на берегу моря воднаго и моря исторических событій (с которым тоже „кто съвѣтъ?“), но собирается его свить („жепиться? Чтож? за чѣм же нѣтъ...“ Соч. П. М. 1882. III, 459); но, не так, как у турухтана индійской басы, его хватает только на безумную вспышку; „Добро...!“ ib. 369; первоначально этой рѣчи было 40 стихов, ib. 465).

2. *Чайка*. Пѣсни о ремезѣ, согласно со своим вѣлительным назначеніем (как веснянки, щедровки), указывают вдали возможность гибели, но вмѣстѣ и возможность спасенія („некладн гнѣзда там, а кладн там“). В других болѣе или менѣе сродных п. несчастье по винѣ или без вини, уже настигло. К таким принадлежит извѣстная п.

Ой біда, біда чайці небозі,

Що вивела діти при битіі дорозі.

По размѣру, впрочем, она невяжется с разсматриваемым

семейством. Относно содержанія ср. „Идутъ женці жати, діток забирати“ с подобным вышеприведенным (Чуб., III 450) стихом одного из вар. пѣспи о ремезѣ. В других вар. чаенят забирают чумаки (Рудч., Чум. п., 88 сл.). Один из таких вар. оканчивается стихами:

Ой лети ж ти, чайко у гору високо,

Уже ж твої чаенята у морі глибоко.

Послѣ того, что сказано в пѣснѣ раньше, именно, что чумаки повкидали чаенят в кашу, это „у морі“ может быть понято только в переносном смыслѣ гибели (мое сл. о П. Иг., 77 сл.); но б. м. в основаніи лежит неизвѣстная нам п., в которой чаенята в самом дѣлѣ гибнут в морѣ, в котором (в извѣстном припѣвѣ „чайки“) думает с горя утопиться и сама мать.

3. *Перепелка.*

Колядка:

Зажурилася да й перепела: Гой да Боже!

„Де би я собі гніздечко звила?“

„Звила би я го в озимім житі,

„(Та) женці зайдут, мене (из)найдут,

„Гніздо розібьют, діти розженут.

Тоже повторяется еще два раза с измѣненіями в 3-м ст.: „в ярій пшениці“, „в зелений траві“. В этом видѣ пѣсня могла примѣняться только ко вдовѣ, для которой нѣтъ нигдѣ безопасности (ср. пѣспи о перепелкѣ и вдовѣ с дѣтьми, Чуб. V 853, N 417; Zieňk. 170). Для примѣненія к дѣвицѣ нужно бы противоположеніе, как выше („Ой нестій дубе при дорозі“... а „у садочку“; „Ой ремезе... певий гнізда на ледоньку... а... на яворі“), которое и находим в бр. ярной (весенней) п.:

Пірапѣлка! (2)

Ня вій ты гняздечка бізко ді дорожкі:

Пастухі пагонюць, гняздечка папоруць;

Суві ты гняздечка на зялѣнім дубу:

Станіць вецір павіваць, тваїх дзяцяй калыхаць.

Ты дзєвынька! (2)

А паявій вяночка: восінь нідалѣчка,

Сваточки приедуць, цябе с сабою вóзьмуць
(Шейн, Бр. п., 195 — 6).

В одном из вар. вышеупомянутой пѣсни о перепелкѣ и вдовѣ находим черту, с которою встрѣтимся и ниже в пѣснях о соловьѣ: перепелята говорят:

Погорив *пожар*, сируткам нужкѣ коле
(Zienk. 158).

Вр. п. XVII в. говорит не о степном пожарѣ и заставляет предполагать другую пѣсню, не о перепелкѣ, а о другой птицѣ, вьющей гнѣздо на деревѣ. Эта пѣсня важна между прочим, как доказательство, что в этом семействѣ размѣръ 5+4 восходит не менѣе, чѣм к началу XVII в.:

Сплачетца [мала] птичка [бѣлая] пелепелка:

„Охте [мнѣ] молоды горевати:

„Хотят сырой дуб зажигати,

„Мое гнѣздышко разорити,

[Мои] малые дѣти побити,

„Меня пелепелку поимати.

Сплачетца на Москвѣ царевна:

„Охте мнѣ молоды горевати:

„Что ѣдет к Москвѣ измѣнник

Ино Гриша Отрепьев рострига и пр.

(Бусл., И. Хр., 1034).

4. *Зозуля*. Мотив сходный с вышеприведенным („За- журила ся да й перепела“) приспособлен к обычному запѣву колядок господарю: зозуля будит хозяина и сказыва- ет ему радость: зозуля

... Стала ся томити, де ма'т гнѣздо вити:

„Ви́ла би м го, ви́ла в лісі при дорозі

В лісі при дорозі, та на ліщинойці;

„Ліщинойку рушат, гнѣздо разпотрушат,

„Гнѣздо разпотрушат, діти ми оглушат.

... Ви́ла бим го ви́ла при потічейку,

При потічейку, на сітничейку;

Водиця прийде, гнѣздо забере,

Гнѣздо ми забере, мене осиротит.

Буду го вити на ви́шнім садочку...

...Та я си буду рано кукати,
Рано кукати, газду зобуджати...

(Гол. II, 78).

5. *Соловей и иволга*. Петровочная, стало быть весенняя п. размѣра 5+4 приведенная выше (стр. 28), по поводу припѣва, сблизена там с веснянкою размѣра 5+3 (Чуб. III, 138). Кажется, лучше разсматривать эту п. в другой связи, принимая, что отношеніе в ней соловья и иволги такое же, как ниже соловья и кукушки. По вар. Сахарова (Сказ. Р. н., кн. 3, 262) „Соловей гнѣздо завивает“ т. е. начинает вить, а „Иволга развивает“ (несовѣтует?):

Хоть ты вей, невей, соловей,
Небывать твоему гнѣзду совитому,
Небывать твоим (у Тереш. „Иволги“) дѣтям вы-
[вожатым...]

6. *Соловей и кукушка*.

Строгіе и по видимому состоящіе из небольшого числа слогов малорусскіе (и общеславянскіе) пѣсенные размѣры, весьма помѣстительны, так как то, что в них можно принять за стих, нерѣдко есть полустушіе. Стих кончается там, гдѣ напѣв. Т. о. стих веснянок разсматриваемаго здѣсь семейства, ²(5+4) заключает в себѣ 18, а с ненарушающими размѣра растяженіями—20 слогов, т. е. болѣе, чѣм гекзаметр. Ср. на Чуб. III, 144—5. Глядя с этой точки, я думаю, что длинная строка многих нынѣшних вр. пѣсень, о 22—3 и болѣе слогах, соотвѣтствующая мр. полустушію, произошла от позднѣйших растяженій и вставок, иногда нескрывающих первоначальнаго, болѣе короткаго размѣра. Вот на пр. п., записанная в Трехостровянской стан. З. В. Д., О. С. Аврамовым. В нѣкоторых мѣстах предполагаемая вставка ставлю в [].

„Ты взойди, [солнышко,] солнце [красное взойди] утром
рано,
Обогрѣй, [обсуши добрава] молодца на [нужном] бикетѣ [молодца]!

Ты воспой, [мой славный] соловьюшек, [воспой рано
при долин[ушк]ѣ,
Притѣшь, [призабав дѣброва] молодца [при гѣрѣ], при
[большой гѣрѣ] кручин[ушк]ѣ.
Я сам тебѣ, мой славный соловьюшек, со времячком
пригожусь;
Построю тебѣ, [мой славный соловьюшек кле]нову[ю]
клѣтку,
Положу[-ка только положу] тебѣ, [млад соловьюшек,]
золоту [тебѣ] нашѣсточку
[Я] посыплю тебѣ[, мой соловьюшек, я бѣлой — ярой]
пашеницы,
[Я] поставлю тебѣ [напится, мой славный соловьюшек,]
медовой [сладкой] сытницы“.
— Ненужна[, ненужна[мнѣ [соловьюшку кленовая] твоя
клѣтка,

Ненужна и пр. . . . золотая нашѣсточка,
Ненужна и пр. . . . ярая твоя пашеница,
Ненужна и пр. . . . медовая сытница,
Мнѣ нужна [толичко нужна мнѣ] соловьюшку[, нужна]
своя воля [волюшка]!

Т. о. и в слѣд. вр. в нѣкоторых стихах без натяжки можно усмотрѣть размѣръ веснянок и пѣсни о Ксеніи Голуновой:

Кукушечка соловушку журила-бранила:
„Невей ты[, невей] гнѣзд[ышк]о [, невей] при дорожкѣ,
Ты свей [тепло] гнѣздышко [, ты свей] при дощипкѣ,
При зеленой [при] травинкѣ, при [мѣлком] лѣсочкѣ:
Никто твое гнѣздышко[, никто] нерозѣрит.

Этот мотив стал запѣвом пѣсни о молодцѣ в темницѣ (Сах., Ск. Р. н., кн. 3, 247 и 225. В послѣдней есть стихи:

[Молодой] соловей [тепло] гнѣздо с(о)вивает . . .
. . . Нѣгдѣ мнѣ, соловью[шки], [тепла] гнѣзда свити,
Нѣгдѣ мнѣ [малых] дѣток выводити.

В первой из названных п. запѣв указывает на непред-

усмотрительность, на свою вину, как на причину песчанья, и т. о. умѣряет сочувствіе к пострадавшему.

Запѣв предполагает самостоятельную пѣсню, в родѣ слѣдующих:

А. По рощицѣ Машинька гуляла,
Со правой со рученьки кольцо потеряла,
Со той тоски со досады роццу зажигала.
(ср. стр. 189).

„Гори, гори рощипа, гори зеленая!
„Всѣ пеньица—кореньица всѣ вон выгарайте,
„Всѣ пташечки—кинарейки всѣ вон вылетайте!“
Один, один млад соловушек в роцѣ оставался.
Прилетала к соловушку горькая кукучка,
Молодого соловушка журпла бранила:
„Уж ты глупый—неразумный младой соловейко!
„Ты умѣешь, соловейко, только пѣсни пѣти,
„Ты неумѣешь, соловейко, тепла гнѣзда вить!
Уж ты свей-ко гнѣздо при долиниѣ, при кустѣ ра-
ікитѣ:

Что никто тоѣ гнѣздышко не разобѣет,
Малых дѣтушек никто нерозгонит!“

(Варенц. Сб. п. Сам. кр., 43—4).

Б. Дуброва зілянѣя дубавѣя!
Па дубровушкі трапінушка ляжала,
Па трапінушкі две девушкі гулялі,
У карманы белаѣ рукі апушшалі,
Іс кармапав крѣмешыкі вынімалі,
Іс крѣмешыкав агонушак вырубалі,
Зялёную дубраву зажыгалі.
Гарі, гарі, дуброва, гарі жарчя!
Все асінкі, бярэзкі пагарелі,
Маладыя дубочкі падапрелі,
Салавыная гнѣздушка згарела:
Салавыная гнѣздушка папялочік,
Салавынаѣ дѣтки агулѣчік!

(Щигр. у. запис. М. Е. Халанскій).

Сюда—пословица: „Бор сожгли, а соловушек по гніздышку плачет“, Даль¹, 667.

7. *Соловей и сестра (зозуля, перепелка).*

а) Как самостоятельная пѣсня: А, Б, В, Чуб. V, 850—1; Г, отрывок в 5 ст. П. Л. Мр. и Червонор. н. думы и п. Спб. 1836, 84—Ант. и Др., Ист. п., I, 269, А; Д, Метл., 446 = Ант. и Др. ib., 99; Е, Чуб. V, 935; Ж, Ант. и Др. ib. 269, А; З, Чуб. V, 1057. Размѣр 6 + 4 мог произойти из 5 + 4.

Привожу эту пѣсню по А с небольшими измѣненіями по другим вар.

Ой ішли козаки з України,
Стали на попасі край долини,
Викресали огню з оружини,
Та пустили пожар по долині,
Соловьеві діти попалили,
Великого жалю наробили...

... Прилетіла сестра з України:

„Чи я тобі, брате, неказала:
„Немости гніздечка йу лужечку,
„Помости гніздечко йу садочку
„На високім деревку на яворку;
„Ніхто ж того древка незрубас,
„Соловьевих діток незаймає“.

В 1-м ст. вм. „козаки“ — в нѣскольких вар. „чумаки“, в Б—„Ой десь узялись усарини“, что представляет неполное и б. м. случайное сходство с серб. п. выше стр. 189. Сестра в Б—зозуля, в З—перепелка. В послѣднем козаки запалили дуброву (ср. выше),

Та одна діброва негоріла,
Соловейкові крильця посмадила.

Перепелка говорит:

ІАІ чи я тобі, брате, неказала:
Небгай же гніздечка у діброві,

А зобгай гніздечко [у степу] край дороги,

что б будить проѣзжих чумаков. Она даст самодовольные, т. наз. совѣтчиками, благоразумные, хотя поздніе и во

всяком случаѣ неисполнимые совѣты, примѣняясь к себѣ.

Вар. В, Е, Ж, опуская разговор соловья и сестры, расширяют цѣпь причин и слѣдствій, круговой поруки бѣды и горя:

Із за гори вітер повіває,
Та чорную хмару наганяє,
Та се дрібен дощик накрапає,
Та синього моря доповняє.
Що сипсе море розигралось,
Турецький корабель розірвало
(ч. По синьому морю хвиля грає,
Козацький карабличок розбиває)
Сорок тисяч війська витопляє.

Здѣсь вар. Е объясняет связь с дальнѣйшими ст.:

Чотирі тисячі іна берегї вихожає.
Ой їхали вони з українї,
Попутали коні у долині
Сами посідали на могили,
Викресали огню з оружини,
Роспустили пожар по долині и пр.

Противорѣчіе между вар. называющими корабль то турецким, то козацким, или, в вар. Е, между тѣм, что разбивается турецкій корабль, а „сорок тысяч козаченьків потопает“ может примиряться так или иначе. Или так, что воспользовавшись крушеніем, спасаются козаки, бывшіе гребцами на турецкой каторгѣ; или так, что козаки взяли турецкій корабль, потом потерпѣли крушеніе. Как бы ни было, я думаю, вопреки мнѣнію Ант. и Др. I, 270, что 1-е 3 ст. вар. Ж (Ант. и Д. ib. 269, А) и Д принадлежат не думѣ в тѣсном смыслѣ, а пѣснѣ с основным размѣром 5 + 4 или 6 + 4, и что сочетаніе бури на морѣ, погаса и пожара, погалившаго соловья, есть дѣло художественнаго умысла.

β. Таже пѣсня как запѣв. Выше мы видѣли, что вр. п. о соловьѣ и кукушкѣ становится запѣвом о молодцѣ в темницѣ. Таким же образом пѣснѣ невольной разлукѣ козака с домом (Гомін, гомін) предпосылается запѣв:

Зажуритця соколонько:
„Бідна ж моя головонько,
„Що я рано с вир'я вийшов...

П'єню:

Ой йшла вдова долиною
Из малою дитиною...

(Орел утїшаєт сарказмом:)

Неплач, вдово, нежурися...
Бо я твого мужа знаю,
На чорний чуб наступаю,
З лоба очи видираю...

нїкоторые вар. починають с зап'їва:

Ой непугай пугаченьку
В зеленому байраченьку.
— Ой як мені непугати?
Що все гори та байраки,
Нігде в світі проживати;
Нігде ж мені гвізда звити

(Чуб. V, 806—7).

По тому же художественному приему, самостійної п'єси про брата и сестер с неодинаковою долею (Чуб. V, 916—7, N 482 Б 483) подчиняється, как зап'їв, выше-разсмотр'їнная п. (Чуб. V, 915—6, N 482 А; Метл. 369—70, с небольшими изм'їненіями по вышеупомянутому вар.):

Ой йшли чумаки з України и пр.
... Попалили діти солов'їни.

Стали соловейки щебетати,

Стали бурлаченьку (зіс вм. -нью) проклипати.

За т'їм, как бы без связи с предыдущим:

Ой нарву я хмелю зеленого,
Накладу я вогню жаркенького,
Та наварю пива п'янененького,
Та назову сестру багатую,
А вбога-небога сама прийде;
Посажу багату в кінці стола,
А вбогу-небогу край порога;
Напою багату медом—вином,

А вбогу-небогу гірким пивом.

Стала сестра сестру частувати,

Стала сестра сестрі вимишляти:

„Сестро ж моя, сестро убогая!

„Коли б ти, сестро, така як я,

„То-б ти сиділа, де тепер я,

„Коли-б ти, сестро, так робила,

„Ти-б в таких латах пеходила.

„Що я рапенько уставаю,

„По два починки напрядую,

„Та свої скрині наповняю,

„Та свої діти зодягаю“.

—Сестро-ж моя, сестро богатая!

Що я раній тебе уставаю,

По три починки напрядую,

Та чужі скрині наповняю,

Та чужі діти зодягаю!

Здѣсь, как и в построенной аналогично с этою пѣснѣ „Ой кудро“ (см. выше)—стремленіе возвыситься от созерцанія личной участи к болѣе широкому и весьма мрачному міросозерцанію. Личная доля ставится на міровую сцену, при обозрѣніи которой можно в ряду причин и слѣдствій найти отвѣтъ на вопрос „почему“, нѣтъ отвѣта на вопрос „для чего“ и находится отрицательный отвѣтъ на вопрос „за что“. Родственнаго воззрѣнія надобно искать не в христіанствѣ.

Друзья Іова смотрят на его несчастье лишь как на слѣдствіе извѣстных причин: „Поднимается ли тростник без влаги? растет ли камыш без воды?“ Іов 8, 5. „Вспомни же, погибал ли кто невинный и гдѣ праведные бывали искореняемы?“ ів. 4, 7. Сам Іов, конечно, неотвергает того, что тростник неростет без влаги, но он не может успокоиться на этом: „Он губит непорочнаго и виновнаго“, ів. 9, 27. „Земля отдана в руки нечестивых“ ів. 9, 24. „Если же я (и) виновен, то для чего напрасно томлюсь?“ ів. 9, 29. „Он не человек, как я, чтобы я мог отвѣчать ему и ити вмѣстѣ с ним на суд“, ів. 9, 32.

„Нѣтъ между нами посредника, который бы положил руку на обоих нас“ ib. 9, 35. С этой точки нѣтъ примиренія между *почему, за что и для чего*.

Экклесіаст говорит: „Вот еще какую мудрость видѣлъ я под солнцем, и она показалась мнѣ важною: Город мал и людей в нем немного; к нему подступил великій царь, и обложил его, и произвел против него большія осадныя работы; но в нем нашелся мудрый бѣднякъ, и он спас своею мудростью этот город; и однако никто не вспомнил об этом бѣднякѣ. И сказал я: мудрость лучше силы, и однако мудрость бѣдняка пренебрегается и слов его не слушают“. Экклес. 9, 13—6. „И обратился я и видѣлъ под солнцем, что не проворным достается успѣшный бѣг, не храбрым побѣда, не мудрым хлѣб, и не у разумных богатство и не искусным благорасположеніе; но время и случай для всѣх их. Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сѣть и как птицы—в силки; так сыны человѣческіе уловляются в бѣдственное время, когда оно нежданно находит на них“, ib. 9, 11—2.

Дополненія.

К стр. 16. К этому *стадо*, сходка для игры, хоро-
водов, а не к *стадо* грех, может относиться названіе
мѣстности (площади, потом застроенной) в стар. Псковѣ:
„въ лѣто 7040 бысть моръ во Псковѣ; тогда мца Авгу-
ста 15 погорѣ *Стадище*“ (собств. мѣсто гдѣ „стадо“) за
Варламомъ“, Пск. I, П. С. Р. л. IV, 298.

К стр. 25. С „игрища *утолочена*“ ср. стар. *толока*
в см. игрища, не без основанія осуждавшагося христіян-
ским благонавіем. В „Уставѣ Св. кн. Владимира . . . о цер-
ковных судах: „аже дѣвку умолвить кто къ себѣ и *дасть*
въ толоку, на умољницы (=с подговорившаго) епископу
3 гривны серебра, а дѣвицѣ за соромъ три гривны сере-
бра, а на толочныхъ (с толочан, участников в толокѣ) по
рублю, а князь казнить“, Соф. I л., П. С. Р. л., VI, 85.
Невѣроятно, чтобы рѣчь шла о толокѣ (помочах) для работ.

К стр. 51, 59 („солнце метет“). Ср. в „*Pentamero-
ne*“ G. Basile: „едва солнце рисовою метелкою своих лу-
чей успѣло смести сажу почи, как оп . . .“ (перев. Либрех-
та, I, 129); „Как скоро солнце смело своим золотым вѣ-
ником сор тьмы с полей, окропленных утреннею росю,

Кола Маттеї взяв корзину . . . *ib.* 194.

К стр. 138. Сонце или зоря стелет красную ткань, сыплет золото, серебро. Ср. у Квитки („Маруся“): „Ось и зачервоніло на тій дорозі, де ёму (сонцю) треба йти, и розислалось мов сукно, як кармазин красне; далі неначе срібні цвітки по нёму хто посипавъ, а тут и увесь путь став мов золотим піском по червоному полю посипаний. Зазолотились и верхівъя дерева по лісам, и ось золотий по них пісок сиплетця по дереву нижче, усе нижче. Стало винирять (=вирипать) з-за землі . . . що? И світ, и огонь, и краса!“

К стр. 138—40. *Снода*. Возможно другое, м. б. болѣе вѣроятное объясненіе этого слова. Это — искаженіе поль. *snota*. Бѣль (пряжа) как символ дѣвства, названа „цното тонкая“, от *snota* честь, дѣвичья честь — дѣвство, *cuppus virginis*, при чем к *цнота* отнесен эпитет бѣли. Таким же образом в свадебной п. *цнота* (откуда искаженіе *сноток* вм. *цнотку*) замѣнила другой символ дѣвства, калину. Ср.

Темного лугу калина,
Доброго батька дитина:
Хоть вона по ночам ходила,
Та при собі калину носила;
Куповали купці, непродала,
Прохали хлопці, недала,
Шовком иіженьки звязала,
Для свого друга держала;
„А мій Ивашко розограв,
„Шовку ниточку розирвав.
(Чуб. IV, 451—2),

с вар. Г (*ib.*):

По ночам неходила,
Своєї цноти незгубила и пр.

и вар. А:

. . . по ночам неходила
При собі *сноток* носила и пр.

Указатель.

I.

— Поэтический образ (символ): способ распределения образов 41—2; представление данного преданием образа личным восприятием, 7, 9, 10, 11; превращение символа лица в обстановку 160—1, 179—80, 242.

— *Размѣр*. Распределение пѣсень по размѣрам 45—6. Растяжение размѣра 261. Устойчивость размѣров 46, 48, 73, 260.

Размѣры (4 + 3 + 3) и (4 + 3): 47—8, 50, 52, 88, 116, 131, 149, 152—4, 163, 166—7, 186—7, 221.

Размѣр (4 + 4 + 3 + 3): 54.

Размѣр (4 + 4): 76—8, 83—90, 95—6, 141—2, 157—8, 166—7, 195, 222—4, 228—30, 234.

Размѣр (5 + 3): 71—2, 73—4, 138, 154—5, 160—2, 164—5, 168, 178—88, 192, 194—5, 214—6, 243—4.

Размѣр (5 + 3 + 3): 182, 232.

„ (5 + 4): 230—67.

„ (6 + 6): 19, 24, 27—8, 116—7, 122—3, 188—9, 206—7, 210, 212, 221, 259, 260.

Размѣр (5 + 5): 75, 136—7, 190, 208—9, 245, 259.

— *Запѣв* 160, 215—6, 235, 237, 247, 262, 265—7.

— *Припѣв* 16 сл.

— *Величальныя пѣсни*: 61, 68, 73—4, 76—8, 83—92, 132, 134, 136—7, 149—50, 157.

II. Слова (косым шрифтом) и образы.

алконост 254—5.

береза 245—6, 248—9.

Бог 100; *богоданный*, *богдан* 99.

бондарь 10.

бочка 8—9.

братъ лен, конопля 43.

бѣль бѣлить, сукать 139—40, 177—8; ср. шнур сукать, серб. гаѣтан плести, 140—2; 10.

верба 152 сл., 155—60, 300; верба над водою 240—2; 247; „вербовая дощечка“ 152 сл., 186.

„вито кале“ и пр. 84—5.

вода, ходить (и „грати конем“) над водою 225—7.

волы в плугѣ 42.

ворота 45, 48, 53—7, 65, 69, 74—5; трое ворот 75—7, 79, 92—3; отпирать ворота 55, 93, 169—70; см. ключь.

вѣдро и дно 3, 6—7, 9—10.

вѣник 51.

вѣнок вить 143; вѣнком воду носить 185; вѣнок тонет, всплывает 206, 210.

вѣтер 48—9.

гасить 178 сл.

горѣть („палати“, огонь, пожар) 79—80, 172—89; „в горюдуба“ 176—7; см. также дуб, дуброва, калина, липа, роза, сосна.

„град“ (замок) ни на небѣ ни на землѣ 78—9; ср. 104.

гусли 12, 213—6.

густи 154, 215.

дно см. вѣдро, сопѣлка.

дивина 156.

диди-ладо 20, 24—7, 29; дидикать 29.

доля „божая и батькова“ 99—101; доля тонет 103; доля и зоря 100—5.

дуб горит 139, 177, 232; дуб при дорогѣ 240.

дуброва горит 153, 176, 183—9.

дым 175—6.

дѣвица тонет 70—2, 190—221.

ель 248.

жар—жаль 174—5.

жать жито 43—4.

- жемчуг 160—4.
замок 125.
зимородок 253.
зозуля, кукушка 260—2.
золото (жемчуг) разсыпать 160—9.
зоря, ключи, роса, мед 94 сл.; зоря пляшет 97; зоря
даєт долю 99—103.
играть на гусях и пр. 11—3, 217.
ити вниз 4—5.
калина 60, 156, 242—4; калина горит 179; калино-
вый мост 146—7, 179.
камень 171.
кипѣть 173.
кладка 135, 145.
клониться (хилитись) 4—5.
ключ 125, 202 — 3; ключи, замыканье, отмыканье
94—9, 103—6, 107—8, 123—4.
koła i rozwoja 10.
колесо 153—5.
колыска (люлька, рель) 199—201.
конопли см. брать.
краса 114—6, 122—3, 156.
кресло 62.
кульбаба 155.
курить, курно 175.
лада, ладо 23—38; ладкати 31—2.
Лайма 64, 102—3.
lałuti, lałauinkas, лит. 20.
лелѣяти 22.
лелю и пр. 16—20, 21, 29, 30.
лен см. брать.
lido, ligot, лот. 23.
липа горит 180—1; л. тонет 195.
лист 159.
люли 22; люляти и пр. 22—3.
лють 113.
мести, метелка 51, 59, 242.

мизинец 57.

море: отсылать за море болѣзни 82; 104.

мороз 113, 231.

мост мостить 127—45, 149—51; ити, переводить через мост 145—9.

мыть ноги 144—235.

мѣсяц мертвец 80—1, 109.

нить 5—6..

огонь см. горѣть.

орать см. воли.

озеро (скользкое) 91.

палить см. горѣть.

паутина 3.

перепелка 259—60.

перстень 55, 68—70, 73, 153, 170—1, 213.

пить 173—4.

платье (краса, любовь) 115, 118.

плести см. бѣля.

пожар см. горѣть.

полелю 17—8.

полой 17—8.

порой 17—8.

постать 97.

против 45, 26.

прясть 142.

пѣсни в решетѣ, клубкѣ, скринѣ 118; пѣсни—соколы—цвѣты ib.

развиваться 49—50, 158—9, 243.

разсыпать см. золото.

ремез 251—3.

решетом воду носить 183—8.

роза 109—11; р. горит 182.

роты (три) 32—5.

роса и зоря 93—8; роса—коса—краса 111—3, 185, 209; роса—мед 114 сл.; роса правда 182.

сад садить 41.

свиваться, прививаться к чему 3—6; вить, сучить см. бѣль.

свѣча („засвічу я свічку, перебреду річку“) 196—8.
скрип дерева 160—1.

скрипка и струны 12.

смеркач 108.

снода, слюда 138—40 и Дополн. II.

собирать разсыпанное 160—70.

сокол выносит дѣвичью красу 116—23; разсыпает, похищает жемчуг 167—9.

солнце (v. солнцева дочь) бредет по морю, тонет, 67—8, 70, 102—3, 109; купается 191—4; дарит лѣса 66, 68—9; солнце—колесо 154; солнце—дерево: верба и пр. 154 сл.; солнце видит 153 сл.; закат солнца 66—7, 78—82; солнце вѣет вѣнок 64—7; солнце лѣтнее, зимнее 62—3; служанка солнца 63; см. мести, колесо, яблоко, яйцо, челнок.

соловей 261—7.

сопѣлка и дно 11.

сосна 248; сосна горит 181.

sumpurni, лот. 249.

сушиться 230.

стадо, стадище 16 и дополн. I.

сынку (о дочери) 192.

сѣять 39, 40—2.

тарелка 61.

течь 4.

ткать 142.

токъ, токовать 25.

толока

толпище 16, 25.

тонуть см. вѣнок, доля, дѣвица, липа, солнце.

тополя 49—50.

топтать 44.

трава (косить и пр.) 249.

утираться 148.

„на утори слаба“ 10.

халява 9.

церковь 64—5, 76, 144.

чайка 258—9.

чаша 7—8.

челнок 58—9.

червец 163.

шнурки 140—2, ср. 10.

яблоко 58—61, 64—5, 168—9.

явор 156—241.

яйцо 58—60.

ящер 27.

ОПЕЧАТКИ.

Стрц.	Стрж.	Напечатано:	Должно быть:
9	13	стр. 210	стр. 2
14	17	а то,	говорится не это, а то,
—	19	созрѣнья	созрѣванья
19	1	Діев	Діев
—	25	неудату з	неудату з
21	6—7	изношонный	изношенный
—	23	припѣоу	припѣву
22	28	лѣд-ѣ-яти	лед-ѣ-яти
23	26	(в Черн. горѣ)	(в Черн. Горѣ)
—	37	труба, ка	труба, -ка,
34	37	і ржуць	іржуць,
39	4—5	чпстяти,	чистили,
42	11	Плугатири	Плугатирі
55	31	мгра	игра
58	13	metajūt	metajūt
60	38	но оно	но она
61	7 п 8	покотилося	покотилася
62	30	(лѣтнее	(лѣтнее)
68	19	Возможн,	Возможно,
73	31	стр. 76)	стр. 70)
79	4	(стр. 65)	(стр. 75)
—	7	Што си	Што су
—	8	151)	151)
81	32	и слиде	(п) сѣипе
—	37	явлюючи	являющи
82	23	изложен“	излажен“
—	24—5	протошниц	притошниц
—	31	in duga-	induga-
83	27	сироти	спроти
85	29—30	саовила	самовила
90	18	дівно	дивно
97	33	(=си)	(=пу)

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Должно быть:
98	38	(ligamīna,	(ligawīna,
99	2	(не помѣта)	(не помѣха)
102	29	99)	64—5)
111	9	Исус	Исус бредет
—	10	)бредут	бредут)
—	14	94)	96)
113	25—6	54—5	48—9
114	23	Вишми ѣу	Вишциѣу
115	5	Парубацкая	Парубоцкая
—	7	в дѣгги	в дѣггі
116	16	тернянком	терняньком
117	1	конкол.	кокол.
122	28	пѣсня?)	пѣсни?)
—	—	Гуинледою	Гуинледою
128	27	58)	52, 64)
143	10	ѣи	ѣии
—	16	сваше	свате
144	3	137)	132)
—	28	также	так же, т. е. заим- ствованіем
—	30	т стар	те стар
152	16	(185	(48
162	27	наберець	лаберець
169	19	Glambattista.. Pen- tamenoul	Giambattista.. Penta- merone
195	15	177, 179—80	180—2
199	37	свѣвуютъ“	спѣвуютъ“
202	35	198)	197—8
203	11	(176—80)	(191)
206	6	той	той
—	33	броу	броду
210	28	віночек	віночок
215	33	(См.	(Ст.
223	22	Анюшачка	Анютачка
228	33	носѣт	носѣт
229	18	кладот	кладат
235	33	140,	139 и пр.
236	7	а ргіогі	а ротіогі
—	22	позаливая	позаливай
251	4	3+4	5+4
257	1	птицами	птенцами
261	23	на Чуб.	на пр. Чуб.

Стрц.	Стрж.	Напечатано:	Должно быть:
262	15	ненужна[	ненужна]
263	9	рощина	рошица
—	20	тоё	твоё
—	29	дубраву	дуброву
264	36	даст	даёт
266	28	вм. -нѣку	вм. -нѣкув
268	13	солнцем	солнцем

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Малорусскія пѣсенныя выраженія мысли „что к чему идет“, „что к чему пристало“	1
II. Делю-полелю, диди-ладо	16
III. Веснянки размѣра (4+3+3) и (5+3) и др. сродныя пѣсни.	39
1. Сѣянье проса	39
2. Ворота	45
3. Воротарь	55
4. Мосты	127
5. Вербовая дощечка	152
6. Горѣть, горюдуб и пр.	172
7. Дѣвица тонет	190
IV. Веснянки (Петровочныя, Купальскія) размѣра (5+4). 231	
Дополненія.	
Указатель.	
Опечатки.	

7722 7b